

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1982

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1982

042(02)I

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

**д.и.н. В.И.БУГАНОВ (отв. редактор), д.и.н. Б.Г.ЛИТВАК,
д.и.н. В.А.КУЧКИН**

Институт истории СССР АН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые читателю статьи и публикации источников принадлежат перу начинающих исследователей (работы представлены к печати их научными руководителями и наставниками), и ученых, широко известных. Это сочетание придает сборнику особый интерес.

12 статей и публикаций, вошедших в сборник, охватывают своим анализом источники широкого хронологического диапазона с древнейших времен до начала XX в., но центр тяжести падает на XVII век. Две общие проблемы объединяют эти работы: анализ отдельных разновидностей источников летописей, в том числе неизвестных ранее их отдельных текстов XVII в., посольских книг, родословных документов и материалов приказного делопроизводства, ведомостей Мануфактур-коллегии, описания губерний XVIII в., публицистики XIX в., земской статистики XX в. — с одной стороны, и историография источниковедения — с другой.

По каждой из этих проблем авторами вносятся новые факты и идеи, обогащающие источниковедческую литературу. Наблюдения о летописных источниках "Истории государства Российского", об одной из новгородских берестяных грамот XII в., о характере и смысле посольской терминологии, понятии частного архива в XVII в., оригинальные известия о "смутном времени" в своде 1652 г., анализ новой, краткой редакции летописца 1619-1691 гг., интересная интерпретация статей А.В.Русанова, одного из переводчиков Маркса, о развитии капитализма в России — все это впервые вводится в научный оборот.

Сборник рассчитан на широкий круг лиц, интересующихся отечественной историей и в первую очередь источниковедческой проблематикой.

Л.Л.Муральева

ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ "ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО" Н.М.КАРАМЗИНА (т. IУ-V)^X

В одном из писем, датированном маем 1800 г., Н.М. Карамзин отметил: "Я по уши влез в Российскую историю: сплел и вижу Никона с Нестором"¹. Это было начало работы историографа над "Историей государства Российского", первый том которой вышел в свет в 1815/6 г. Большой научный интерес до наших дней сохраняет вопрос об источниках этого многотомного труда и сделанных к нему Примечаний. Он написан на основе огромного круга самых различных материалов, часть которых была впервые введена в оборот. Карамзин имел доступ в различные русские и иностранные архивы и библиотеки. Так, ученый работал (или выписывал книги) в Архиве Коллегии иностранных дел, в библиотеках Патриаршей (Синодальной), Академии Наук, Оружейной палаты, Троице-Сергиевой лавры и т.п. Он пользовался услугами крупнейших частных собраний русских коллекционеров А.И.Мусина-Пушкина, Ф.А.Толстого, А.И.Тургенева, Д.М.Голицына, Т.Баузе и других. Карамзин сам имел богатую библиотеку редких книг и рукописей. В своем труде историограф ссылается на

^X Первая часть статьи.

исторические сочинения В.Н.Татищева, М.М.Шербатова, И.Н. Болтина, а также Абуль-гази, М.Видани, С.Герберштейна, О.Далина, Яна Длугоша, М.Кромера, М.Стрыйковского и многих других.² Во время работы над "Историей" в его творческую лабораторию поступали материалы из Германии, Ватикана и т.п.³ Ведущее положение среди источников занимает, конечно, летописные памятники. Карамзин отводит летописям первое место в характеристике материалов, данной во вводящей главе к обследуемому нами труду: "Об источниках Российской истории до ХУП века". Он выделяет среди них основные, указывая: "Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и его продолжателей суть харатейные, Пушкинский и Троицкий, ХІУ и ХУ века. Достойные также замечания Ипатьевский, Хлебниковский, Кёнигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский".⁴

Р.П.Дмитриева, подготовившая аннотированную библиографию русского летописания с ХУШ в. и по 1959 г., заметила, что "в научной литературе не изучен вопрос об использованных летописях в "Истории государства Российского", за некоторыми исключениями".⁵ Исследовательница указала только на две современные изданию "Истории" рецензии Н.С.Арцыбашева⁶ и И.Лелевеля⁷. Назовем еще отзыв С.В.Руссова, написанный в ответ на критику Арцыбашева труда Карамзина⁸. Все три автора ограничились краткими замечаниями о некоторых летописных источниках историографа, отметив, в частности, списки "Несторовой летописи". Особо следует обратить внимание на справочное издание П.М.Строева, вышедшее в 1836-1844 гг. под названием "Ключ к Истории государства Российского Н.М.Карамзина", где в Предметном указателе перечисляются летописи, названные в этом сочинении. По поводу данной публикации А.С.Пушкин писал: "Издавший два тома г.Строев оказал более пользы Русской истории. Г.Строев обдегчил до невероятной степени изучение Русской истории"⁹. Под рубрикой "Летописи" в "Ключе" названы арабские, бергинские, венгерские, византийские, ливонские, немецкие, польские, прусские, русские, сибир-

ские, скандинавские; затем отдельно в числе "русских" - Александро-Невская, Архангелогородская, Архивская, Волинская, Воскресенская, Вятская (Хлыновская), Голицынская, Двинская, Еропкинская, Засецкого, Ипатьевская, Казанская, Кёнигсбергская (Радзивилловская), Кикинская, Кирилловская, Киевская, Костромская, Кривоборского, Курская, Лаврентьевская, Летопись Львова, Макарьевская, Морозовская, Московская (Новый летописец), Нижегородская, Никоновская, Летопись Новая (о мятежах), Новгородская (разных списков), Псковская, Раскольничья, Ростовская, Соловецкая, Софийская, Троицкая, Устюжская, Хлебниковская, Хрушевская, Царственная, Щербатовская¹⁰. Потом М.Н.Погодин, собирая материал для биографии Карамзина, выскажет мнение, что "Главные пособия" при написании им "Истории" были такие издания, как: Степенная, Царственная, Родословная книги, Кёнигсбергская, Никоновская, Новгородская летописи, сочинения Татищева, Болтина, "опыты" Мусина-Пушкина", специально оговорит об использовании в ней "Списков чистого Нестора" - Пушкинской, Троицкой и Новгородской I летописей¹¹. Н.Мурзакевич, который занимался рассмотрением источников "Записок касательно Российской истории" Екатерины II, указал, что в "Описях" бумаг Кабинета Зимнего Дворца 1795-1796 гг. означены летописи, которые, возможно, не были знакомы Карамзину¹². Затем, еще несколько позднее К.Н.Бестужев-Рюмин напишет: "Карамзину известно было большое количество памятников, которые мало дополнились сегодня. У него не было Тверской летописи. Но многое он нашел сам впервые... Примечания сохраняют все свое значение и будут сохранять еще долго, если не всегда" и отметит необходимость "составить список всех памятников, которыми пользовался Карамзин: "может быть ныне из них до сих пор ускользали от исследователей"¹³.

Но мало что сделано для осуществления предложения историка XIX в. И высказанная им точка зрения в 1882 г. остается в силе и сегодня. Только в 1913 г. при подготовке к изданию в серии ПСРЛ вновь обнаруженного памятника -

Симеоновской летописи были привлечены как варианты выписки в Примечаниях к "Истории" Карамзина из утраченной Троицкой летописи¹⁴. В советское время при реконструкции ценной пергаменной летописи начала XV в. М.Д.Приселков опирался на оставленный историографом ее материал¹⁵. Д.С.Лихачев¹⁶ и М.Н.Тихомиров касались вопроса и о других летописных источниках труда Карамзина, в частности, Синодального собрания; в последние годы - В.П.Козлов¹⁷.

В настоящее время значение "Истории государства Российского" и ее Примечаний определяется в значительной степени наличием в указанном издании текстов Троицкой летописи. Это была единственная в своем роде и своего времени бывшая в научном обороте летопись. Современная и близкая описываемым в ней событиям, она послужила основой их изложения Карамзиным с 1263 по 1408 гг. Неслучайно историограф называл Лаврентьевскую и Троицкую летописи "Списками чистого Нестора"¹⁸. Карамзин первый по-настоящему понял и оценил их, интенсивно работал над еще мало известной тогда харатейной летописью начала XV в. Он обнаружил - "нашел" эту летопись в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, очевидно, в мае 1804 г.¹⁹ Первый среди ученых, обративших на нее внимание в 70-х гг. XVIII в., как известно, был Г.Ф.Миллер. Оставив на полях печатного экземпляра Кёнигсбергской (Радзивилловской) летописи (издание 1767 г., место хранения - собрание Министерства иностранных дел, № 45) варианты и разночтения, сличенного с ней в пределах нескольких начальных листов пергаменного памятника, он дал ему название по месту его основного хранения - "список Сергиево-Троицкого монастыря" и "Троицкой"²⁰, которое затем закрепилось в литературе. Непосредственными предшественниками Карамзина по привлечению этой летописи для написания сочинения по истории России были А.А.Барсов и Х.А.Чеботарев, работавшие с ней после Миллера в 80-90-х гг. XVIII в.²¹ Несмотря на то, что Карамзин пишет - "нашел" Троицкую летопись, возможно, ученый знал о ее существовании до его поездки в лавру. Автор "Истории" был хорошо

знаком с Миллеровским экземпляром Кёнигсбергской летописи, где сохранились пометки, сделанные его рукой.²² Будучи почетным членом Московского университета, Карамзин находился в тесном общении с его профессорами Барсовым и Чеботаревым, читал их труды, пользовался материалами их библиотек²³. Они тоже могли его информировать о появлении в Москве редкой пергаменной летописи, вытребованной вместе с другими рукописями из Троицкой лавры по запросу Синода в конце 60-х гг. XVIII в.²⁴ Но в начале XIX в. Троицкая летопись (как и некоторые другие рукописи) вновь оказалась в лавре. К 1802 г. относятся "Исторические воспоминания" историографа о его двухдневной поездке в Троицкую лавру и об ознакомлении тогда с ее монастырской и семинарской (6.000 книг!) библиотеками²⁵. Что касается официального разрешения на право пользования книгами троицких библиотек ("где хранятся многие летописи"), то он получил его после запроса не ранее конца 1803 г.²⁶ Письмо Карамзина с известием о находке им в Троицкой лавре пергаменной летописи XV в. датируется сентябрем 1804 г.²⁷ Таким образом, имея разрешение на пользование книгами лавры, он вывез (или выписал) в 1804 г. этот памятник (и еще шесть рукописей) из семинарской библиотеки²⁸, который был "отдан после Обществу истории и древностей, и сгорел в нашествие французов"²⁹. Возникает вопрос, когда точно - "после" Троицкая рукопись была возвращена Карамзиным? Приселков думал, что он передал ее в 1804 г.³⁰ Как видно из переписки Карамзина с Троицкой семинарией, только в октябре 1805 г. он вернул туда две рукописи - Хронограф и Ермолинскую летопись, а относительно других, в том числе Троицкой летописи, отправил в Синод "прошение" с просьбой оставить их на некоторое время ему ввиду крайней нужды для продолжения научной работы. Просьбу историографа удовлетворили и от митрополита Платона поступило распоряжение "потерпеть и оставить на нужное время у г. Карамзина невозвращенные им рукописи, по его прошению".³¹

Другое официальное сообщение, датируемое не позднее

5 февраля 1812 г., гласит: "Свято-Троице-Сергиевой Лавры Семинарское Правление уведомляет, что харатейный список Несторова Летописца № 105, находившийся у г. историографа Карамзина, ныне считается за Обществом истории и древностей Российских"³². Таким образом, "нужное время" могло протянуться довольно долго, вплоть до завершения ученым написания первых пяти томов. Судя по письмам Карамзина, он еще в 1808 г. только "перешел в четвертый (IV) том", в 1809 г. описывал "окончание времени Дмитрия Донского"³³, а в 1810 г. - "окончание княжения Василия Дмитриевича"³³, где одним из основных источников изложения материала оставалась Троицкая летопись (доведенная до 1408 г. вкл.). Но в эти годы она должна была быть у Х.А.Чеботарева и Н.Е.Черепанова, которые с 1804 г. по 1810/11 гг. занимались подготовкой издания Лаврентьевской летописи с привлечением для вариантов пергаменной летописи начала XV в.³⁴ Все вышесказанное дает некоторое основание высказать предположение о бытовании в начале XIX в. копии Троицкой летописи. Не исключено, что такая копия была у Карамзина (как точно с пергаменной Лаврентьевской), по которой он активно продолжал работу над четвертым-пятым томами своей "Истории". Но, с другой стороны, она наоборот, могла быть снята с оригинала в свое время (как, например, с Никоновской) Х.А.Чеботаревым; и подведение вариантов (до 922 г., 80 страниц) к Лаврентьевской летописи по исходному пергаменному памятнику XV в. началось, не исключено - по чеботаревской или миллеровской копиям. Вместе с тем следует иметь в виду и другое обстоятельство. Согласно специальному указу от июня 1804 г., "Общество" располагало правом пользования в рукописях "оригинальных русских летописей и хронографов, хранящихся частью в Государственном Архиве Иностранных дел и С.-Петербургской Академии наук, частью в Патриаршей и Типографской Синодальной библиотеках, в Троицкой лавре и других монастырях", в которых "для сохранения их в целости" вменялось снимать точные копии и только при заготовке таких "списков с лучших де-

тописей" приступать к их изданию³⁵. Прямое указание о снятии копии с рукописи имеется у нас только в отношении Лаврентьевской летописи; подготовка к изданию "Летописца Нестора, яко отца всех русских летописей и истории", осуществлялось, в частности, по этой копии. К сожалению, библиотеки "Общества истории", Чеботарева³⁶ и Карамзина сгорели в московском пожаре 1812 г. 13 сентября того года Карамзин покинул Москву. А в январе 1813 г. автор "Истории" писал: "Библиотека моя имела честь обратиться в пепел, вместе с Грановитой палатой, однако ж рукописи мои уцелели в Остафьеве. Жаль пушкинских манускриптов, они все сгорели, кроме бывших у меня. Потеря невозвратимая для нашей истории"³⁷. Что представлял собой в полном виде остафьевский архив историографа (кроме наличия там рукописей его исторического труда), трудно сказать; сведений об этом не обнаружено.

Мы поставили перед собой задачу определить летописные источники "Истории" Карамзина за вторую половину XIII-начало XV в. и провести вслед за М.Д.Приселковым новое и полное обследование ее Примечаний в основном с целью возможности дополнительного выявления материала Троицкой летописи. Это обусловлено следующим обстоятельством. Как известно, Приселков ввел в оборот путем сравнительного анализа родственной семьи летописей много новых - "глухих" выписок из Троицкой летописи, которые не имеют прямых указаний историографа на искомый памятник и тем самым значительно увеличил известный в науке фонд его текстов. Но за время, прошедшее после выхода в свет в 1950 г. восстановленной Троицкой летописи, открылись некоторые новые возможности сопоставления "безымянных" выписок Карамзина с другими материалами (так и вообще уточнения реконструкции текста самой пергаменной летописи). Речь идет, в частности, об обнаруженной Г.Н.Моисеевой копии на 3-х листах начала Троицкой летописи, снятой Г.Ф.Миллером³⁸ (этот отрывок хранится в ЦГАДА, ф.199, оп.1, д.150, ч.1, № 6). Он воспроизводит с определенными отличиями часть оставленно-

го Миллером текста Троицкой летописи до 898 г. на полях печатной Кёнигсбергской летописи (1767 г.), который в 1840 г. опустил М. Оболенский. Приселков (по его словам) ограничился изучением миллеровских вариантов Троицкой летописи по показаниям Оболенского³⁹.

Для решаемой нами задачи представляет интерес малоизвестный материал Троицкой летописи, содержащийся в упомянутом выше сочинении по истории России (конца XVIII в.) профессоров Московского Университета Барсова и Чеботарева. Сейчас исследователь имеет также введенный в науку в 1942 г. М. Н. Тихомировым и неизвестный Приселкову Владимирский летописец (далее Вл.), весьма близкий Троицкой и Симеоновской летописям и Рогожскому летописцу до 1390/2г.⁴⁰ Дальнейшее обследование летописных памятников в последние годы выявило отдельные аналогии текстов и других летописей с Троицкой⁴¹.

Далее, Введение, написанное Приселковым к изданию "Троицкой летописи", недостаточно открывает его творческую лабораторию по реконструкции памятника. Вне поля нашего зрения остается такой этап его работы, как выделение из большой массы "безмянного" летописного материала в Примечаниях "Истории" Карамзина отдельного комплекса выписок для обследования и сравнения с Симеоновской летописью и Рогожским летописцем. Мы не располагаем "раскладкой" Приселкова полностью всех известий этого материала Примечаний по их принадлежности тому или другому памятнику. То, что подобная "раскладка" проводилась ученим, вполне вероятно. Он писал во Введении: "Меня не пугала кропотливая и трудоемкая задача выяснить все летописные тексты, вовлеченные Карамзиным в работу над "Историей" в пределах первых пяти томов, с последующей задачей выяснить по этим текстам источники тех выписок в "Примечаниях", при которых не указаны ссылки (что дало несколько счастливых результатов в пользу Троицкой)"⁴². Сейчас читателю доступна сводка отобранных автором "безмянных" текстов (по принципу их идентичности или сходности с Симеоновской

летопись или Рогожским летописцем), как предполагаемый материал Троицкой⁴³. Приселков называл этот материал "кусками" изложения Троицкой летописи, имеющими "разную степень достоверности" и "определяемым путем различного рода разысканий и соображений" (в отличие от "кусков" реставрации текста на основе выписок с прямым указанием на памятник)⁴⁴. Вместе с тем, анализ отобранных Приселковым и других текстов показывает, что ученый был не до конца последователен и четок в проведении им же предложенной методики их выделения из Примечаний Карамзина (об этом особо ниже). Приселков понимал, что первый опыт реконструкции текста утраченного памятника в целом "будет, конечно, исправлен, пополнен и уточнен", и призывал будущих исследователей "критически отнестись к предложенным здесь материалам".⁴⁵

Согласно логике самого нашего исследования, решающего двуединую задачу (систематизация ссылок на источники и определение "остатка" летописных текстов без ссылок с последующим их сравнительно-текстологическим анализом для атрибуции их как материала Троицкой летописи), итоги его могут быть изложены в двух частях статьи. Данная часть описывает первый этап исследования.

Переходим к рассмотрению текстов Примечаний к "Истории государства Российского" с 1263 по 1408 гг., заключенных в ее IУ-У томах⁴⁶. Вначале несколько общих замечаний о Примечаниях. В предисловии к этому труду Карамзин записал: "Множество сделанных мной Примечаний и выписок устрашает меня самого... В воле читателя заглядывать в сия пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением". Главная масса Примечаний к "Истории" относится ко времени до XV в., а "с XV века, - продолжает историограф, - уже менее выписывав: источники размножаются и делаются яснее".⁴⁷ Обследование Примечаний имеет определенные трудности. В "пестрой смеси" их корпуса (содержащих от одного-двух до нескольких десятков известий) отсутствует строгая система расположения текстов:

выписки и ссылки с указанием и без указания на летописный источник находятся вперемежку. Во многих случаях не обозначена летописная статья, многоточием разделяются записи одного (при сокращении) и разных известий, одного и разных летописных источников. Текст известий летописей цитируется или коротко пересказывается. Между разными текстами употребляются вводные слова: "далее", "также", "там же", "ниже в летописях", "в некоторых летописях", "во многих летописях", "тут же", и т.п. Одна группа Примечаний является непосредственным продолжением изложения текстов, заключенных в "Истории", другая - дополнением, составленным в виде подборки выписок к отдельным разделам ее глав. Назовем эти сводные Примечания: т. IУ, № 147 - "Случаи Ярославова княжения, о коих мы не упоминали в Истории", № 154 - "Случаи Василиева княжения, о коих мы не упоминали в нашей Истории", № 172 - "О знамениях и бедствиях", № 175 - "Все остальные известия Волыnsk. Летописца, из коих мы внесли важнейшие в Историю", № 182 - "Разные случаи Димитриева княжения", № 206 - "Разные происшествия Андреева княжения, о коих мы не упоминали в Истории", № 247 - "Разные происшествия Михайлова княжения", № 280 - "Случаи сего времени, о коих мы не упомянули в Истории" (1319-1327 гг.), № 328 - "Разные случаи Иоаннова княжения, о коих мы не упоминали", № 373 - "Случаи Симеонова княжения, о коих мы не упоминали", № 390 - "Разные случаи княжения Иоанна Иоанновича", № 397 - "Маловажные случаи княжения Димитрия", т. У, № 137 - "Случаи Димитриева времени, о коих мы не упоминали", № 254 - "Выписка из летописей о разных случаях Василиева княжения" (1389-1425 гг.). Именно здесь записи известий, как правило, переданы в сокращенном пересказе.

Теперь перечислим использованные автором "Истории" за обследуемый период летописи с их краткой характеристикой и укажем прямые ссылки на них (с учетом отметки - там же, тут же). В пределах указанных томов сочинения Карамзина упоминаются следующие русские летописи (по ал-

фавиту):

Архангелогородская летопись или Устюжский летописный свод (852-1598 гг.), впервые опубликован в Московской типографии в 1781 г. Упоминается и цитируется (с указанием стр. на издание) Карамзиным - т. IУ, грим. 106, 159; т. У, прим. 71, 90, 95 (2), 171 (2), 191, 193, 196, 206. По мнению ученого, в Архангелогородском летописце "есть украшения и догадки, однакожды он достоин внимания".⁴⁸

Архивская Киевская летопись. Так, по данным Д.С. Лихачева, Карамзин называл Супрасльский список⁴⁹, со. зржащий Новгородскую (до 1332 г.) и Киевскую (до 1516 г.) сокращенные летописи. Она принадлежала собранию Архива Министерства иностранных дел и была издана М.А. Оболенским в 1836 г. Историограф писал о ней: "В 1809 г., осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: Летопись Киевскую, известную единственно Татищеву, и Волынскую, прежде никому неизвестную".⁵⁰ Ссылки - т. У, прим. 191, 193.

Волынская рукопись известна как Хлебниковский список XVI в. Ипатьевской летописи. Ссылки т. IУ, прим. 119, 141 (2), 142 (2), 143, 144 (2), 149, 151, 175, (2), 242. Ученый оставил об этом редком памятнике такую еще запись (в одном из писем): "Список прекрасный, четвертого на десять века. Я достал Волынскую летопись не от Руссова, а из библиотеки одного купца коломенского".⁵¹

Воскресенская летопись, по определению Карамзина, "так называемый Воскресенский (напечатанный) есть Софийский Новгородский список Нестора и Продолжателей; в нем немало важных древних прибавлений..."⁵². Данный памятник напечатан при Академии Наук в 1793-1794 гг. под названием: "Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году". В 1856 г. при издании Воскресенской летописи в серии ПСРЛ был использован для вариантов принадлежащий историографу ее Карамзинский II список, в Предисловии к которому указано: "Карамз. П. Рукопись, в лист, до 1560 го-

да... Доставлена в Комиссию от действительной статской советницы Карамзиной⁵³. Называется "читаются выписки"⁵⁴ - т. IУ, прим. II8, II9, I2I, I25, I57, I59(2), I63, I67(?), I68, I69, I78, I82, I85, 20I, 208, 209, 2I0 ? 2I6, 2I7, 223, 225-227, 229, 252, 258, 266, 290, 293, 299 (2), 3I2, 325, 330, 34I, 387 (2); т. У, прим. I33.

Воскресенского монастыря Летописец упоминается всего один раз - т. IУ, прим. 327⁵⁵. Карамзин записал об этом Летописце: "У меня есть так называемый Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли."⁵⁶

Горюшкинский летописец указывается и цитируется тоже один раз - т. У, прим. 233. По сведению В.С. Иконникова, это - "Софийский Временник". Его рукопись поступила в 1878 г. вместе с другими книгами историографа в Публичную библиотеку как "Софийский Временник, называемый Карамзинным Горюшкинским летописцем [по 7033]"⁵⁷. На первом белом листе последней рукой Карамзина написано: "Горюшкинский летописец".⁵⁸ Таким образом, автор "Истории" работал с рукописным экземпляром памятника, представляющим собой Софийскую I летопись, Горюшкинский список.

Засецкого летопись, хранилась под № 602 в библиотеке Мусина-Пушкина; ссылки - т. IУ, прим. I37, I48. По заключению Лихачева, под этим именем ученый упоминает в "Истории" Софийскую I летопись, Карамзинский список, принадлежавший в свое время А.А. Засецкому (ГПБ, № 0. IУ, № 298)⁵⁹. В Предисловии к изданию Софийской I летописи в томе У ПСРЛ о данной рукописи говорится: "Кар. IУ...получена от действительной статской советницы Карамзиной".⁶⁰

Ипатьевская летопись. Ипатьевский список, крупнейший памятник вжнорусского летописания XIV в., привлечен Карамзиным главным образом до периода второй половины XIII в. За конец этого столетия упоминается редко - т. IУ, прим. I4I, I42, I75 (5). Автор "Истории" обнаружил настоящий список, некогда принадлежавший Ипатьевскому монастырю, "в Библиотеке С.-Петербургской Академии Наук между Дефектами"⁶¹. Хотя Карамзин пишет, что он "достал" его, рукопись

Ипатьевской летописи послужила источником уже в сочинении А.-Л.Шлёцера "Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке" (1809 г.),

Каменного монастыря памятник известен, как Летопись Спасского Каменного монастыря, составленная Паисием Ярославовым, - источник нескольких житий⁶². Ссылка т. IУ, прим. 160, где историограф, в частности, указывает, что Каменный монастырь был на "острове Кубенского озера, близь Вологды, сочинитель старец Паисей - Ярослав".⁶³

Нижегородский летописец был одним из печатных источников Карамзина⁶⁴. Возможно, ученый воспользовался изданием этого Летописца (1212-1687 гг.), вышедшим как продолжение Древней Российской Вивлиофики в 1791 г. Ссылки - т. V, прим. 43, 45, II 4.

Никоновская летопись. По наблюдениям Карамзина, "Никоновский более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, в XIУ веке сообщает дополнительные сведения о Тверском княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности". Несмотря на известное критическое отношение историографа к показаниям этого памятника XVI в., в "Истории" он используется интенсивно - т. IУ, прим. 123, 127 (2), 129 (2), 132 (2), 136, 148 (2), 152, 154, 160 (2), 161-164, 166, 167 (3), 168, 169, 172, 173, 181, 182 (7), 186, 188, 189, 206 (2), 208, 222, (2), 223, 225, 227, 228, 232 (3), 234, 236, 239, 242, 246, 247 (8), 248, 250, 256, 258-260, 262, 264, 280 (8), 281, 282, 283 (2), 285, 290, 299 (2), 301, 303, 305, 306 (2), 308, 309, 315, 328 (5), 333, 334 (2), 341, 344, 346, 360, 361, 369, (2), 371, 372 (2), 373 (5), 375, 377 (5), 378, 379 (5), 381 (2), 383 (2), 384, 390, 392, 396 (4), 397 (2); т. V, прим. 1 (2), 2, 5 (3), 9, 10 (2), 12 (2), 16, 17, 18 (2), 19 (2), 20, 22, 23, 24, (2), 29, 31, 33, 34 (2), 37 (3), 39, 44 (2), 45, 49, 54 (2), 55, 57 (2), 60, 62, 65, 68-70, 71 (3), 72, 74 (3), 75, 76 (2), 79, 80, 81 (2), 85, 90, 91, 93, 95, 98, 102, 106 (2), 113, 115, 116, 122, 124 (3), 128, 137 (3), 138, 144 (2), 147, 157, 168, 173,

179, 183, 186, 187, 191 (2), 192, 195, 198 (2), 203 (2), 204, 207, 209, 210, 213, 222, 230, 232 (3), 246, 254 (7).

По всей вероятности, ученый привлекал печатную "Русскую летопись по Никонову списку" издания 1767-1792 гг. с Предисловием А.-Д.Шлёцера. Он обращал внимание на то, что "многие и ныне думают, что патриарх Никон составлял Никоновскую летопись; она только принадлежала ему, отдана им в библиотеку Воскресенского монастыря и подписана его рукой; вот для чего назвали ее сим именем".⁶⁵

В Примечаниях к IV-V томам "Истории" имеются в основном указания и ссылки на две новгородские летописи - харатейную Новгородскую и Новгородскую по па Иоанна. Обе они были напечатаны (издания 1781 г. и 1786 г.), и современное их название - Новгородская I старшего извода, Академический список. Однако, думается, что историограф работал по рукописям данных летописей. Он считал необходимым сравнить обе рукописи с их изданиями и отметить, что "исправнее всех напечатана Новгородская летопись в Москве с харатейного Синодального списка, а в Петербурге с бумажного старого в Продолжении Древней Рос. Библюфики. Второй список идет далее, в нем именует себя поп Иван, без сомнения не автор, а переписчик; ибо тут же в харатейном Синодальном и теми же словами говорит о себе пономарь Тимофей".⁶⁶ Как известно, на второй рукописи, относящейся к середине XV в., имеется надпись XIX в. библиотекаря Академии наук А.И.Богданова - "Летописец по па Иоанна по названию В.Н.Татищева. 1737 г." - и пометы Н.М.Карамзина⁶⁷. Ссылки на эти две летописи даются довольно обильно - т. IV, прим. 119, 120, 121 (3), 122-125, 127, 128, 148, 156, 163, 165, 168, 169, 172-174, 196, 212, 222, 223 (2), 225, 227, 229 (2), 247, 249, 251, 257, 260, 261, 264, 274, 280, 285, 291, 293, 295, 297, 299, 303, 305, 306, 311 (2), 318, 332 (2), 333, 336, 338, 340 (2), 342, 347, 348, 351, 358 (3), 359, 367 (2), 382; т. V прим. 16 (2), 25, 26 (2), 53, 62, 70, 124, 147, 149, 170, 171, 172 (2), 182, 194 (3), 197, 203, 217, 218, 222,

В распоряжении автора "Историй" были еще две новгородские летописи, которые он, в отличие от названных двух, упоминает как рукописную Новгородскую - т. IУ, прим. 159 (2), 229 - и Голицынскую Новгородскую XУП в. - т. У, прим. 136, 223 (и далее). Относительно первой можно полагать, что это из Архива Министерства иностранных дел - Новгородская 2-я летопись, Архивский (А.Ф.Малиновского) список. О ней Карамзин говорит: "Новгородские известия простираются в краткой летописи, отданной в Архив Иностр. коллегии А.Ф.Малиновским, до самого 1570 г."⁶⁸ На использование этой летописи Карамзиным указывал Дихачев⁶⁹. Голицынская летопись, по данным историографа, - памятник, полученный им от гр.Ф.А.Толстого, "писан полууставом, в лист, при царе Алексее Михайловиче".⁷⁰ Нам она известна под названием Новгородская IУ летопись, Голицынский список (первая половина XУП в). Настоящий памятник сохранил показание на его принадлежность библиотеке А.Ф.Толстого.⁷¹

За изучаемый период Карамзин отличает Псковскую и Архивскую Псковскую летописи - т. IУ, прим. 127, 129 (2), 193 (2), 213, 247 (3), 254 (2), 286, 290, 328 (2), 336 (2), 338, 345, 355, 357, (3), 358 (2), 377, 390; т. У прим. 5, 16 (2), 137 (2), 182, 197 (4), 202 ("выписка" нескольких событий), 222 (2), 245, 246. Данный рукописный источник ученый характеризует так: "Подробный Псковский летописец, донныне неизданный, начинается около 1303 года; а древнейшие в нем известия взяты из Нестора и Новгородской летописи. У меня были четыре списка сей важной Хроники; один Архивский Н.Н.Вантши-Каменского, другой Архивский Ф.А.Малиновского⁷², третий Синодальный, четвертый графа Ф.А.Толстого. Первый из библиотеки стольника Василия Никифоровича Собакина, коего отец в 1648 г. был воеводой Псковским; писан дьячком Андреем Козой, и доходит до 1650 года. Другие три гораздо старше сего времени и заключают в себе некоторые особенные известия"⁷³. В современном обороте эти памятники имеют соответственно следующие названия (по А.Н.Насонову): Псковская 3-я лето-

пись, Архивский П список ХУП в. (ШГАДА, собрание Архива Министерства иностранных дел, Опись I, ч. I, № 69/92-90). На полях и в тексте этой рукописи ХУП в. имеются надписи и пометки Н.М.Карамзина; Псковская I-я летопись, Архивский I список (ШГАДА, Собрание Архива Министерства иностранных дел, Опись I, № 69/91-34); Псковская 2-я летопись. Синодальный список; Псковская летопись, Толстовский список⁷⁴.

Пушкинская (Суздальская - по Мусину-Пушкину) - одна из трех имевшихся у Карамзина пергаменных летописей; за вторую половину XIII - начало XIV в. употребляется в "Истории" довольно редко (она дефектна в этой части) - т. IУ, прим. I63, I68, I69, I82, I89; т. У, прим. II4. Для написания русской истории данная летопись не была использована ранее, историограф работал по копии с рукописи памятника. В одном из писем попечителю Московского университета - М.Н.Муравьеву он сообщал: "Я нашел две харатейные летописи, весьма хорошие; одну XIV в. у графа Пушкина, которую уже списал для себя, а другую в библиотеке Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищев, ни Щербатов не имели в руках своих драгоценных списков Нестора"⁷⁵ Оригинал памятника, приобретенный в 90-х гг. ХУШ в. А.И.Мусиным-Пушкиным у частного лица, был подарен затем императору Александру I, а потом поступил в Публичную библиотеку⁷⁶. В литературе укрепилось название памятника, данное ему в Обществе истории и древностей Российских - Лаврентьевская летопись.⁷⁷

"Достойная также замечания" Ростовская (Архивская) летопись ХVI в. - известный список ШГАДА, ф. I8I, № 20/25. (Ее варианты приведены к тексту Симеоновской летописи за I4I0-I486 гг.⁷⁸). Прямые ссылки на нее - т. IУ, прим. I63, 20I, 227, 246, 266, 273, 324 (3), 330, 332, 334, 338, 34I, 342, 345, 347 (2), 348, 349, 357, 358, 384 (2), 394; т. У, прим. 2, 4, 5 (2), 8, 25, 60, 62, 65 (2), 69, 7I (2), 72, 73, 76, 77, 80, 8I, 88, 90 (2), 9I, 94, 97, I06 (5), I07-II3, IIS, IIS, I23, I24, I25, I27, I37, I76, I83,

196, 209, 232, 246.

Русская летопись Львова – печатная Львовская летопись; ссылки – т.У, прим.2, 10. По мнению Карамзина, она представляла для него интерес при описании событий более позднего времени: "Львовский, изданный в С.-Петербурге в 1792 г. в У томах под именем Летописца Русского, замечателен некоторыми особенными известиями о государствовании Иоанна Ш"⁷⁹.

На "Русский Временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от 862 до 1681 лета" (издание 1790 г.) имеется одна ссылка – т.IV, прим.136.

Синодальная рукопись № 52 упомянута: т.IV, прим.113. Соответственно новому каталогу Синодального собрания рукописей, составленному в 1823 г. (согласно М.Н.Тихомирову), она записана под № 154 – Летописец без начала и конца, по листам внизу подпись: "Книга летописец Кириллова монастыря Белоозерского". Син.№ 154 содержит Новгородскую (типа летописи Авраамки) и Псковскую II летопись⁸⁰. В Предисловии к изданию Псковской 2-ой летописи в т.У ПСРД указано: "Историографу Карамзину Псковская вторая летопись была известна под именем Псковской Синодальной летописи"⁸¹. Но, очевидно, Син.№ 154 – это рукопись XV в. Синодальной библиотеки № 349; ссылки – т.IV, прим.121, 128, 137, 169, 209, 285, 286, 302, 346, 347; т.У, прим.137. Данный список Псковской летописи называется по-разному⁸².

Синодальная рукопись № 365; ссылки – т.IV, прим.137; т.У, прим. 65, 67, 68, 70(3), 71, 74 (2), 75, 76 (2), 77 (2), 79 (2), 80, 81 (3). По новому каталогу № 485 – это Вологодско-Пермская летопись, Синодальный список (XVI в.)⁸³.

Синодальной библиотеки рукопись № 529 (т.П). Упоминается – т.У, прим.65 (2). По новому каталогу № 963, 965, 967 – Книги о древностях Российского государства ("... скорописные на простой бумаге, в кожаном корешке, внесены в Каталог по указу конторы от 9-го сентября 1822-го года")⁸⁴.

СинOPSIS ко времени работы Карамзина выдержал несколько

издании (1674, 1714 гг...) и активно использовался в разных исторических трудах. Историограф ссылается на этот компилятивный памятник всего два раза в т.У, прим.65 и 75.

Троицкая летопись. Прямые ссылки на нее читаются в Примечаниях в виде почти непрерывной цепочки 145 раз, охватывая годы 1263-1408 гг. При реконструкции утраченного ценного источника Приселков использовал все перечисленные примечания полностью, поэтому мы их подробно не перечисляем.

Представляют интерес обобщающие ссылки на Троицкую и некоторые другие летописи, как например, на Воскресенскую, Лаврентьевскую, Никоновскую, Новгородскую I, Ростовскую, свидетельствующие об одинаковости их текстов с пергаменным памятником начала XV в. по целому ряду сообщений - т.ІУ, прим.118, 136, 163, 181, 182, 189, 258, 261, 264, 281, 317, 318, 347, 391; т.У, прим.4, 65, 206, 246. Имеют место сравнительные ссылки с указанием отличий Троицкой от иных летописных источников, в частности, т.ІУ, прим.168 - "В Воскресенской ... Сего известия нет ни в Пушкин., ни в Троицк."; прим.191 - "В Троицкой... Сего нет в других летописях"; прим.264 - "В Троицк. и Новгород. ...а в Воскресенск. и других летописях прибавлено..." и т.д.

Устюжский летописец; о нем и Вятском летописце историограф заметил, что "последние два еще не изданы, каждый из них содержит в себе материалы для историка"⁸⁵; в ссылках на первый источник отмечается, что это Устюжский рукописный летописец - т.ІУ, прим.168, 182, 206^X. Она была известна по труду А.А.Засецкого "Исторические и топографические древности о России" (Издания 1780 и 1782 гг.), основанного преимущественно на материале местных летописных источников.

^X Каранзин имел также и рукописную летопись "О Великом граде Устюге", которая так и называется в т.ІУ, прим. 106.

Обратимся к результатам нашего обследования "глухих" выписок, т.е. не имеющих указания на летописный источник за 1263-1408 гг. В целом весь этот материал распределяется между летописями, на которые падает основной фонд летописных выписок о указании на источник, т.е. Троицкую (и прежде всего), Воскресенскую, Никоновскую, Новгородские, Поковские, Ростовскую (в рукописи) за тот же промежуток времени. Перечисленные здесь летописи, кроме Троицкой, находятся сегодня в научном обороте, и это облегчило приурочение большей части искомым выписок. Как правило, они не читаются или читаются иначе в Лаврентьевской, Симеоновской летописях, Рогожском летописце, родственных с пергаменным памятником начала XV в. Назовем эти "глухие" выписки. (В случаях указания Карамзина - "во многих летописях" или "некоторых летописях" имеются, например, сходные записи в Воскресеной, Никоновской, Ростовской летописях)⁸⁶.

Воскресенская летопись - т. I, прим. 159 (1278 г., о Тетякове), 166 (1283 г., о Воронежских лесах), 168 (1291 г., о мятеже в Орде), 169 (1293 г., о жалобе кн. Андрея), 172 (1290 г., о знамени), 182 (1285 г., о кн. Романе), 182 (1286 г., 2 - о кн. Дмитрие Ростовском и владим. еп.), 182 (1288 г., о владим. и рост. еп-пах), 183 (1294 г., о кн. Михаиле), 206 (1297 г., о кн. Юрии), 208 (1304 г., о кн. Юрии?), 210, (1305 г., о кн. Юрии?), 210 (1308 г., о кн. Юрии?), 219 (1315 г., о кн. Юрии), 220 (1315 г., о кн. Юрии), 221 (1315 г., 2 - о кн. Михаиле и новгородцах), 223 (1316 г., о кн. Михаиле), 225 (1317 г., о татарах), 230 (1319 г., о иг. Иоанне), 231 (1319 г., о думе бояр), 238 (1319 г., о семи сторожах и проч.), 234 (1319 г., 4 - о кн. Михаиле), 235 (1319 г., о Кавгаде), 236 (1319 г., о кн. Михаиле), 239 (1319 г., о кн. Михаиле), 241 (1307 г., о кн. Константине), 241 (1316 г., о кн. Василии), 241 (1318 г., о хане Конге), 243 (1305 г., 2 - о митр. Макаиме), 244 (1311 г., о Нижнем Новгороде), 244 (1312 г., о митр. Петре), 252 (1322 г., о кн. Дмитрие), 253 (1322 г., о кн. Александре?), 280 (1320 г., 2 - о кн. Юрии и г. Ростове),

280 (1321 г., о кн. Давиде), 283 (1328 г., о митр. Феогносте)
333 (1341 г., о кн. Ольгерде), 348 (1352 г., данные рук. короля Магнуса), 390 (1358 г., о кн. Иоанне), 396 (1361 г., о кн. Андрее); т.У, прим. 12 (1368 г., о кн. Андрее Ольгердовиче), 25 (1372 г., о кн. Кейстуте), 27 (1372 г., о новгородских воеводах), 28 (1372 г., о г. Лвобутске?), 32 (1375 г., о Некомате Сурожанине), 42 (1376 г., о дараге), 45 (1377 г., об ограблении Засурья церовичем Арапшей), 137 (1368 г., о природном явлении), 137 (1369 г., о г. Переяславле), 137 (1371 г., о митр. Германе), 137 (1371 г., о церкви на Бечеве), 137 (1372 г., об арх-те Печерского мон-ря Дионисии), 137 (1382 г., о симановском иг. Феодоре), 137 (1388/9 г., о поставлении арх-па Иоанна), 138 (1389-90 г., о кн. Борисе Константиновиче), 140 (1390 г., о новгородских послах), 141 (1390 г., о боярах великого князя), 143 (1390 г., об ординском после Улане), 167 (1396 г., о г. Рязани), 183 (1397 г., о поездке кн. Ивана Тверского в Орду), 184 (1397 г., 2 - о кн. Иване Всеволодовиче и свадьбе кн. Ивана Всеволодовича), 254 (1397 г., о митр. Киприане), 254 (1405 г., о "чуде" на Москве)⁸⁷.

Никоновская летопись - т. IV, прим. 152 (1273/5 г.?, об Орде), 161 (1281 г., о ханских воеводах), 220 (1315 г., о г. Торжке), 247 (1306 г., о кн. Константине), 298 (1336 г., о кн. Александре), 300 (1337 г., о кн. Александре), 301 (1327 г., о кн. Константине и кн. Василии), 306 (1339 г., о кн. Василии), 315 (1334 г., о кн. Дмитрии Брянском), 369 (1352 г., о после Ахмате), 374 (1355/6 г., о кн. Константине Суздальском), 383 (1360 г., 2 - о митр. Романе и кн. Всеволоде), 395 (1359 г., 3 - о кн. Иоанне Смоленском, кн. Ольгерде, о Белой), 395 (1360 г., о кн. Ольгерде), 395 (1361 г., о Тверской области)⁸⁸; т.У, прим. 4 (1359 г., о кн. Андрее Суздальском), 9 (1365 г., о кн. Василии Михайловиче), 9 (1366 г., о "розмири" тверских князей), 9 (1367 г., 4 - о кн. Михайле Александровиче и других тверских князьях), 137 (1368 г., о голоде в Твери), 137 (1369 г., о затмении

луны), 144 (1393 г., о походе вел. кн.Василия на Нижний Новгород), 186 (1400 г., о кн.Иване Всеволодовиче), 186 (1401 г., 3 - о кн.Иване и других тверских князьях, рождении у кн.Василия сына Дмитрия, кн.Иване Всеволодовиче), 186 (1402 г., о смерти кн.Ивана Всеволодовича), 186 (1403 г., о тверской рати против Кашина), 186 (1405 г., о кн.Василии Кашинском), 186 (1406 г., о г.Кашине), 190 (1402 г., о кн.Федоре Ольговиче), 195 (1400 г., о кн.Витовте), 254 (1390/1 г., о воевании татарами Рязани), 254 (1391 г., то же), 254 (1391 г., 2 - о свадьбе кн.Юрия Всеволодовича, свадьбе сына кн.Михаила Александровича), 254 (1396 г., 2 - о митр.Киприане, о кн. Витовте), 254 (1399 г., о Великом Новгороде), 254 (1403 г., о новгородской церкви на Лисьей горке), 254 (1404 г., о засухе), 254 (1405 г., о г.Кашине), 254 (1406/7 г., о смерти кн.Дмитрия Еремеевича и княг.Анастасии), 254 (1407 г., 4 - о колокольне в Твери, церкви на Городке, Арсении Тверском, затмении)⁸⁹.

Новгородская I летопись - т. IУ, прии. II3 (1262 г., 2 - о г. Новгороде и пожаре), II4 (1264 г., о кн.Дмитрии), II4 (1265 г., о кн.Ярославе), 120 (1265 г., о кн.Святославе), 123 (1267 г., 3 - о пожаре, походе против Литвы, кн.Юрии), 125 (1268 г., о посаднике Михаиле), 126 (1268 г., о боярине Дазаре), 127 (1268 г., 3 - о члде, псковичах, посаднике Михаиле), 129 (1269 г., 3 - о кн.Ярославле, арх-пе, немцах), 130 (1270 г., 2 - о тысяцком Ратиборе и кн.Ярославе), 131 (1270 г., о кн.Василии), 132 (1270 г., 3 - о сторожах кн.Ярослава, Године, новгородцах), 147 (1270 г., о новгородском игумене), 147 (1271 г., о церкви св.Савы), 148⁹⁰ (1273 г., 5 - о новгородцах, дорогом хлебе, кн.Василии, посаднике Павле, посаднике Михаиле), 148 (1274 г., о посаднике Михаиле), 154 (1274 г., об арх-пе Далмате⁹¹), 162 (1282 г., о кн.Андрее), 173 (1287 г., о новгородцах), 173 (1290 г., о боярине Самуиле Ратвиниче), 173 (1283 г., о немцах), 173 (1284 г., 2 - о посаднике Семене и новгородцах), 173 (1292 г., о звездах), 173 (1293/4 г., о кн.Андрее), 173 (1293 г., 2 -

об оттепели и об Иоанне Клекачевиче), 182 (1276 г., о церкви св.Софии), 182 (1285 г., о митр.Максиме), 182 (1286 г., о посаднике Семене), 182 (1291 г., о посаднике Юрии), 182 (1292 г., 2 - о церкви св.Никола и церкви св. Федора), 195 (1295 г., о воеводе Сиге), 195 (1297 г., о г.Копорье), 195 (1300 г., 2 - о наместнике Москалке и г. Венце), 200 (1299 г., о буре), 200 (1303 г., о голоде), 206 (1296 г., о церкви св.Воскресения), 206 (1297 г., об архим.Кирилле), 206 (1299 г., 2 - об арх-пе Клименте и игум.Феоктисте), 206 (1300 г., 2 - о митр.Максиме и церкви св.Михаила), 206 (1302 г., 2 - о церкви св.Бориса и Глеба и церкви св.Михаила), 206 (1303 г., 2 - о посаднике Семене Климовиче и четырех церквях), 208 (1304 г., 2 - о наместниках кн.Михаила и новгородцах), 214 (1308 г., о кн. Михаиле), 214 (1310 г., о новгородцах), 214 (1311 г., о войне с немцами), 215 (1312 г., о наместниках кн.Михаила), 215 (1311 г., о трех пожарах), 218 (1313 г., о ладожском посаднике), 218 (1314 г., 2 - о наместнике Федоре и кн. Юрии), 223 (1316 г., о кн.Михаиле), 224 (1317 г., о новгородцах), 228 (1317 г., о немцах) 228 (1318 г., о новгородцах), 247 (1305 г., о г.Новгороде), 247 (1308 г., об арх-пе Феоктисте), 247 (1310 г., 3 - об архим.Кирилле, новгородцах, арх-пе Феоктисте), 247 (1311 г., 2 - о владыке Давиде и новгородцах), 247 (1312 г., о церкви св.Никола), 247 (1313 г., об арх-пе Давиде), 252 (1322 г., о кн.Афанасии), 253 (1322 г., о кн.Александре), 255 (1323 г., о вечном мире), 258 (1325 г., о кн.Александре), 263 (1327 г., 3 - о послых кн.Александра, наместниках кн.Ивана, татарских послых), 280 (1324 г., о церкви Христова), 280 (1324/5 г., об арх-пе Давиде), 280 (1324 г., об архим. Моисее), 280 (1325 г., о владыке Моисее), 280 (1326 г., 2 - о владыке Моисее и пожаре), 280 (1327 г., о церкви Рождества Богородицы), 284 (1328 г., о Федоре Колеснице), 289 (1329 г., 2 - о новгородском после и устюжских князьях), 290 (1330 г., 2 - о Григории Калеке и об арх-пе Моисее), 290 (1331 г., 5 - о псковских послых, митропо-

личьих послах, небесном явлении, псковичах, владыке Василии), 291 (1333 г., 2 - о кн.Иване, владыке Василии), 294 (1333 г., о кн.Наримонте), 296 (1332 г., о посаднике Федоре), 296 (1335 г., о новгородцах), 296 (1337 г., о вече), 311 (1338 г., 3 - о посаднике Федоре, немцах, выборгских послах), 311 (1339 г., о новгородцах), 313 (1339 г., о гневе божьем), 314 (1339 г., о Селивестре Волошевиче), 328 (1328 г., о Дрьеве Немецком), 328 (1329 г., о пожарах), 328 (1331 г., об арх-пе Василии), 328 (1333 г., 2 - об арх-пе Василии, митр.Феогносте), 328 (1334 г., об арх-пе Василии), 328 (1335 г., 6 - о владыке Василии, арх-пе Моисее, Каменной стене у Волхова, г.Вологде, арх-пе Василии, Великом мосте на Волхове), 328 (1336 г., 4 - о церкви Вход в Иерусалим, новом мосте на Волхове, арх-пе Василии, г.Пскове), 328 (1337 г., 2 - о г.Торопце, церкви Вход в Иерусалим), 328 (1338 г., 4 - о наводнении, владыке Василии, новом мосте, арх-пе Лаврентии), 328 (1339 г., 3 - о знамени, владычной церкви, пожаре), 332 (1340 г., о новоторжцах), 337 (1340 г., 3 - о пожаре, г.Смоленске, мосте через Волхов, Устюжне), 337 (1342 г., 2 - о пожаре, посаднике Варфоломее), 337 (1347 г., о пожаре), 337 (1348 г., о пожаре), 339 (1344 г., о немцах), 342 (1348 г., о тысяцком Аврааме), 344 (1346 г., о поездке владыки в Москву), 344 (1346 г., о поездке кн.Семена в Новгород), 347 (1348 г., о немцах), 373 (1341 г., 3 - о дешевом хлебе, арх-пе Василии, большом тереме), 373 (1342 г., 2 - о арх-пе Василии, посаднике Варфоломее), 373 (1343 г., о церкви на Городище), 373 (1345 г., 3 - о церкви св.Георгия, церкви св.Пятницы, льде на Волхове, посаднике Астафии), 373 (1348 г., об арх-пе Василии), 373 (1350 г., 3 - о посаднике Онцифоре Лукине, арх-пе Василии, посаднике Федоре), 376 (1353 г., о новгородцах), 380 (1359 г., 3 - о мятеже в Новгороде, арх-пе Моисее, чернице Алексее), 380 (1360 г., об арх-пе Алексее), 382 (1354 г., о великом пожаловании), 390 (1354 г., 2 - о посаднике Онцифоре Лукине, церкви св.Богородицы Знамение),

390 (1355 г., о церкви св.Михаила), 390 (1356 г., 5 - о церкви св.Георгия, церкви 40 Мучеников, церкви св.Никола, церкви св.Саввы, церкви св. Никола на Дятке), 390 (1357г., 3 - о церкви св.Духа, церкви св.богородицы Успения, сильном громе), 390 (1358 г., о церкви св.Апостолов), 390 (1359 г., 2 - об арх-пе Моисее и церкви св.Иоанна), 393 (1360 г., об арх-пе Алексее), 394 (1360 г., о новгородцах), 397 (1360 г., 4 - о знамени, Корельском городке, пожаре в Новгороде, небесном явлении), 397 (1361 г., о церкви св. Феодора); т.V, прим.16 (1367 г., 2 - о псковичах, Саве Купрове), 16 (1368 г., 2 - о брате великого князя Владимире), 108 (1368 г., о посаднике Осипе Захарьевиче), 121 (1364 г., о гг. на Яме, Порхове), 137 (1362 г., 2 - об арх-пе Моисее, арх-пе Алексее), 137 (1362/3 г., о смерти Моисея), 137 (1363 г., о росписи церкви на Волотове), 137 (1364 г., о г.Торжке), 137 (1367/8 г., о Саве Купрове), 137 (1369 г., о церквах св.Василия и Евпатия), 137 (1370 г., об освящении церковей), 137 (1371 г., 2 - о пожаре в Великом Новгороде, пожаре в Торжке), 137 (1372 г., о копании рвов в Великом Новгороде), 137 (1373 г., о Волхове), 137 (1375 г., 2 - о знамени в солнце, наместнике Иване Прокшиче), 137 (1376 г., об арх-пе Алексее), 137 (1377 г., 3 - о пожаре в Великом Новгороде), 137 (1377 г., 3 - о церкви на Михалице ул., арх-пе Саве, церкви св. Бориса и Глеба), 137 (1379 г., 3 - о пожаре в Великом Новгороде, церквах на Михалице и Людгошей ул., кн.Юри Наримонтовиче), 137 (1380 г., об арх-пе Алексее), 137 (1382 г., 2 - о падении церкви св.Дмитрия, ненастье в Великом Новгороде), 137 (1384 г., о пожаре в Неревском конне)⁹², 137 (1384 г., о церквах на Нутной ул. и Радоговицах), 137 (1385 г., о пожаре на Торговой стороне), 137 (1387 г., о рве на Торговой стороне), 137 (1388 г., 2 - об арх-пе Алексее, ветре в Великом Новгороде), 168 (1395 г., о митрополите в Великом Новгороде), 169 (1391г., о съезде в Изборске), 217 (1408 г., о кн. Константине Дмитриевиче), 218 (1395 г., о немца), 218 (1397 г., о

Янском городке), 254 (1394 г., 5 - о церкви на Даньславле ул., посаднике Богдане Обакумовиче, владичном дворе, церкви св.Спаса, грамотах патриарха), 254 (1395 г., 2 - о церкви Собора св.Михаила, пожаре Антониева монастыря), 254 (1396 г., о церкви св.Софии), 254 (1397 г., 3 - о кн.Василии Смоленском, пожаре на Церковой ул., смерти Есипа Фалелевича), 254 (1399 г., 3 - о церкви на Зверинце, затмении солнца, поездке владыки Иоанна в Псков), 254 (1400 г., о Детинце), 254 (1401 г., о городке Молвотице); 254 (1402 г., 4 - о мире с Юрием Смоленским, церквах св.Иоанна Предтечи и св.Варвары, посаднике Кирилле Андриановиче, новгородской зиме), 254 (1403 г., 2 - о новгородских купцах, пожаре в Великом Новгороде), 254 (1405 г., о пожаре на Яневой ул., 254 (1405 г., о посаднике Василии), 254 (1406 г., 4 - о кн.Петре, Великом мосте, пожаре на Торговой стороне, церквах св.Иоанна Предтечи, св.Петра и Павла, св.Никиты), 254 (1407 г., 2 - о Феодуле Трапезундском, церквах св.Спаса Преображения, св.Власия, чдо арх.Михаила) 254 (1408 г., 2 - о кн. Константине Дмитриевиче, церкви св.Софии)⁹³.

Новгородская IУ летопись - т.IУ, прим.152 (1273 г., "о втором числе из Орды"), 220 (1315 г., о Тайтемире в Ростове), 373 (1345 г., о церкви на Ковалева), 373 (1350 г., 3 - о буре, церкви Флора и Лавра, немецкой рати), 373 (1351 г., о церкви св.Бориса и Глеба), 390 (1353 г., о церкви св.Симеона), 390 (1354 г., о ловле рыбы), 390 (1354 г., 2 - о церкви на Дубянице, церкви 40 Мученик), 390 (1357 г., о Самсоне Колыванове); т.V, прим.137 (1364 г., 2 - о деревянных церквах Воздвиженья и св.Луки,, Корельском городке), 137 (1365 г., 3 - о митр.Алексее, церкви на Рядятине ул., церкви св.Петра), 137 (1368 г., об освящении церкви св.Троицы), 137 (1367/8 г., о церкви св.Петра), 137 (1371 г., о церкви св.Андрея), 137 (1373 г., 4 - о Матвее Михайлове, Новом городке, церкви на Холопъей ул., посаднике Юрии), 137 (1377/8, г., о Волхове), 137 (1378 г., 3 - о знамени в солнце, церквах

св.Георгия и св.Никиты, церкви на Добрынине ул.), 137 (1381 г., 2 - о церкви св.Дмитрия, церкви св.Василия Власия ?), 137 (1382 г., 2 - о Михаиле Матвееве, церкви св.Рождество), 137 (1382/3 г., о церквах на Нутной ул. и Радоковицах), 137 (1385 г., 2 - о сече в Пскове, пожаре в Новгороде), 137 (1386 г., 3 - пожаре в Орехове, церкви св.Климента, пожаре на Никитиной ул.), 137 (1387 г., - о немецких послых, церкви в Торгу), 137 (1388 г., о "поклонщиках" из Москвы), 137 (1389 г., 5 - о поставлении новгородского арх-па Иоанна, море в Пскове, море в Залесье церкви Покрова, церквах на Лисьей горке и Сокольей горке), 149 (1394 г., 2 - о двух громах Великому Новгороду, новгородском долге), 254 (1390 г., 2 - о монастыре на Чудницева ул., церкви св.Константина), 254 (1390/1 г., о церкви св.Дмитрия), 254 (1391 г., 2 - о пожаре в Великом Новгороде, знамении), 254 (1392 г., 4 - о посаднике Прии Онцифировиче, посаднике Богдане Абакумовиче, пожаре на Лисьей Горке, посадниках Василии Федоровиче и Михаиле Даниловиче), 254 (1393 г., 2 - о церкви св.богородицы Уопения, кн.Константине Белозерском), 254 (1399 г., о пожаре в Плотницком конце), 254 (1403/4 г., о г.Переяславле) 254 (1404 г., о церкви св.Николая), 254 (1405 г., о смерти Феодосия Матвеева), 254 (1406/7 г., о браке Матвея Михайлова), 254 (1407 г., 2 - о затмении, кн.Данииле и Юрии), 254 (1408 г., 3 - о кн.Федоре Ольгозиче, дороговизне в Русской земле, арх-те Харитоне)⁹⁴.

Псковская летопись - т.IV, прим.200 (1299 г., о море в Пскове), 254 (1323 г., о немецких послых), 287 (1330 г., о кн.Александре), 288 (1327 г., о кн.Александре), 336 (1341 г., о борьбе с Немцами и Литвой), 355 (1349 г., 2 - о немцах, кн.Андрее), 355 (1350 г., о кн.Андрее); т.V, прим.137 (1365 г., 3 - о псковичах, варницах на "Рухе", церкви св.Троицы), 137 (1367 г., 2 - о церкви св.Троицы, церкви Иоанна Богослова), 137 (1370 г., о церкви св.Георгия на Болоте), 137 (1371 г., о церкви св.Николая на Всоце), 137 (1373 г., 2 - о церкви св.ап.Петра и Павла,

о церкви св.Власия), 137 (1374 г., о мастере Кирилле), 137 (1380 г., о псковских лодках), 137 (1383 г., о трех церквях в Пскове), 137 (1384 г., о двух церквях в Пскове), 137 (1385 г., о пожаре в Пскове), 137 (1386/7 г., о трех башнях в Пскове и церкви св.Георгия), 137 (1388 г., о церкви Рождества в Пскове), 197 (1392 г., о мире с Немцами), 197 (1393/4 г., о новгородской рати против Пскова), 197 (1398 г., о вечном мире с Новгородом), 197 (1406 г., о кн.Витовте), 197 (1407 г., о кн.Данииле Александровиче), 254 (1393 г., о г.Пскове), 254 (1395 г., о церквях св.Воскресения и св.Никола), 254 (1396/7 г., о знаменях), 254 (1397 г., о посаднике Ефреме), 254 (1398 г., о кн. Иване Андреевиче и др.), 254 (1400 г., о новой стече в Пскове), 254 (1401 г., 4 - о поездке арх-па Иоанна, Пскове, буре в Пскове, посаднике Захарии Костриминиче), 254 (1404 г., о г.Пскове), 254 (1405 г., 2 - о монастыре св.Спаса, пожаре в Пскове), 254 (1404/5 г., о кн. Григории Псковском), 254 (1406 г., о пожаре в Пскове), 254 (1407 г., 2 - о церкви св.Афанасия, кн.Лугвене)⁹⁵.

Ростовская летопись - т.У, прим.384 (1357 г., о хане Дланибеке); т.У, прим.4 (1365/6 г., 2 - о кн.Дмитрии Константиновиче и ордынском после), 5 (1377 г., о море в Смоленске), 5 (1386 г., то же), 5 (1387 г., то же), 5 (1388/9 г., о море в Пскове), 23 (1380 г., о дани хану Мамаю), 62, 64, 70, 73 (1380 г., тексты из Сказания о Донском побоище), 92, 94 (1382 г., 4 - тексты из Повести о Тохтамыше), 106 (1370 г., о новгородцах), 106 (1371 г., об ушкуйниках), 106 (1374 г., об ограблении Вятки), 106 (1375 г., о г.Костроме), 106 (1379 г., о вятчанах), 106 (1384 г., о "черном боре" ?), 106 (1385 г., о посаднике Федоре Тимофеевиче ?), 113 (1387 г., 2 - о вел.кн.Дмитрии, кн.Василии Дмитриевиче), 117, 118, 119 (1389 г., тексты из Слова о житии Дмитрия Донского)⁹⁶.

Небольшой ряд известий, не имеющих у Карамзина ссылок на источник, падает на Вологодско-Пермскую летопись т.У, прим.70 (2), 71, 73 (2), 76, 79, 88 (1380 г. - тексты

из Сказания о Донском побоище), 143 (1392 г., о хане Тохтамыше)⁹⁷, Софийскую I летопись - т. IV, прим. 248 (1320 г., о кн. Михаиле Тверском); т. V, прим. 50 (1347 г., о кн. Ольгерде). 137 (1370 г., о крещении сына кн. Бориса Суздальского), 143 (1390 г., о хане Тохтамыше)⁹⁸. Последним материалом заключается первая часть нашего исследования.

В следующем выпуске сборника, где планируется напечатать продолжение статьи, будут рассмотрены не имеющие ссылок на источник тексты Примечаний к "Истории" Карамзина, которые, согласно с наблюдениями М. Д. Приселкова и автора, можно полагать, являются (в разной степени вероятности) выписками из Троицкой летописи.

Примечания:

1. [Погодин М.] Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866, ч. П., с. 4.
2. Карамзин Н. М. Примечания к "Истории государства Российского". СПб., 1852, т. IV, прим. 114, 117-119, 120, 157, 208, 214, 221, 227-229, 233, 245, 254, 276, 276, 305, 322, 353, 363, 367, 373, 382, 397; т. V, прим. 84, 125, 154, 202, 235 и т. д.
3. ПГАДА, ф. 1270 (Мусин-Пушкин), Описание I, ч. I, № 30, лл. 4 об. - 5 об.; Труды и летописи Общества истории и древностей Российских. М., 1827, ч. III, кн. 2, с. 56; Старчевский А. Жизнь Николая Михайловича Карамзина. - Библиотека для чтения. СПб., 1849, т. 93, ч. III, с. 121, 132, 133; Калайдович К. Ф. Записки важные и мелочные. - Летописи русской литературы и древности. М., 1861, кн. V, т. III, с. 113; [Погодин М.] Николай Михайлович Карамзин, с. 19, 20, 50, 51; Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 115-116, 235; Бестужев-Рюмин К. Биографии и Характеристики. СПб., 1882, с. 228; Историко-критический обзор Рукописного отдела БАН. М.-Л., 1956, вып. I, XLI в., с. 135.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского, СПб., [1816], т. I, XXXVI-XXXVII.
5. [Дмитриева Р. П.] Библиография русского летописания. М.-Л., 1962, с. 19.
6. Арцибашев Н. Замечания на Историю государства Российского, сочиненную г. Карамзиным, - Казанский вестник, 1822, ч. 5, кн. V, с. 3-30; кн. IX, с. 45-67; кн. XI, с. 145-172; 1823, ч. 7, кн. I, с. 17-45; кн. II, с. 77-107.
7. Делевель П. Рассмотрение Истории государства Российского. - Северный Архив, 1822, ч. IV, № 23, с. 402-434;

- 1823, ч. 8, № 19, с. 52-80; № 20, с. 147-160; № 22, с. 287-297; 1829, ч. 9, № 1, с. 41-57; № 3, с. 163-172; ч. II, № 15, с. 132-143; № 16, с. 187-195; ч. 12, № 19, с. 47-53.
8. Руссов С. О критике г. Арцибашева на Историю государства Российского, сочиненную Н.М. Карамзиным. СПб., 1829, с. 7, 13, 21, 22, 48, 49, 55, 87.
 9. "Современник", СПб., 1836, т. IV, с. 306.
 10. Строев П. Ключ к Истории государства Российского Н.М. Карамзина. М., 1836, ч. II, с. 251-260.
 11. /Погодин М.П./ Николай Михайлович Карамзин, с. 25, 35, 36.
 12. Мурзакевич Н. Кабинет Зимнего дворца имп. Екатерины II. - Ж.ИИИ, 1872, ч. СХД, № 8, с. 329.
 13. Бестужев-Рюмин К. Биографии, с. 226.
 14. ПСГА, СПб., 1913, т. ХУП.
 15. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950.
 16. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947, с. 564 и др.
 17. Тихомирнов М.Н. Критические заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 174-182. Козлов В.П. Архивные материалы Н.М. Карамзина. - СА, 1977, № 3, с. 63-67.
 18. Незданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862, ч. I, с. 209.
 19. Кочетов С.И. Троицкий пергаменный список летописи 1408 г. - Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 23.
 20. Приселков М.Д. Троицкая летопись, Введение, с. 8, 9.
 21. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980, с. 87-90; Муравьева Л.Л. Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского Университета А.А. Барсова и Х.А. Чеботарева. - Археографический ежегодник за 1982 г., М., 1983 г.
 22. Сборник князя Оболенского. М., 1840, № II, с. I.
 23. Библиографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета. М., 1855, ч. I, с. 59; Калашников К.Ф. Записки важные и мелочные, с. 113; /Погодин М.П./ Николай Михайлович Карамзин, с. 18, 116. Сочинение по русской истории А.А. Барсова и Х.А. Чеботарева, написанное по заказу Екатерины II (и где использован текст Троицкой летописи), хранилось во времена Карамзина в Британской библиотеке и, наверно, не было, как и другие ее материалы, доступно историографу. (см. Мурзакевич Н. Кабинет Зимнего Дворца, с. 329).
 24. Кочетов С.И. Троицкий пергаменный список, с. 22-23.
 25. Карамзин Н.М. Сочинения, СПб., 1848, т. I, с. 480, 500.
 26. Старчевский А. Жизнь Николая Михайловича Карамзина, с. 121.
 27. Там же, с. 127-128.
 28. В Архиве Вианской семинарии хранится документ 1851 г.

- свидетельствующий о взятых Карамзиным в ее библиотеке семи книгах: 1. Летописец Русских царей (не возвращена), 2. Летописец русский, 3. Изложение о вере Анастасии и Кирилла и другие сочинения, 4. Повести о разорении Московского государства, 5. История о Казанском царстве в лицах, 6. Летописец Русский от Рюрика до царя Ивана Васильевича, 7. Повесть временных лет черноризца Феодосия в малый лист, на пергамене. К этому документу имеется приписка: "Взяты до 1812 г. № 1 вытребован снова в 1814 г. Теперь нет их ни одно/го/ на лицо" (См. ГБЛ, т. 704, № 1407, л. 43. Сообщено автору С. М. Морозовым). Как известно, в распоряжении историографа было три харатейных летописных памятника, один из них из Троицкой лавры. Возможно под № 7 документа 1851 г. указана пергаменная летопись XV в.
29. Карамзин Н. М. История, т. I, с. XXXII.
 30. Приселков М. Д. Троицкая летопись, Введение, с. 10.
 31. См. Кочетов С. И. Троицкий пергаменный список, с. 23-24.
 32. См. Попов Н. История имп. Московского общества истории и древностей российских (часть I, 1804-1812 гг.), - Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1884, кн. I, с. 231, 232.
 33. См. Старчевский А. Жизнь Николая Михайловича Карамзина, с. 134, 135, 137; Бестужев-Рюмин К. Биографии, с. 219.
 34. В донесении (отчете) Председателя "Общества Истории" Х. А. Чеботарева в Совет Московского Университета, датированного ноябрем 1810 г., читаем: "Предмет трудов сего Общества: критическое издание русских летописей, и в особенности Несторовой по Пушкинской и Троицкой самым древним харатейным и по Книгсбергскому списку". - См. Попов Н. История имп. Московского общества истории и древностей российских, с. 83.
 35. Попов Н. История имп. Московского Общества истории, с. 49, 70, 73.
 36. Там же, с. 60.
 37. Логодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, с. 107.
 38. Моисеева Г. Н. Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. - ТОДРЛ, Д., 1971, т. XXVI, с. 93-99.
 39. Приселков М. Д. Троицкая летопись, Введение, с. 9, прим. 1.
 40. Тихомиров М. Н. Из "Владимирского летописца", - Исторические записки, 1945, № 15, с. 278-279; Муравьева Л. Л. Об общерусском источнике Владимирского летописца. - В кн.: Летописи и Хроники. 1973 г. Сборник статей. М., 1974, с. 143-149.
 41. См., например, Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV-XV вв. М., 1976, с. 38-39 и др.
 42. Приселков М. Д. Троицкая летопись, Введение, с. 17-18.
 43. В Архиве АН СССР, где хранятся бумаги М. Д. Приселкова, находится одна единственная авторская рукопись, по которой подготовлено (К. Н. Сербиной) и осуществлено издание "Троицкой летописи" в 1950 г. (См. Аруин АН СССР. Ленинградское отделение, ф. 160, Опись I, ед. хр. I).
 44. Приселков М. Д. Троицкая летопись, Введение, с. 24.

45. Там же, с.24, 25.
46. Часть этих Примечаний дается в приложениях к отдельным томам "Истории", где они напечатаны нередко в сокращении и под другими №.
47. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXIX.
48. /Погодин М.П./ Николай Михайлович Карамзин, с.36.
49. Лихачев Д.С. Русские летописи, с.465, си.2.
50. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVII.
51. /Погодин М.П./ Николай Михайлович Карамзин, с.49.
52. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVII-XXXVIII.
53. ПСРЛ, СПб., 1856, т. VII, с. VII. Отметим, что об этой рукописи сохранились данные также в "Каталоге рукописей исторического содержания, переданных в Археографическую комиссию" (XIX в.). Здесь она обозначена под № 24 как большой летописный сборник XVII в., поступивший от Карамзиной (см.: ГБЛ, Рукописный отдел, ф.310, ед.хр. 866, л.10 об.).
54. Некоторые выписки с указанием на Воскресенскую летопись не совпадают с соответствующим текстом ее издания в т. VII ПСРЛ (см., например: т. IV, прим. 208, 210).
55. См. о нем: Дунаев В.И. Поместная летопись в конце XVII и начале XIX в. - Древности. Труды Славянской комиссии имп. Археологического общества. М., 1911, т. 5, с. 25.
56. Карамзин Н.М. Примечания к "Истории", т. IV, с. 211.
57. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. I, кн. I, с. 801.
58. ПСРЛ, СПб., 1851, т. V, с. 78. Использован в вариантах к основному списку.
59. Лихачев Д.С. Русские летописи, с. 451, прим. 2.
60. ПСРЛ, т. V, с. 77. Использован в вариантах к основному списку.
61. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVII.
62. Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 189-195.
63. Карамзин Н.М. Примечания к "Истории", т. IV, с. 98.
64. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXIX.
65. Там же, с. XXXVIII.
66. Там же, с. XXXVI-XXXVII.
67. Новгородская первая летопись старшего и младшего изданий. М.-Л., 1950, Предисловие, с. 9-10.
68. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVII.
69. Лихачев Д.С. Русские летописи, с. 444.
70. Карамзин Н.М. Примечания к "Истории", т. V, с. 87.
71. ПСРЛ, П. гр. 1915, т. IV, ч. I, вып. I, с. V.
72. Яковлева О.А. написала статью об историковедческой "ошибке" Н.М. Карамзина (не замеченной в литературе) относительно Псковской летописи В.Н. Собакина, которую он в Примечаниях к т. VII "Истории" называет летописью Ф.А. Малиновского? (Яковлева О.А. К истории Псковских летописей. - Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Народовой АССР, Саратовск., 1947, вып. 9. История и археология, с. 218-228). Как следует из приведенной выше цитаты из вводной главы "Истории", которая посвящена описанию ее источ-

ников до ХУП века, историограф совершенно отчетливо различал здесь два совершенно самостоятельных памятника.

73. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVI.
74. Дмитриева Р.П. Библиография, № 230, 236, 240, 259, 1762; Псковские летописи. М.-Л., 1941, вып. I; Введение. с. У I-XV и т.п.
75. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, с. 32.
76. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVII; Руссов С. О критике г. Аршибашева, с. 22.
77. Приселков М.Д. Троицкая летопись, Введение, с. II.
78. ПСРЛ, т. XVШ, с. Ш.
79. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXVIII.
80. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях, с. 104-105, 177. См. также с. 21-22.
81. ПСРЛ, т. У, с. У I.
82. См.: Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях, с. 175.
83. Там же, с. 22, 175. При издании этой летописи использован в вариантах к основному списку (см.: ПСРЛ, М.-Л., 1959, т. 26, с. 5).
84. Там же, с. 182.
85. Карамзин Н.М. История, т. I, с. XXXIX.
86. Автор оставляет открытым вопрос о названной Карамзиным какой-то "одной краткой летописи", "одной летописи" (т. IV, прим. 178 (1389 г., о кн. Константине Полоцком и Симеоне Тверском); т. У, прим. 16 (1369, 1374 гг., псковские известия), 19 (о кн. Ольгерде и Святославе Смоленском), 141 (1390 г., о княгине Софье Витовне), 231 (1404 г., о "царине Колоановой").
87. ПСРЛ, т. VII, с. 174, 177, 181, 184, 188, 191-196, 201, 207, 216; т. VIII, с. 10, 14-16, 18-20, 25, 26, 49, 52, 60, 61, 70, 71, 78.
88. ПСРЛ, т. X, с. 152, 158, 176, 179, 195, 206, 207, 209, 221, 223, 227, 230, 231, 233.
89. ПСРЛ, т. XI, с. 2, 6, 8, 9, 12, 108, 122, 123, 127, 155, 163, 172, 183, 184, 187-189, 191, 192, 197, 198, 202.
90. Начиная с примечания 148/т. IV, 1273 г. Карамзин дает выписки по Академическому списку Новгородской I летописи младшего извода ("Здесь в харатейном Новгородском лет. пропуск от 6780 до 6807 года" - см.: Карамзин Н.М. Примечания к "Истории", т. IV, с. 88).
91. Карамзин называет дату смерти Дилмата не 21 октября, как это читается в Новгородской I летописи младшего извода, а 20 октября. Подобные описки встречаются и в других местах.
92. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 83-89, 91, 92, 98, 322, 323-335, 337, 339-355, 357-368, 370-376, 378, 381, 382.
93. Там же, с. 380-382, 384, 386-389, 394, 396-400.
94. ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. I, с. 243, 256, 279, 280, 286, 287, 291-295, 300, 305, 306; т. IV, ч. I, вып. 2, с. 325, 326, 339, 341, 343, 344, 348, 350, 351, 366, 367, 370, 372, 375, 383, 395-397, 399, 404-407.

95. Псковские летописи. М., 1955, вып. 2, с. 22, 23, 27, 30, 33, 92, 97; ПСРЛ, т. V, с. 15-20.
96. ПГАДА, ф. 181, ед. хр. 20/25, л. 329 об., 336, 340, 341, 344 об., 347 об., 349, 359, 361 об.-373, 376, 385 об., 386, 387, 391, 393, об. 400 об.
97. ПСРЛ, т. 26, с. 132-134, 138, 145, 164.
98. ПСРЛ, т. V, с. 215, 226, 244.

Н. Л. Пушкарёва

РЯДНАЯ ГРАМОТА ФЕДОРА ОНКИФОВИЧА С
МАТФЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ XV в.

(СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ ПАМЯТНИКА НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА)

В отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина в Москве, в собрании Муханова сохранился список XV в. с пергаменного подлинника рядной грамоты Федора Онкифовича, его жены и детей с Матфеем Ивановичем¹. Имеются и более поздние списки с этой грамоты². Отсутствие собственной даты составления источника заставляло публикаторов его³ неопределенно датировать этот памятник XV-ым в.

Рядная Федора Онкифовича с Матфеем Ивановичем дважды привлекала внимание советских исследователей в связи с историей землевладения последнего периода самостоятельности Новгорода. Первым на нее обратил внимание Г.Е.Кочин, опубликовавший в начале 60-х гг. небольшое сообщение о найденных им аналогиях при сопоставлении личных имен указанной рядной с именами бывших новгородских землевладельцев, отмеченных в Новгородских Писцовых книгах⁴. По пути, намеченному Г.Е.Кочину, но независимо от него, двадцать лет спустя пошел В.Л.Янин, которому удалось с помощью этого акта охарактеризовать процесс движения крупной зе-

мельной собственности, находившейся сначала во владении крупного боярского рода⁵. Метод сопоставления рядной с НПК — пожалуй, единственное, что объединяет этих исследователей. Каждый из них выдвинул свою гипотезу трактовки генеалогических связей упомянутых в рядной лиц, времени ее составления, а также последующей судьбы фигурирующего в рядной боярского имения.

Приведем начало этой грамоты дословно: "Се рядил рядом Федор Онкифович и его жена Огруфена и их детем Яков и Олександр с Матфеем с Ивановичем про землю Федора Максимовича (и) про дядевщину про Дмитриевщину: опосле Федорова живота и Огруфенина отца, Матфеева деда, Федору Онкифовичу и его жене Огруфени и их детем Якову и Олександру выделети Матфеею Иванову шестая часть из всеи земле ис Федорове отине и дядевщине Дмитриевщины, из большего двора из Хохульского и малых селец, ис полевой земле и из лешеи. И Федор Онкифовичъ и его жена Огруфена, их дети Яков и Олександр даша Матфеею Иванови за все ти земле, Федора Максимовича отчину и за дядю Федорова за Дмитриеву отчину, за болшей двор за Хохульской и малыи селца, и за Деревьскую землю, и за болшей двор и за малыи селца, и за полевую землю, и за лшею землю даша Матфеею Ивановичю за вси земле, где ни есть Федора Максимовича отчина и земля дяди Федорова Дмитриева отчина, опрочи Защицьа и Хомутка, даше Матфеею Фенютинское село и Кеиковское село..."

Таким образом, начальная часть документа содержит описание родственных связей упомянутых в нем лиц. "Участники рядной, — пишет Г.Е.Кочин, — с одной стороны, новгородский землевладелец (боярин) Федор Акинфович (Федор Окинфович, Онтифович), его жена Аграфена Федоровна (Огруфена), и их сыновья Яков и Александр, а с другой — тоже новгородский землевладелец, Матфей Иванович. Совместность их владений явилась результатом того, что Матфей Иванович вместе со своей теткой были наследниками земельных владений общих дедов и прадедов (по отношению к Мат-

фею Ивановичу). Вероятно, в детские годы Матфея Ивановича доля последнего не была выделена, и все оставалось в руках... Федора Акифовича. Владения Федора Акифовича и его жены Аграфены, полученные по наследству от предков (главным образом от деда Аграфены Максима и его брата Дмитрия), весьма обширны..."⁶.

Представим генеалогическую схему Г.Е.Кочина графически:

	Максим	Дмитрий
Онкиф	Федор	
Федор	Огруппена	
Яков	Александр	Матфей Иванович

Спорным в ней является толкование родственных связей Дмитрия, Федора и Максима. По мнению Г.Е.Кочина, Федор является сыном Максима, а Максим и Дмитрий приходятся друг другу братьями. На такую мысль провоцирует строка рядной "из за дядю Федорова за Дмитриеву отчину". Однако внимательное изучение текста заставляет иначе понять генеалогические отношения. Дмитрий приходится дядей не Федору, отцу Огруппены, а Матфеем Ивановичу! Это легко доказать. Уже начало рядной ("Се ридил... Федор Онкифович и его жена Огруппена... с Матфеем с Ивановичем про землю Федора Максимовичя (и) про дядевщину про Дмитриевщину...") наводит на мысль, что Дмитрий приходится дядей Матфею, поскольку ни с Федором Онкифовичем, ни с Огруппеной в подобной родственной связи он состоять не может. Предположение находит себе неоспоримое утверждение ниже: этот дядя неизменно фигурирует в одном и том же контексте: "Федорова Дмитриева отчина", что и позволяет прочесть его имя полностью - Дмитрий Федорович/, хотя, конечно, современному человеку несколько непривычно читать имя с отчества.

Новая генеалогическая схема должна была бы выглядеть так:

Онкиф

Федор

Федор Огруфена

Дмитрий

Яков Александр

Дмитрий Иванович

В.Л.Янин, хотя и не оспаривает в своей монографии мнения Г.Е.Кочина, безоговорочно признает под "дядевиной Дмитриевщиной" земли брата Огруфены, видимо, рано умершего, которые "вернулись" в отчину Федора Максимовича⁷. Поиск причин возвращения "дядевины Дмитриевщины" в делимую предприимчивыми родственниками отцовскую вотчину, заставляет задуматься и над таким вариантом: смерть отца Огруфены вызвала в свое время составление всеми живущими родственниками, в том числе, возможно, тогда еще здравствующим Дмитрием, некоторой грамоты, и н а ч е оговаривающей права всех имевшихся участников "ряда". Не случайно, Огруфена с мужем настояла на ее немедленном уничтожении в момент составления исследуемого документа. "А что было приговорная грамота Матфею з дедом з Федором и з зятем з Федором, а тую грамоту подраша..."⁸ Смерть Дмитрия (а возможно, и еще кого-либо из родственников) заставила участников сделки пересмотреть ее условия.

Возвратимся к генеалогической таблице. "Болевой точкой" становится на этот раз ее левая часть, так как перед исследователем рядной встает вопрос о родителях Матфея и их генеалогических отношениях с Огруфеной, Дмитрием, Федором Максимовичем. В.Л.Янин так решает этот вопрос: жена Федора Онкифовича Огруфена Федоровна приходится, по его мнению, родной сестрой Дмитрию и Ивану Федоровичам⁹. Таким образом, левая часть схемы заполняется исследователем так:

Федор
Онкифович

Огруфена Федоровна

Дмитрий Иван
Федорович Федорович

Яков Федорович Александр Федорович

Матфей Иванович

Подобная родословная таблица, безусловно, имеет право на существование, однако в этом случае возникает ряд связанных с ней вопросов. Во-первых. Что является причиной неучастия Ивана Федоровича в составлении рядной? Ведь даже если предположить, что Федор Максимович был несчастным отцом, пережившим двух взрослых (у одного из них уже свой сын - Матвей) сыновей, то как объяснить отсутствие упоминания в рядной "Федоровы Ивановеевы отчины", да и вообще всякого упоминания Ивана Федоровича, в том числе в НК?

Во-вторых, и это главное. Нельзя не признать удивительным, но оба исследователя, скрупулезно изучавшие по писцовым книгам распределение земельных владений участков рядной, странным образом прошли мимо самого казуса, описываемого ей: ведь в этом документе ловкая Огруфена с мужем и сыновьями сумела оттягать у своего племянника (да к тому же, если пользоваться схемой В.Л.Янина, племянника по брату, т.е. по "мужской" линии рода!), практически все земельное наследство: она получает пять шестых его, а Матфей Иванович лишь жалкие остатки (7 обез)! Как объяснить, что в условиях невморочного хозяйства женщина решительно достигает почти полного перехода наследства в ее руки? Можно ли признать такую ситуацию обычной или же перед нами уникальный документ?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к нормам действовавшего в XI-XV вв. наследственного права, нашедших свое отражение в актовом материале указанного времени.

Поскольку единственным (из известных пока исследователям) общерусским законодательным сводом до Судебника 1479 г. была Русская Правда, естественным было бы предположить, что нормы ее действовали и в период составления рядной¹⁰. При этом необходимо иметь ввиду, что приобретение женщинами прав свободного распоряжения и владения собственностью прошло определенную эволюцию, первым этапом которой было право обладания и распоряжения движимым

имуществом. Русская Правда зафиксировала этот этап, отказав женщине в наследовании "задницы", но предоставив право владения "частью", "что ю муж възложил", "что дал муж"¹¹. В этот видел входило приданое и часть нажитого совместно с мужем. Нормативные памятники, современные Русской Правде, подтверждают, что уже в XI-XIII вв. женщины могли не только иметь, но и свободно распоряжаться своим движимым имуществом, которое, хотя и составляло часть семейного, тем не менее не теряло своей "самостоятельности"¹². Новгородские грамоты на бересте, а также летописные памятники свидетельствуют, что в это время некоторые женщины из привилегированного сословия обладали и пользовались крупными денежными средствами¹³. Конец XIII в. можно считать своеобразным рубежом в развитии имущественных прав древнерусских женщин: именно к этому периоду относятся первые немногочисленные свидетельства актового и эпиграфического материала о распоряжении женщинами земельной собственностью. Главным образом, это касается Псковской и Новгородской феодальных республик - районов наиболее радикальных юридических взглядов, что не исключает и наличия актов, исходящих и из феодальных княжеств¹⁴. Большое влияние на закрепление имущественных прав привилегированных женщин как юридически дееспособных лиц оказало привнесение в юридический русский быт византийских норм семейно-брачных отношений, в том числе в области наследственного права¹⁵. С другой стороны, это совпало с развитием русской феодальной юриспруденции, отразившей преодоление обществом пережитков фольклорной организации, победу территориального принципа над родовым в области прав наследования. К середине XIV-XV вв. процесс приобретения женщинами юридических прав на землю получает нормативное закрепление на Северо-Западе Руси¹⁶, а к концу XV в., с завершением формирования единого Русского государства, эти нормы, фактически, утверждаются как общерусские. Владение и распоряжение представительницами привилегированного сословия своими "отчинами"

становится заурядным явлением XIV-XV вв., о чем может свидетельствовать приведенная ниже таблица распоряжения женщинами земельной собственностью, составленная на основании изданного к настоящему времени актового материала этого периода¹⁷.

Таблица

виды распоряжений	земельные пожалования женщинам; из них по грамотам		купля и продажа земли женщинам по купчим грамотам		заклад и заземление земель власт. женщ. ден. женщинами	заем	завешание земель женщинами	упоминания о владении землями; из них:		итого за период
	жалованным	даным	купля	продажа				получение наследства	другие случаи	
XIV в.		3	2	2				4	5	16
начало-середина XV в.										
(до 1451г.)	15	45	12	3	4	2	1	9	10	101
середина-конец XV в.										
(после 1451г.)	50	59	9	4	5	12	14	21	17	191
Всего	65	107	23	9	9	14	15	34	32	308 ¹⁸

Таким образом, возвращаясь к рядной Федора Онкифовича и его жены Огруфены с Матфеем Ивановичем, мы можем признать, что составление подобного документа не было чем-то из ряда вон выходящим, а было нормой обычного права. Однако получение Огруфеной и ее мужем большей части наследства станет еще более понятным, если предположить, что владельцу "отчины" Федор Максимович имел не двух сыновей (Дмитрия и Ивана) и дочь Огруфену, а одного сына Дмитрия и двух дочерей - Огруфену и N. В этом случае в генеалогическую таблицу рода Федоровых должны быть внесены следующие изменения:

Онкиф...	Федор Максимович		
Федор Онкифович	Отруфена Федоровна	Дмитрий Федорович	Иван Федоровна
Яков Федорович	Александр Федорович	Матфей Иванович	

Обратимся вновь к тексту рядной: Матфей Иванович получает шестую часть наследства Федора Максимовича – "Фенютинское село и Кеиковское село". НПК, составленная около 1495 г. (Деревская пятина) помогает локализовать эти владения, находящиеся ко времени составления переписной оброчной книги во владении своеземца уничтожительно названного Матюком Имяновем: "Деревни Матюковы Иванова, Д.Кийков: дв. Степанко Нестерков, дв.Ивашко Онаньев, сын его Ивашко ж,.. 2 обжы. Д.Панино: дв.Гридка Парфейков, дв.Фомка Михалев,.. пол-2 обжы. А в вопчей деревне в Заполье, на Матюкове четверти: дв.сам Матюк,.. 2 обжы; а тринадцать жеребьев в той деревне великого князя, что была владычня. Д.Ушаково, пуста, писана была обжею, а земли под нею на пол-обжы. Д.Фенютино, пуста, писана была 2 обжами, а земли под нею на обжу..."¹⁹. Таким образом, помимо земель, определенных во владение Матфеем Иванову (Матюку Иванову) текстом рядной, здесь указаны три деревни, названий которых в документе нет – Панино, Ушаково и четверть Заполья. Приобретение Матфеем Ивановичем этих земель после составления рядной кажется сомнительным: сравнение текстов грамоты с НПК свидетельствует не просто о процессе дробления земельной собственности, но и о несомненном превращении бывших мелких новгородских феодалов в своеземцев, самих обрабатывающих свои земли, как Матюк Иванов (половина деревень, числящихся за ним, "пусты"). Если бы эти деревни находились во владении отца Матфея Ивановича, по предположению В.Л.Янина – Ивана Федоровича, то этими землями Матфей должен был бы располагать к моменту составления рядной: ведь В.Л.Янин предполагает, что Иван Федорович умер до составления рассматриваемого документа, иначе бы принял участие в

дележе земель. Значит, в нашей рядной эти деревни были бы обязательно упомянуты как граничащие или хотя бы лежащие в одном регионе с деревнями Кийково и Фенютино. Ведь все упомянутые в рядной соседи Матфея — Клементьевы дети Босоволоковы, Микитины дети и отдельно Микитин сын упомянуты в писцовой книге: сами или же их потомки ²⁰. Если же брать за основу последнюю генеалогическую таблицу и предполагать, что Матфей Иванович является внуком Федора Максимовича по матери, объяснение может быть легко найдено. Либо деревни Панино, Ушаково и четверть Заполья находились в это время во владении здравствующего к моменту составления рядной отца Матфея Ивана... (отчества его мы не знаем, однако среди соседей Матфея по НПК Иванов несколько), не имевшего к делимой собственности никакого родственного отношения, либо во владении матери Матфея, младшей (судя по правам) сестры Огруфены Федоровны, к тому же, возможно, вдовствующей к моменту дележа земель. В поединке за обладание земельным наследством ее единственный козырь — наследник-мужчина, хоть и не единственный в роду Федоровых. Обладание N к моменту составления документа этими землями может быть объяснено получением земельного приданого (представленная выше таблица позволяет утверждать, что к концу XV в. это стало обычным явлением юридического быта крупных феодалов, какими являлись Федоровы).

К мысли о том, что указанные деревни являются земельным приданым неизвестной нам по имени дочери Федора Максимовича, приводит и изучение того земельного массива, которым к моменту составления рядной располагала семья ее сестры Огруфены Федоровны, Федора Онкифовича и их сыновей. "А не вступать Матфею в Федоровы и в Огруфенины и их дети в Яколи и в Олександровы села на Хохули, в Лодыгино село, и в Березнек. И Овинчево село, и в Зарецки, ... и на Студеньски село, и Фомкино село, и Пепелниково село, и Падишино село, ... и Ушаково село... на Ксоци болшей двор, и околными села в Залядиньи, и на Руке,

и на Горке, где ни есть в Ксочском погосте... А володети Федору и его жене Огруфене и их детям... по Федорову рукописанью, и по Максимовы рукописанью, и по Дметрееву рукописанью, и по Онкифорову рукописанью..."²¹. Таким образом, унаследованные земли семьи Федора Онкифовича лежат в двух разных и довольно далеко расположенных друг от друга районах Деревской пятины: часть в Сытинском погосте, другая - в Оксочском²² (идентификация названий деревень в рядной и НПК уже была сделана предшествующими исследователями²³). Однако если количество деревень, находящихся во владении Федора Онкифовича в Сытинском погосте по НПК полностью совпадает (и по размерам земельного массива в обях также!) с количеством деревень, фигурирующих в рядной, то в Оксочском погосте, помимо оговоренных документом ("на Ксоци болшеи двор..."), названы в НПК еще 8 деревень общей площадью 13 обж (Городище, Городище ж, Лука ж, Заполие, Зачерение, Новина, Турсмчи, Горушка ж). Очевидно, считает В.Л.Янин, мы имеем дело в этом случае со старым земельным владением Федора Онкифовича, которое могло быть его собственной отчиной или перейти к нему по брачному контракту как приданое за Огруфеной. В отличие от Г.Е.Кочина, считавшего, что упомянутое в тексте "онкифорово рукописание" является свидетельством передачи названных земель Федору Онкифовичу его отцом,²⁴ В.Л.Янин решительно возражает против идентификации автора "рукописания" с отцом Федора Онкифоровича, склоняясь ко второму из предположений (о приданом).²⁵ Если изложенные выше наблюдения верны, то Огруфена и ее сестра еще до составления рядной являлись земельными собственницами, причем размеры приданого Огруфены (13 обж) и ее сестры (4,5 обж), заставляет думать, что первая - старшая.

Требуется объяснения и другое сложное для понимания содержания документа место. "А на болотах и в пожнях даше Федор Матфею и его жена Огруфена в Максимове жару треть; а в инне болота и в пожне Матфею не встпатья...

А ведати Матфею своя шестая часть, володети Матфею Ивановичю тою шестую часть..."²⁶ Почему Матфею Ивановичю на болотах и в пожнях выделена не шестая часть, а треть? Объяснение этого места в рядной В.Л.Яниным представляется несколько усложненным. Исследователь предполагает, что помимо "Максимова жара"²⁷, упоминаемого в документе, существовал (не упомянутый ни в рядной, ни в НК) некий "Дмитриев жар", якобы полностью перешедший Огруфене с мужем. Как компенсацию, думает В.Л.Янин, Матфей получает из прадедовских владений не шестую часть, а треть²⁸. Однако, на наш взгляд, найти и более простое объяснение. Видимо, прадедовский "жар" был поначалу распределен поровну трем детям Федора Максимовича: Огруфене Федоровне, Дмитрию Федоровичу и N Федоровне - каждому по трети. Свою треть, достающуюся через мать, и получает Матфей Иванович. Огруфена же с мужем достаются две трети - своя и брата Дмитрия.

Рассмотрение текста рядной по генеалогической схеме, предполагающей наличие у Федора Максимовича не двух сыновей и дочери, а двух дочерей и сына Дмитрий не меняет, в сущности, принципиальной родословной схемы, предложенной В.Л.Яниным для характеристики процесса движения земельной собственности на протяжении трех-четырёх поколений одной новгородской семьи живых людей в конце XV в. Однако небольшое уточнение, предложенное в настоящей статье, помогает понять некоторые трудно объяснимые места в тексте документа. С другой стороны, предлагаемый вариант прочтения и герменевтики текста рядной Федора Онкифовича с Матфеем Ивановичем раздвигает границы традиционного представления о наследственном праве в Русском государстве XV в.

Примечания:

I. Государственная библиотека СССР им.В.И.Ленина (далее - ГБЛ), собр. Муханова, № 15. Озаглавлено: Список с рядной Федора Онкифовича с женой Аграфеной и детьми Яковом и Александром с Матфеем Ивановичем о земле Федора Максимовича Дяделщину и Дмитриевщину. После

текста: "у подлинной печать свинцовая".

2. ШГАДА, документы Государственной коллегии экономики, № 8442, гл.25 (список XIXв); ГБЛ, собр.Румянцева, № XVI, л.1 (список XIX в.).
3. Сборник Муханова. Издание 2-е СПб., 1866, № 330; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред.С.Н.Валка, М.-Л., 1949 (далее - ГВНИП), № 122, с.179-181.
4. Кочин Г.Е. Два источника о хозяйственном строе и судьбе новгородской боярской вотчины. - В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н.Валка. М.-Л., 1964, с.439-444.
5. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981, с.157-181.
6. Кочин Г.Е. Указ. соч., с.439.
7. Янин В.Л. Указ. соч. с.159.
8. ГВНИП, № 122, с.181
9. Янин В.Л. Указ. соч., с.158, 171, 174
10. О времени составления документа были высказаны следующие гипотезы. Г.Е.Кочин, полагая, что автором рядной был некий крупный новгородский боярин, высказал мнение о возможности идентифицировать имя, упомянутое в рядной (Федор Онкифович) с именем новгородского посадника Федора Анкифовича Глазоомцева, известного в 1460-1470 г.г. Отсюда и датировка грамоты указанным временем. Однако отсутствие упоминания Федора Анкифовича Глазоомцева в НКК (между тем, как многие землевладельцы с фамилией Глазоомцевы в них отмечены) заставило самого автора сомневаться в правильности своей гипотезы. (Кочин Г.Е. Указ., соч., с.439). В.Л.Янин при датировке документа опирается на характеристику формуляра рядной (упоминание новгородского тысяцкого, определение гарантом сделки князя и владыки), находящегося "в полном соответствии с порядком оформления земельных актов XV в. до инкорпорации я Новгорода в состав Московского государства". Отсюда - приближительная дата составления рядной: середина - третья четверть XV в. Аргументация датировки В.Л.Яниным наиболее убедительна. (Янин В.Л., Указ. соч., с.170,175).
11. Памятники русского права (далее ПРП), вып.1, М., 1951, ст.93, 102; с.118.
12. Устав князя Владимира Святославича упоминает "прю между мужем и женою о животе" (ПРП, т.1, ст.7, с.138); Договор Новгорода с немцами [269-1270 гг. предполагает, что жена может принять самостоятельное участие в сделке мужа или уклониться от нее (ГВНИП), № 31, с. 58-62); ряд источников упоминает о посягательствах мужа на имущество жены (ПРП, вып.1, Устав князя Ярослава Владимировича, ст.32, с.269; РИБ, т.VI, СПб., 1880,

с.48, ст.92 и др.).

13. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (далее НГБ). Из раскопок 1956-1957. М., 1963, с.52, № 228 (XII в.); там же., с.152, № II (XII в.); Повесть временных лет. т.1, М.-Л., 1950, с. 196; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с.5 43, 468 и др.
14. Арциховский А.В., Борковский В.И. НГБ. Из раскопок 1956-1957. М., 1963, с.49-51, № 227 (XII-XIII вв); Арциховский А.В. Из раскопок 1952 г. М., 1954, с.58-59, № 55 (XIII в); ПРП, вып. 2, М., 1954, с.109 ("Рукописание кн.Владимира Васильевича"); Акты, относящиеся к юридическому быту Древней России (далее АЮБ), т.1, СПб., 1857, с.439, № 63 (II) (XIII в.).
15. См.подробнее: Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. Вступительная статья, перевод и комментарий Е.Э.Липшиц. М., 1969; Качатуров Р.Л. Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права. Иркутск, 1974; Шапов Я.Н., Княжеские уставы и церковь Древней Руси. XI-XIV вв. М., 1972.
16. ПРП, вып.2, Псковская судная грамота, ст.88-89, с.297.
17. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т.1 (1334-1598), СПб., 1841, №№ 29, 50, 81; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. т.1, СПб., 1846, сс.15, 348-349, 350, 356; АЮБ, т.1, СПб., 1857, №№ 31 (VIII, IX, XVII), 63 (II, III, VII), 82, 84; Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, №№ 71 (X, XII), 410, 411, 416, 418; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук, т.1, СПб., 1836, №№ 35, 41, 51, 72, 84, 97, 132, 152, 371; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XV вв., ч.1, М., 1951, №№ 7, II, 30, 46, 69, 154, 187, 258, 264, 307; ч.2, М., 1956, №№ 2, 5, 15, 16, 54; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV - начала XV вв., т.1, М., 1952, №№ 17, 34, 54, 56, 58, 64, 73, 85, 86, 90, 81, 100, 102, 103, 119, 127, 129, 146, 154, 155, 159-161, 163, 169, 174, 185, 186, 193-194, 208, 210, 218, 222, 224, 228, 231, 237, 237, 239, 240, 246-248, 251, 252, 254, 269, 276, 279, 282, 308, 327, 340, 341, 349, 369, 372, 382, 383, 385, 394, 397, 399, 438, 441, 447, 450, 457, 460, 472, 474, 483, 490, 543, 562, 575, 595, 596, 607, 615, 630; т.2, М., 1958, №№ 1, 29, 40, 47, 54, 55, 57, 62, 62а, 70, 90, 95, 96, 99, 123, 141, 153а, 157, 160, 184, 207, 229, 249, 252, 264, 343, 345, 361, 378, 384, 386, 414, 423, 423а, 443, 444, 448, 456, 457, 462; т.3, М., 1964, №№ 30, 33, 34, 38, 48а (42,57): 55, 59, 73, 93, 94а (6,7,9), 118, 122, 143,

147, 199, 202, 203, 216, 222, 236, 248, 256, 268, 276, 285, 328, 331-334, 336, 345, 346, 349, 359, 362, 367-371, 373, 403, 461, 473, 477, 483, 487-489, 495, 502 (55), библиографические дополнения, с.483, № I (7).
Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.-Л., 1949, №№ IIO, III, III3, III7, III9, I44, I56, I63, I74, I90, 201, 219, 221, 230, 235, 250, 254-256, 265, 271-273, 275, 281, 282, 292, 298, 305, 307, 314, 319, 325, 335, 337, 344; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. М.-Л., 1950, №№ I-5, 7, 12, 17, 20, 28, 57, 61, 66, 68-72, 74, 80, 84, 86, 87, 80, 95, 98; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813, ч.1, №№ 27, 42, 54, 82, 132, 140.

18. То есть около 10% (9,7%) всех учтенных опубликованных актов XIII-XV вв.

19. НПК, т.2, СПб., 1862, стб. 492-493.

20. НПК, т.2, стб.492

21. ГВНШ, № 122, с.180-181.

22. НПК, т.2, стб. 489-490; отб. 315-318.

23. Кочин Г.Е. Указ. соч., с.441; Янин В.Л. Указ.соч., с. 163-164.

24. Кочин Г.Е. Указ., соч.с.442.

25. Янин В.Л. Указ.соч., с.165-166

26. ГВНШ, № 122, с.180.

27. Толкование термина "жар" может встретить затруднения если пользоваться переводом Даля - "болото" (см. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка М., 1955, т.1, с.535) или же "Словаря русского языка XI-XVII вв." - "участок леса, выжженный под пашню". (см.вып.5, М., 1978, с.75) "Жар" может, по мнению В.Л.Янина, означать только "пожню на болоте" (Янин В.Л., Указ., соч., с.169).

28. Янин В.Л. Указ.соч., с.161.

Н.М.Рогожин

ПОСОЛЬСКИЕ КНИГИ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ ХУП В.
О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ И ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛО-
ЖЕНИИ ЧЛЕНОВ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ 1613-1616гг.

Данная работа непосредственно связана с нашей статьей, в которой реконструирован основной состав посольской документации девяти русских посольств 1613-1616 гг.¹ Указанные посольства выехали почти одновременно, чтобы известить глав других государств о вступлении на престол царя М.Ф.Романова, а также, по возможности, получить денежную и военную помощь. Как известно, значительная часть посольской документации (статейные списки и переписка с Посольским приказом) велась непосредственно участниками посольства². Ее источниковедческое изучение ведется крайне недостаточно, хотя посольские документы довольно часто используются в работах общ исторического профиля³. Не стал предметом специального исследования, среди прочих, и вопрос об этом виде документов как источнике, раскрывающем социальный состав русских посольств.

Глава посольства и его ближайшие помощники дьяк и подьячий писали статейные списки, вели переписку с Посольским приказом, местными воеводами и т.д. Как посольский отчет, так и другие документы несут отпечаток личности автора и преломляют в себе его социальное положе-

ние, общественные взгляды, интеллектуальный уровень.

В начале XVII в. еще окончательно не определились должностные рамки прав и обязанностей служивых людей. Посольская служба не была четко оформлена и опиралась на ряд прецедентов. Наименование лиц, стоявших во главе посольства, зависело от важности и характера дипломатической миссии⁴. В рассматриваемых памятниках употребляются следующие названия: посол, посланник, гонец. Иногда они выражены в предложно-падежной форме: "в послех", "в посланниках", "в гонцах". Юридическая сторона ранговой иерархии подкреплялась и финансовой, т.е. денежными выдачами и поместными пожалованиями.

В данном случае важно определить социальные группы, входившие в состав посольств. Насколько значимость посольства определяла размер вознаграждения для его членов? Соответствовало ли наименование посольской миссии ее функциям?

В посольских книгах данные о социальном и имущественном положении членов посольства встречаются эпизодически. Основная масса источников представлена в ЦГАДА в фонде IЭВ ("Дела о Посольском приказе и о служивших в нем"), а также в коллекциях, объединивших материалы различных учреждений XVII в., как, напр., фонды "Приказные дела старых лет", "Приказные дела новой разборки", "Архив Оружейной палаты", и др., которые частично опубликованы⁵. Их изучение показывает, что размер денежного и поместного жалованья членам посольств устанавливался исходя из предыдущей дипломатической практики с соблюдением преемственности по странам. Согласно предшествующим посылкам делались выписки "на пример", по которым определялись оклад и размер награждения того или иного дипломатического агента в соответствии с его рангом.

Так как большинство сведений относительно рассматриваемых посольств извлечено из делопроизводства сорокати двадцати годов XVII в., то настоящие наблюдения и выводы возможно отнести в целом к практике посольской служ-

бы первой половины XVII в., учитывая характерный для нее элемент преемственности и традиции. Наиболее полное свидетельство, которое мы имеем в данном случае, — сочинение Г.К.Котошикина, — хотя и принадлежит к шестидесятым годам XVII в., но обобщает посольскую практику предшествующего времени.

В литературе эта сторона изучения посольских книг не затрагивалась. Так, известные работы С.А.Белокурова и В.И.Саввы касаются внутренней структуры Посольского приказа, но почти не говорят об организации посольской службы и ведении дипломатической документации⁶.

Используя материалы посольств 1613—1616 гг., рассмотрим последовательно, по времени отправления, какое отражение эти данные получили в делопроизводстве Посольского приказа.

Одним из первых выехал в Польшу Денис Григорьевич Оладьин⁷ в качестве "гонца з грамотою"⁸. Выехал гонец 11 марта 1613 г., уже зная об избрании на престол М.Ф. Романова, а вернулся 20 июля 1613 г.⁹ Известно, что Д.Г. Оладьин был дворянином "по выбору" из Кашыри и непосредственно перед поездкой просил не брать с него в Печатном приказе пошлины "трех рублей с четвертью с вотчиной грамоты"¹⁰. После посольства в Польшу Д.Г.Оладьин указан в 1616 г. среди дворян московских с поместьем окладом¹¹. На 1613 и 1614 гг. ему был выдан полный оклад по 37 рублей и 126 рублей "подмоги", всего 200 рублей¹², а 22 июня 1614 г. он был пожалован за службу "восемью аршинами камки адаманши"¹³. Для подарков польскому королю и его приближенным из Казанского дворца выдали "40 соболев в 40 рублей, 2 пары соболев по 3 рубля пара, 2 же пары по пол 3 рубля пара, 3 пары по 2 рубля пара, всего 7 пар"¹⁴.

Русско-польские отношения после интервенции Речи Посполитой и Швеции оставались в 1613 г. крайне напряженными. Главная задача посольства состояла в том, чтобы окончательно отказать в приглашении на царство королю Сигизмунду III и его сыну Владиславу и одновременно начать

переговоры об обмене пленными.

Гонец Филип Дмитриевич Есипов выехал к ногайскому князю Иштереку из Казани вместе с ногайским послом Алагулой в апреле 1613 г. с одной только целью — известить об избрании на российский престол М.Ф.Романова¹⁵. В указе казанскому воеводе Н.М.Пульгину предписывалось отправить к кн.Иштереку боярского сына из казанских жильцов, "который пригож и который бы был досуж и верен, и которого б с такое дело стало", и выдать ему жалованье по росписи из Посольского приказа¹⁶. Ф.Д.Есипов получил полный оклад за 1613 г. в 25 рублей и, согласно окладу, 25 рублей "подмоги", а также полугодовой запас продуктов и фуража. Несмотря на то, что Д.Г.Оладьян и Ф.Д.Есипов выехали в одинаковом ранге гонцов, первый получил для поездки на 150 рублей больше, что определялось значимостью миссии. В Самаре Ф.Д.Есипову выделили 10 стрельцов и переводчика¹⁷. Вернулся гонец 20 июня 1613 г., так и не доехав к кн. Иштереку из-за нападения калмыков.

Степан Михайлович Ушаков и дьяк Семей Заборовский отправлены к римскому императору Маттиасу в ранге посланников (июнь 1613 г. — август 1614 г.)¹⁸. До своего отъезда С.М.Ушаков в 1602–1603 гг. указан среди выборных дворян в Туле с поместным окладом 350 четвертей¹⁹; по возвращении из посольства в 1615–1616 гг. назначен воеводой в Кострому²⁰. С.Заборовский в январе 1610 г. служил в Калуге дьяком Поместного приказа у Дмитрия II; с ноября 1612 г. по март 1613 г. дьяк, собирает в Калуге запросные деньги; после посольства к римскому императору послан с кн.Д.М.Похарским в 1615 г. под Карачев и Брянск против поляков²¹.

Правительство первых Романовых, надеясь получить от Империи военную, денежную и дипломатическую помощь в борьбе с Польшей, тщательно готовилось к указанному посольству. Но так как к 1613 г. оформился австро-польский военно-политический союз, император Маттиас отказал в военной и денежной помощи и предложил посредничество

в русско-польских мирных переговорах.

Посольство в Турцию посланника С.Б.Протасьева и дьяка М.Данилова состоялось в июне 1613 г. – августе 1615 г.²². Соловой Борисович Протасьев уже имел опыт дипломатической службы посланником к ногайскому кн.Иштереку в 1608 г.²³; в 1610–1611 гг. он указан в дворянах выборных по Мещере²⁴; будучи дьяком, возглавляет посольство в Турцию 1613–1615 гг.²⁵; в 1616 г. указан среди московских дворян с поместным окладом²⁶. Сопровождал С.Б.Протасьева дьяк Михаил Феофилактович Данилов, который в 1606–1607 гг. указан дьяком Разрядного приказа; при царе В.И.Шуйском получил в Суздале поместье на 100 четвертей; в 1612 г. дьяк в Ярославле; со 2 сентября 1615 г. дьяк Разрядного приказа²⁷.

По возвращении из Турции С.Б.Протасьев и М.Ф.Данилов были награждены: "в приказ Соловому 100 рублей, 40 соболей в 30 рублей, камка и сукно добрые, ковш в 3 гривенки и ему же придано государева жалованья к старому его денежному окладу ко 100 рублем 20 рублей, а к поместному его к старому окладу к 900 четвертям не придано ничего, потому что... ему окладу девятисот чети полно"²⁸; М.Ф. Данилову "к старому его поместному окладу к 700 четям 100 чети, к денежному жалованью 90 рублей"²⁹ ... рублей, да камка, да сукна добрые, да ковш 2 гривенки, да 40 соболей в 20 рублей"³⁰. В посольстве С.Б.Протасьева принимал также участие подьячий Казенного двора Терентий Львов,³¹ которому было дано для поездки "государева жалованья годового и подмоги 35 рублей"³².

В конце XVI – первой половине XVII вв. дипломатические отношения с Турцией не были постоянными. Но, имея перед собой враждебно настроенную Речь Посполитую, Россия вынуждена была стремиться обеспечить нейтралитет Турции, а по возможности сделать ее своим союзником против Польши. Поэтому С.Б.Протасьеву указывалось отметить стремление Русского государства быть с Турцией в "любви и дружбе" и передать просьбу к султану Ахмеду I о воен-

ной помощи. Ахмед I также должен был направить крымского хана на борьбу с польским королем. В указе от 11 мая 1613 г. дьяку денежного двора Е.Г.Тепелневу предписывалось изготовить для турецкого султана "семь костей рубля зубу в полтора пуда"³³. Одновременно с послами было отправлено жалованье донским казакам "постав сукна настрофиль, 6 половинок еренку, 24 рословских"³⁴. Провожали посольство до Азова донской атаман Игнатий Бедринцев, волжский атаман Григорий Долгошей и воронежские атаманы Ларь Болдырь и Василий Окорочков с казаками³⁵.

Алексей Иванович Эззин и Алексей Григорьевич Витовтов выехали в Англию "для государева и земского дела в послах", т.е. в чине послов (июнь 1613 - октябрь 1614 г.)³⁶. До посольства в Англию А.И.Эззин в 1603-1605 гг. был воеводой в Пельме³⁷, затем в 1610-1611 гг. воеводой в Устюге Великом³⁸, после чего в 1612 г. воеводой в Каргополе³⁹. Во время посольства в Англию А.И.Эззин носил звание "наместника шацкого", которое было не действительное, а титулярное, т.е. данное для представительности, и по окончании посольства утратило свое значение. По возвращении из Англии в 1615 и 1616 гг. принимал участие в посольских съездах с поляками и шведами⁴⁰, в 1616 г. указан среди московских дворян с поместным окладом⁴¹. Алексей Григорьевич Витовтов - дьяк, в 1613 г. подписался на грамоте о выборе царя М.Ф.Романова, после посольства в Англию с 30 ноября 1614 г. по 20 августа 1615 г. дьяк Разбойного приказа; в сентябре 1615 г. принимает участие в посольстве под Смоленск с кн.И.М.Воротынским⁴². В составе посольства А.И.Эззина находился подьячий Владимирской четверти Андрей Семенов, который специально был послан "для письма"⁴³. Согласно рангу посла и важности посольства, А.И.Эззин получил для поездки 200 рублей "подмоги" и годовое жалованье на 1613-1614 гг. всего 400 рублей, а А.Г.Витовтов - 100 рублей на "подмогу" и 220 годового⁴⁴. По финансовому снабжению и количеству продуктов посольство А.И.Эззина было приравнено к миссии

С.М.Ушакова в Австрию, о чем говорит помета "да Алексею ж и дьяку Алексею Витовтову велено дати государева жалованья... против ... царские послышки Степана Ушакова"⁴⁵. Но при этом отмечено: "вперед тое придачи для примеру выписывати не велено"⁴⁶, что подтверждает исключительное значение, которое придавалось этим двум посольствам. Картина будет более полной, если добавить, что выехали "Зюзин ... с товарищи" из Москвы на двадцати двух подводах, причем для размещения продуктов и личного имущества А.И.Зюзину выделили двенадцать, дьяку А.Г.Витовтову - восемь, а подьячему А.Семенову - две подводы⁴⁷. По возвращении из Англии А.И.Зюзин получил "в приказ 100 рублей да к старому его окладу ко 100 рублем 50 рублей, да поместья к 900 четьям 100 четья, да 40 соболей в 30 рублей, да камка добрая, да сукно доброе, да ковш в 3 гривенки"⁴⁸. А.Г.Витовтову дано было "в приказ 50 рублей, 40 соболей в 20 рублей, ковш серебрян в 2 гривенки, камка да сукно добрые, да ему же ... придано государева жалованья к старому его поместному окладу к 700 четвертям 100 четвертей, да к денежному жалованью ко 110 рублем 10 рублей"⁴⁹. Подьячий А.Семенов получил "в приказ 10 рублей да сукно доброе, да придано к денежному жалованью к 15 рублям 2 рубля, да поверстан поместным окладом вновь, а учинен ему оклад 200 четей"⁵⁰.

Правительство первых Романовых учитывало заинтересованность англичан в подтверждении торговых привилегий от нового царя и поэтому возлагало определенные надежды на посольство А.И.Зюзина. Английский король Иаков I, имея с Россией налаженные торговые связи через Белое море, делал все возможное, чтобы не допустить ее на Балтику. Одновременно, после неудачной попытки (в 1612 г.) подчинения русского Севера⁵¹, англичане стремились заслужить доверие и расположение нового русского правительства. Вскоре после вступления на царский престол Михаил Федорович и отправляет в июне 1613 г. посольство А.И.Зюзина в Лондон с извещением об этом событии. На послов были возложены

и другие поручения: просить о помощи против поляков и шведов (о присылке в Москву денег, пороха, свинца и других военных припасов). На просьбу о денежной помощи А.И. Зюзин получил уклончивый ответ, но вскоре по его возвращении (октябрь 1614 г.) в Москву прибыл в декабре того же года посол английского короля Д.Мерик. Посредничество Англии в лице Д.Мерика в русско-шведских переговорах окончилось Столбовским миром 1617 г., в процессе подготовки к которому немаловажную роль сыграло посольство А.И.Зюзина и А.Г.Витовтова⁵².

Князь Иван Михайлович Барятинский выехал в Данию, как и А.И.Зюзин в Англию, в звании посла (июль 1613 - октябрь 1614 г.)⁵³. В 1602-1603 гг. он указан среди выборных дворян по Суздалью с поместным окладом 400 четвертей⁵⁴, в 1606-1607 гг. записан в московские дворяне⁵⁵; 30 июня 1613 г., непосредственно перед отправлением в Данию, просил не брать "с льготных, вотчинных, поместных и управных грамот подписных и печатных пошлин... 7 рублей и 25 алтын"⁵⁶; в 1616 г. значится среди московских дворян с поместным окладом 1200 четвертей и денежным окладом 150 рублей⁵⁷. Сопровождал И.М.Барятинского дьяк Гаврила Богданов, который в 1611 г. был подьячим у Соли Вычегодской; в 1612 г. дьяк под Москвой; с 12 марта 1613 г. дьяк Челобитного приказа, куда и возвращается вновь после посольства в Данию⁵⁸. В посольстве также участвовали нижегородец С.Д.Протопопов и подьячий Челобитного приказа Я.Рязанцев; последний послан так же, как и подьячий А.Семенов в Англию, специально "для письма"; переводчиком был Д.Николаев⁵⁹. После посольства И.М.Барятинский получил "в приказ 100 рублей, 40 соболей в 30 рублей, в 3 гривенки ковш, камку и сукно добрые, да ему ж придано к прежнему его денежному окладу ко 100 рублем 50 рублей, а поместного окладу не прибавлено, потому что ему старой оклад 1000 чети"⁶⁰. С.Д.Протопопову дано было "в приказ 10 рублей, да камка, да к окладу придано государева жалованья к поместью к 500 четвертям 50 чет-

вертей и денежный оклад к 15 рублям 5 рублей"⁶¹. Я.Рязанцев получил "в приказ 10 рублей да сукно доброе, да придано к жалованью к 15 рублем 2 рубли. Да ему же поместного окладу учинено вновь за службу 200 четвертей"⁶². Переводчику Д.Николаеву прибавлено "к прежнему окладу к 20 рублям 5 рублей"⁶³.

Возрастающее могущество Швеции вызывало беспокойство среди ее ближайших соседей. Дания, Бранденбург и Империя стремились к союзу, направленному против Швеции, и это, конечно, учитывали в Посольском приказе. На посольство И.М.Барятинского возлагались большие надежды, как и на посольство в Империю и Англию. Исключительное внимание, которым были окружены посольства в Империю, Англию и Данию, отразилось как на численности и снабжении посольств, так и на тщательности, с которой велась и оформлялась посольская документация⁶⁴.

Абросим Иванович Лодыженский и подьячий Петр Данилов выехали к крымскому хану Джанибек-Гирею в чине посланников (октябрь 1613 г. – август 1614 г.)⁶⁵. В 1611 г. А.И.Лодыженский значится среди дворян московских с поместным окладом "700 четьи, денег из чети 40 рублей"⁶⁶. После поездки в Крым в 1615–1616 гг. – белгородский воевода с денежным окладом 180 рублей и поместным 1000 четвертей⁶⁷; в 1621, 1624, 1626 и 1631 гг. вновь на дипломатической службе как пристав у литовских, турецких, шведских и датских послов⁶⁸. П.Данилов в 1594–1600 гг. – подьячий Посольского приказа, где ведет дела по отношениям с азиатскими государствами; в 1600 г. послан в Казань, после посольства в Крым с 16 ноября 1614 г. дьяк принимает участие в составлении описи Посольского приказа; в 1616 г. опять выехал в Крым с посольством Ф.Челюсткина⁶⁹. В составе посольства также были служилые татары Богдан Исенчурин, Ангилдей Багиндеев и переводчик Курманалей Китляров. А.И.Лодыженскому и П.Данилову выдали жалованье "за 2 сорока соболей, да за 2 сорока куниц и 2 сорока соболей, одному цена 30 рублей, а дан за 40 руб-

лей, другому 20 рублей"⁷⁰. Кроме этого посланы были очень богатые "поминки" Джанибек-Гирею и его приближенным⁷¹. По возвращении из посольства А.И.Лодыженскому придано "государева жалованья к поместному к 850 четвертям 150 четвертей, к деньгам к 50 рублям 40 рублей; да в приказ 100 рублей, 40 соболей в 30 рублей, камка да сукно добрые, кош серебрян в 3 гривенки"⁷². Подьячему П.Данилову - "в приказ 30 рублей, камка да сукно добрые, 40 куниц в 12 рублей, чарка серебряна, да его ж государь пожаловал дьячем именем, а денежный оклад ему учинен 50 рублей, поместный оклад 500 чети"⁷³. Б.Исенчорину - "к 550 четьям ... денег к 24 рублям 5 рублей", А.Багиндееву - "400 четьям 50 чети, денег к 20 рублям 5 рублей. Дано сукну по доброму, окладу по 50 чети, да денег по 5 рублей"⁷⁴.

Посольство А.Лодыженского было послано к Джанибек-Гирею, чтобы заключить договор о нападении хана на польского короля Сигизмунда III с юга в то время, как Россия начнет военные действия с севера. Московское правительство опасалось также возможного объединения Джанибек-Гирея с И.Заруцким и персидским шахом Аббасом I.

Михаил Никитич Тиханов и Алексей Бухаров отправились в Персию в чине посланников (ноябрь 1613 г. - июнь 1615 г.)⁷⁵ После посольства М.Н.Тиханов значится в боярской книге 1615 г. среди московских дворян с поместным окладом⁷⁶; в 1618-1619 гг. служит воеводой в Белеве⁷⁷. А.Бухаров - подьячий, по возвращении из Персии назначен дьяком Челобитного приказа⁷⁸. К шаху Аббасу I, бухарским и ургенчским правителям были посланы значительные дары - "5 сороков соболей, цена им порознь: 40 соболей цена 40 рублей, 40 соболей цена 30 рублей, два сорока соболей один 24 рубля, а другой 23 рубля"⁷⁹. О количестве посольских людей и опасности пути, ввиду возможного нападения И.Заруцкого, говорит указ с требованием приготовить 137 лошадей и 30 стрельцов для сопровождения посольства⁸⁰.

Вернувшись из Персии, М.Н.Тиханов получил "в приказ,

против Обросема Лодыженского, 100 рублей, сорок соболей в 30 рублей, камка добрая, сукно доброе, ковш серебрян в 3 гривенки... да убытков III рублей..., к старому ево окладу 28 рублей, а поместному окладу быть по прежнему, и оклад ему старой 900 четей. Подьячому Алексею Бухарову, против Петра Данилова, в приказ 30 рублей, камка, сукно доброе, 40 кунит, к 700 четьям 100 четей, денег к 90 рублям 20 рублей"⁸¹.

Следует отметить, что если при отправлении А.И.Эззина в Англию примером финансового снабжения служило европейское посольство С.М.Ушакова в Австрию, то в данном случае миссия М.Н.Тиханова приравнена к посольству А.И. Лодыженского в Крым.

Ослабленное "Смутой" Русское государство нуждалось в средствах, часть которых поступала от торговли с Ираном и другими странами Азии. Поэтому в его интересах было укрепление торговых связей с Персией. Кроме этого, московское правительство было обеспокоено переговорами И.Заруцкого с шахом Аббасом I. В это же время персидский правитель был заинтересован в политической цельности России, которая представляла большие торговые выгоды Ирану и препятствовала проникновению турок и татар в Закавказье с севера. Для обеих сторон важно было заключить выгодный торговый союз с гарантией взаимной безопасности границ.

Иван Гаврилович Кондырев и подьячий Михаил Неверов выехали во Францию в ранге посланников (май 1615 г. - июль 1616 г.)⁸². До своей поездки во Францию И.Г.Кондырев в 1614 г. был посланником к ногайскому кн.Иштереку⁸³; в 1618 г. указан среди дворян⁸⁴ и отправлен посланником в Литву⁸⁵; в 1623 г. посланник в Турцию⁸⁶. М.Неверов в 1612 г. подьячий Галицкой чети с окладом в 25 рублей; с 1632 г. дьяк, назначен с Б.И.Пушкиным в посольство в Швецию⁸⁷. В посольстве также принимал участие брат И.Г.Кондырева желец Едан Кондырев⁸⁸. Всего для поездки во Францию И.Г.Кондыреву, М.Неверову и переводчику было отпу-

щено "государева жалованья и подмоги 400 рублей"⁸⁹. На аудиенции у короля Людовика XIII И.Г.Кондырев "принес в подарках 2 сорока соболей да лисицу черну, - всего на 150 рублей"⁹⁰.

В награду за посольство И.Г.Кондырев получил "к старому поместному окладу 900 четям 100 четей и за службу и долги четвертной оклад 97 рублей, и в приказ 23 рубль"⁹¹. М.Неверову - "к старому поместному окладу к 250 четям 50 чети, денег к 25 рублем 5 рублей, да в приказ за службу дано ему государева жалованья 30 рублей, камка, сукно добрые, 40 кунц в 12 рублей, да ему же долгу заплачено из государевы казны пятьдесят рублей в то число, что он займовал будучи во Францовской земле"⁹². И.Кондырев "к старому поместному окладу к 500 четвертям 50 четвертей, денег к 15 руолем 8 рублей... в приказ 15 рублей, тафта добрая, сукно доброе"⁹³.

Посольство И.Г.Кондырева не имело серьезных результатов, если не считать того, что в ответной грамоте короля Людовика XIII, адресованной царю М.Ф.Романову, Россия была признана французами великой державой, а ее правитель наименован императором. Король также уверял, что запретит своим подданным служить в шведской и польских армиях и охотно вступит в дружественный с Русской союз, обещая для этого прислать своих послов.

Обобщая данные относительно личного состава рассмотренных посольств, можно заключить, что в начале XVII в. дипломатическая служба носила единовременный характер. Несмотря на важность этих посольств, правительство первых Романовых ставит во главе их представителей среднего московского и выборного городского дворянства, не привлекая родовитую боярскую знать к ведению дипломатических переговоров. Среди ближайших помощников послов и посланников значатся дьяки и подьячие различных государственных учреждений (Поместного, Разрядного, Челобитного приказов; Казенного двора; Владимирской и Галицкой четвертей), из которых только один, П.Данилов, служил ранее в Посольском

приказе. Члены посольств получали денежное жалование, которое равнялось прежнему окладу за два года, и добавочную сумму "на подмогу", равную годовому окладу.

Средний размер жалования до и после посольства представляется в следующем виде:

Денежный оклад в рублях		Поместный оклад в четвертях	
до посольства	размер прибавки после посольства	до посольства	размер прибавки после посольства
Посол			
100	50	900	100
Посланник			
50-100	20-40	700-900	100-150
Гонец			
25-37	-	-	-
Дьяк			
90-110	10	700	100
Подьячий			
15-50	2-5	200-500	50-100
Переводчик			
20	5	-	-

Основываясь на приведенных данных, можно сделать вывод, что в указанный период система материального обеспечения членов посольств основывалась на занимаемой должности и зависела от размера предыдущего оклада и чина в большей степени, чем от результата посольства. Показателем в этом отношении указ 1621 г. царя М.Ф. Романова и патриарха Филарета. Он был дан в ответ на челобитную "дворян больших и из городов" с просьбой не высылать их в разные государства в чине меньшем, если они или их предки до этого имели на посольской службе звание большее по рангу. На что они получили отказ с ссылкой на государственную необходимость и предшествующую практику.⁹⁴ Среди

указанных посольств наиболее материально обеспеченные были посольства в Англию, Данию и Империю.

Главы посольств в Англию и Данию носили звание посла, и в составе их посольств, кроме дьяков, был специально выделен "подьячий для письма", что говорит о внимании, которое в этом случае придавалось ведению посольской документации. По возвращении кроме денежных и поместных пожалований члены посольств получали и разовые награды. В этом случае послы и посланники были уравнены, получали одинаково "в приказ 100 рублей, 40 соболей в 30 рублей, камка, сукно добры, ковш в 3 гривенки". Отдельно выделена награда дьяку А.Г.Витовтову (Англия): "в приказ 50 рублей, 40 соболей в 20 рублей, ковш серебрян в 2 гривенки, камка и сукно", затем следует одинаковое награждение подьячим: П.Данилову (Крым), А.Бухарову (Персия), М.Неверову (Франция) - "в приказ 30 рублей, камка, сукно, 40 кунит в 12 рублей"; гонец Д.Г.Оладьин получил "восемь аршин камки адаманки"; подьячие для письма А.Семенов и Я.Рязанцев "в приказ 10 рублей и сукно доброе". Участие в посольской службе оказывало влияние на социальное положение и благоприятствовало продвижению по службе. Так, Д.Г.Оладьин и С.Б.Протасьев из выборных городских дворян переходят в чин дворян московских; подьячий П.Данилов пожалован в дьяки; С.М.Ушаков получил назначение воеводой в Кострому. Существовали, видимо, и определенные привилегии относительно налогов, о чем говорят челобитные Д.Г.Оладьина и И.М.Барятинского с просьбой освободить их от подписных и печатных пошлин. Поэтому неудивительно, что если до указанных посольств только С.Б.Протасьев был в 1608 г. посланником в Ногайской Орде, то после 1613-1616 гг. А.И.Зюзин участвует в посольских съездах с поляками и шведами; А.Г.Витовтов отправляется на съезд под Смоленск; А.И.Лодыженский приставлен к шведским, литовским, турецким и датским послам; П.Данилов - участник посольства Ф.Челдосткина в Крым; И.Г.Кондырев выезжает посланником в Турцию, а М.Неверов назначен дьяком в Швецию. На данных

примерах мы наблюдаем увеличение удельного веса дворянства (в том числе дьячества) в управлении страной, постепенную консолидацию среднего дворянства и приказных людей при их активном стремлении к политической и государственной деятельности⁹⁵.

Примечания:

1. Рогожин Н.М. Посольские книги начала ХУП в. и архив Посольского приказа. - В сб. ст.: Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. М., 1981, с.99-114.
2. Бережков М.Н. Древнейшая книга крымских посольских дел (1474-1505 гг.) - Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1894, № 21, с.27-55; Полиевктов М.А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. Тифлис. 1926, с.034-043; Новосельский А.А. Разновидности крымских статейных списков ХУП в. и приемы их составления. В кн.: Проблемы источниковедения, т. IX, М., 1961, с.182-194; Крылова Т.К. Статьиные списки петровских дипломатов (1700-1714 гг.), Там же, с.163-181; Рогожин Н.М. Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. и ее место среди материалов Посольского приказа начала ХУП в. В кн.: Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. М., 1979, с.7-38.
3. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы. - В кн.: Путешествия русских послов ХУП-ХУП вв. Статьиные списки. М.-Л., 1954, с.346.
4. Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI-ХУП вв. Казань, 1971, с.54-55.
5. См. далее ссылки по тексту.
6. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906; Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906; Савва В.И. О Посольском приказе ХУП в., вып. I, Харьков, 1917.
7. При цитировании текста имена и отчества членов посольств указываются сокращенно, с помощью инициалов - Д.Г. Оладьин, А.И.Зюзин и т.д.
8. ЦГАДА, ф.79, оп.1, д.29 (книга); Сборник Русского исторического общества (далее Сб.РИО). 1913, М., т.142, с.310-420.
9. Сб.РИО, т.142, с.ХШ; Опись архива Посольского приказа 1626 года, ч.1, М., 1977, с.128.

10. Сухотин Д.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). М., 1915, с.50; Сб. РИО, т.142, с.311-312.
11. Акты Московского государства. (Далее АМГ), т.1, СПб., 1890, с.145.
12. Сб.РИО, т.142, с.384.
13. Приходо-расходные книги Казенного приказа. Русская историческая библиотека. (Далее РИБ), т.9, СПб., 1884, с.317; камка адамашка - шелковая ткань из Дамаска.
14. Сб.РИО, т.142, с.384.
15. ЦГАДА, ф.127, оп.1, д.3 (Беловой столбец).
16. Там же, л.39.
17. Там же, л.43.
18. ЦГАДА, ф.32, оп.1, д.1 (беловой столбец); Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852, с.921-1088.
19. Боярские списки последней четверти XVI - начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г., ч.1. М., 1979, с.224.
20. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, с.113.
21. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М., 1946, с.120, 254; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975, с.183.
22. ЦГАДА, ф.89, оп.1, д.1 (черновой столбец); Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв., т.1-П, М., 1946.
23. Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1609 г. 19 мая - 17 июля 1610 г.). М., 1914, с.160-161.
24. Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства, вып.2, М., 1909, с.98.
25. Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной е.и.в. канцелярии. (Далее ДР), т.1, СПб., 1850, с.106, 167.
26. АМГ, т.1, с.146.
27. Богоявленский С.К. Приказные судьи, с.145-146, 249; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие, с.142-143.
28. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.22, л.47.
29. Далее текст утрачен.
30. ЦГАДА, ф.131, оп.1, д.22, л.48.
31. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие..., с.308.
32. ЦГАДА, ф.138, оп.1, д.1, л.170.

33. Л.М.Сухотин. Первые месяцы царствования..., с.15.
34. Там же, с.15; настрофиль, еренок и рословское - виды сукна.
35. Приходо-расходные книги Казенного приказа, РИБ, т.9, с.72.
36. ЦГАДА, ф.35, оп.1, д.3 (книга); там же, д.48 (черновой столбец).
37. Барсуков А.П. Списки..., с.168.
38. Там же, с.260.
39. Там же, с.93.
40. ДР, т.1, с.161, 203, 206, 227.
41. АМГ, т.1, с.145.
42. Богоявленский С.К. Приказные судьи, с.138, 241; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие..., с.93.
43. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.22, л.62-63.
44. Там же, ф.35, оп.1, д.48, л.126-131.
45. Там же, л.132.
46. Там же, л.131.
47. Там же, л.130.
48. Там же, ф.138, оп.1, д.1, л.280 (1613 г.).
49. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.22, т.44.
50. Там же, ф.138, оп.1, д.1, л.69, 171.
51. Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Ивакова I. "Научно-исторический журнал", 1914, № 5, с.1-16.
52. Лыкин Н.П. Столбовский договор и договоры ему предшествовавшие. СПб., 1857.
53. ЦГАДА, ф.53, оп.1, д.3 (книга); Там же, д.1 (черновой столбец).
54. Боярские списки, ч.1, с.198.
55. Там же, с.257.
56. Сухотин Л.М. Первые месяцы..., с.138.
57. АМГ, т.1, с.143.
58. Богоявленский С.К. Приказные судьи, с.217, 237; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие..., с.55.
59. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.5, л.53-54; Там же, ф.141, оп.1, д.22, л.63; Там же, ф.138, оп.1, д.1, л.67.
60. Там же, ф.141, оп.1, д.22, л.45.
61. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.5, л.53-54; Там же, д.22, л.54.

62. Там же, д.22, л.63; ф.138, оп.1, д.1 (1613 г.), л.171.
63. Там же, ф.138, оп.1, д.2, л.67.
64. Рогожин Н.М. Посольские книги начала ХУП в. и архив Посольского приказа, с.99-114.
65. ЦГАДА, ф.123, оп.1, д.1 (беловой столбец); Сергеев А. Посольство А.Лодыженского и подъячего П.Данилова в Крым в 1613 г. Симферополь, 1913.
66. АМГ, т.1, с.79.
67. Там же, т.1, с.491.
68. ДР, т.1, с.206-108, 211-214, 216-218; 223, 465, 580, 581, 957, 959.
69. Веселовский С.Б. Дьяки и подъячие..., с.143.
70. Приходо-расходные книги Казенного приказа, РИБ, т.9, с.171-172.
71. Там же, с.177-180.
72. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.25, л.106-107; ф.138, од.1, д.1, л.281.
73. Там же, ф.141, оп.1, д.25, л.106-107.
74. Там же, л.175.
75. Там же, ф.77, оп.1, д.1 (черновой столбец); Посольство М.Н.Тиханова. - В кн.: Труды восточного отделения императорского Русского Археологического Общества, т.ХХ1, СПб., 1892, с.151-312; Корженевский Н.Л. Посольство М.Тиханова в Персию и путь его через Хиву и Кара-Кумы в Хорасан (1613-1615 гг.) - "Известия АН Узбекской ССР" № 6, 1951, Ташкент, с.69-72; Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине ХУП в. В кн.: Международные связи России в ХУП-ХУШ вв. М., 1966, 103-121.
76. АМГ, т.1, с.146.
77. Барсуков А.П. Списки..., с.30; ДР, т.1, с.422.
78. Богоявленский С.К. Приказные судьи, с.217, 239; Веселовский С.Б. Дьяки и подъячие..., с.75-76.
79. Приходо-расходные книги Казенного приказа, РИБ, т.9, с.317.
80. Труды восточного отделения..., т.ХХ1, с.152.
81. ЦГАДА, ф.138, оп.1, д.1 (1613 г.), л.306-307.
82. Там же, ф.93, оп.1, д.1 (книга); ф.93, оп.1, д.2 (столбец); Отечественные записки, ч.ХХУШ, СПб., 1826, с.25-46; Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца ХУ1 и первой половины ХУП вв., ч.1-П, Тбилиси, 1959.

83. Оп. 1626 г., л.482.
84. ДР, т.1, с.315.
85. Оп. 1626 г., л.195 об.; 196 об.-197.
86. Акты Московского государства, т.1, с.192; Оп.1626 г., л.461 об.
87. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие..., с.357-358.
88. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.5, л.54.
89. Там же, оп.1, д.7, л.5.
90. Там же, ф.138, оп.1, д.1, л.232.
91. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.22, л.60; Там же, д.25, л.7.
92. Там же, ф.138, оп.1, д.1, л.305.
93. Там же, ф.141, оп.1, д.5, л.54; Там же, д.22, л.55.
94. ЦГАДА, ф.141, оп.1, д.5 (1621 г.), л.1-3; СГТГД, ч.3, СПб., 1822, с.222-223.
95. См. Демидова Н.Ф. Приказные люди ХУП в. Социальный состав и источники формирования. "Исторические записки", 1972, т.90, с.332-353.

Б.Н.Морозов

СЛУЖЕБНЫЕ И РОДОСЛОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ЧАСТНЫХ
АРХИВАХ XVII в. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Частные архивы дворянских семей XVII в. привлекают внимание современных историков в первую очередь как материалы для изучения феодального землевладения и хозяйства. Историки, занимающиеся проблемами социально-политической истории русского средневековья, прежде всего обращаются к нарративным источникам — летописям, повестям и сказаниям, содержащим обобщающую многоплановую информацию. Конкретные же факты, детализирующие показания повествовательных памятников, извлекаются из сохранившейся официальной деловой документации, отложившейся в архивах центральных и местных учреждений Российского государства XVI—XVII вв. — приказов и приказных изб. " Традиционная точка зрения на бедность русоких поместно-вотчинных архивов даже в плане содержания хозяйственной документации вовсе не стимулировала планомерный поиск в них материалов, отражающих основное занятие класса землевладельцев — государеву службу¹. Однако, значительное количество ценнейших источников по истории войн и внешнеполитических связей России, организации русской армии и составу государственного двора (в первую очередь, XVI—начала XVII вв.), публиковавшихся еще в XVIII — первой половине XIX вв. в различных изданиях, было взято из частных архивов. Во второй поло-

вине XIX - начале XX вв., в связи с увеличением интереса дворянских родов к изучению своей истории, появляется целый ряд специальных изданий, как правило, сопровождавшихся публикацией документов из семейных архивов, в том числе различных служебно-родословных материалов. Но пожалуй, единственным исследованием, написанным целиком на основании личных документов, является работа Н.Н.Селифонтова "Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника Василия Александровича Даудова - дворянина XVIII столетия" (Спб., 1871), которая является фактически предисловием к публикации этого интереснейшего (но далеко не единственного) архива, отразившего разнообразную деятельность среднего служилого человека. Служилый человек был кровно заинтересован не только в сохранении свидетельств своей феодальной собственности - поземельных грамот и актов, но и свидетельств личной и родовой чести - заслуг перед феодальным государством, от которых в конечном счете зависело и его материальное обеспечение. Кроме того, вся жизнь русского дворянства (как высших, так и низших его слоев) XVI-XVIII вв. (а фактически и в более ранний и в позднейший периоды) была подчинена своеобразному институту местничества, корни и значение которого до конца не выяснены². Местничество не только требовало точных документальных сведений как по истории рода в целом, так и по службе его отдельных представителей, но и сами местнические споры и тяжбы порождали целый массив специальной документации³.

Русские частные архивы XVIII в. - массовый источник. Комплексы материалов, в большей или меньшей степени отражающих состав откладывающихся документов у конкретного лица или семьи, насчитывается несколько сот. И значительное количество из них, наряду с земельными документами, содержит материалы, в той или иной степени связанные с родословием и службой.⁴ Обе эти группы источников имеют некоторые отличия и по происхождению и по содержанию. Среди собственно служебных документов преобладают матери-

алы официального происхождения (грамоты, наказы и т.д.), а также документы, хотя и исходящие от частных лиц (челобитные), но ограниченные определенными рамками официальных обращений (правда, иногда форма и содержание челобитных выходили за эти рамки). Родословные материалы в основном носили неофициальный – личный, семейный характер, не обусловленный каким-либо формуляром (различные росписи, памяти, записи и т.д.). С другой стороны, все эти материалы тесно связаны между собой. Родословная документация в качестве одной из главных своих задач преследовала зафиксировать служебную честь предков, и служебные документы являлись в этом случае источником для ее фиксации. В то же время сама служба требовала постоянного обращения к истории рода, учет всех представителей фамилии, а не только членов одной семьи.

Единство служебной и родословной документации подтверждается и существованием специальных разрядно-родословных сборников⁵. Следует сделать важное замечание, что эти сборники, представляющие собой рукописные книги, включавшие в себя в основном источники официального происхождения – разрядные и родословные книги, и отдельные списки этих источников по сути дела являлись составными частями дворянских архивов⁶. Только среди рукописей, учтенных в исследованиях В.И. Буганова и М.Е. Бычковой, находится свыше 80 книг, принадлежность которых тому или иному роду несомненна (владельческие записи, вставки в текст, списки документов)⁷. Отдельные служилые роды имели целые собрания разрядных и родословных книг. Так, сохранилось 6 разрядных⁸ и I родословная⁹ книги, принадлежащие Бутурлиным¹⁰; 2 разрядно-родословных сборника¹¹, 2 разрядных¹² и I родословная книги¹³ принадлежали Головиным и т.д.

В некоторых семьях разрядно-родословные сборники специально пополнялись целыми подборками важнейших служебно-родословных документов из родовых архивов, превращаясь в своеобразные копиянные книги. Таковы известные

сборники Болтиных¹⁴, Сабуровых¹⁵, Супоневых¹⁶ и др.¹⁷ В конце XVII в. одним из представителей рода Любовниковых был собран (из подлинников и списков) сборник мещерских и владимирских десятен XVI-XVII вв., где упоминались многие Любовниковы и в составлении которых участвовали представители рода в качестве окладчиков¹⁸. В связи с этим интересно отметить, что в архиве Любовниковых имелись оводные материалы о службе членов рода и в столбцовой форме — обширная выписка из десятен (но не только владимирских и мещерских) и других документов XVI-XVIII вв.¹⁹

Таким образом, разрядно-родословные сборники, являясь частями родовых дворянских архивов, одновременно служат источниками изучения их состава в XVII в.

Другой комплекс материалов, отражающий состав служебно-родословной документации в частных архивах XVII в., также хорошо известен. Это документы, представленные вместе с родословными росписями в Палату родословных дел Разрядного приказа после отмены местничества в 1682 г.²⁰ Данное мероприятие было важным этапом в организации частных архивов, вызвало активизацию внимания служилых родов к сохраняемым документам. Тексты самих росписей содержат много данных по истории архивов: сведения о их гибели (в основном в "Смутное время"), о наличии определенных комплексов документов на московских дворах, в "дальних деревнях", у родственников и т.д.²¹

Причем, заслуживает особого внимания тот факт, что свидетельства родовой чести потребовались не только для "родословных людей", служба предков которых и их "места" были хорошо известны и зафиксированы в разрядных и родословных книгах²², но и от массы рядового дворянства. Однако, и эти роды, почти никогда не участвовавшие в местнических спорах, издавна хранили в своих архивах комплексы документов, связанных со службой предков, зачастую весьма древних. Анализ их состава и содержания позволяет сделать публикация А.И.Шкова, которая, кажется, никогда не рассматривалась в этом аспекте²³.

К сожалению, в современной историографии эта публикация, при своём появлении вызвавшая острую полемику издателя с Н.П.Лихачевым, не была предметом комплексного изучения, несмотря на ее широкое использование. С.Б.Веселовский считал ее примером воспроизведения испорченных текстов (см.: Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1973, с.289). Хотя столь резкая оценка в целом противоречит строгим критериям свидетельствования подаваемых в Разряд грамот и актов, сохранившиеся списки требуют тщательного анализа.

Из 147 документов (№№ 5, 6, 68, 130 вызывают сомнения в своей подлинности)²⁴ XV – первой половины XVI века (до 1547 г.) – 41 являются кормленными грамотами наместникам и волостелям. Их можно отнести к служебной документации, правда, с некоторыми оговорками. 27 документов (в основном докладные грамоты 1492–1519 гг.) вышли из канцелярии великих князей Рязанских. Они подтверждают службу в этом княжестве представителей ряда родов: Вердеревских, Измайловых, Кобяковых, Сумбуловых. Однако, можно предположить, что данные акты сохранялись в конце XVII в. не в архивах названных родов, а были взяты ими из одного общего источника. Наиболее ранние служебные документы, выданные от имени московского великого князя, относятся к концу XV в. Это два наказа К.Свиньину о производстве суда по межевой тяжбе (№№ 36 и 37). Значительный интерес представляет невместная грамота 1509 г., данная М.Бестужеву, – один из наиболее ранних образцов подобной документации (№ 76)²⁵. Бедовы подали жалованную грамоту 1511 г. князя Кашинского Ярия Ивановича князю Давыду Даниловичу на ряд сел и деревень, которую мог оставить у себя Ф.А.Бедов, проводивший по указу удельного князя разъезд этих земель и получивший часть "присуда" (№ 36 – подлинность грамоты вызывает сомнения). Любопытен наказ памяти, данный казанским царевичем Петром П.Осокину – спросить о здоровье князя Углинского Дмитрия Ивановича и митрополита Московского Варлаама (№ 36 – между 1511–1521 гг.). Четыре служеб-

ных документа этого периода (№ 126 - 1528, № 131-1533, № 142-1543, № 148-1546) являются грамотами, непосредственно связанными с управлением наместников подведомственными городами. Другую половину документов до 1547г., представленных служилыми родами в Разряд для подтверждения древности и чести рода, составляли земельные акты.

Характер поданных документов более позднего времени заметно меняется. Из 104 документов 1547-1595 гг. 21 являются кормленными грамотами наместникам и волостелям и только 35-земельными актами. Остальные 48 опубликованных списков представляют служебную документацию. Здесь уже можно проследить основные тенденции, характерные для аналогичных источников, содержащихся в большинстве частных архивов XVII в. Воевода стремится сохранить у себя всю переписку с вышестоящими учреждениями, подтверждающую его службу. Так, 3 грамоты 1575 г. из Разряда сохранились от воеводства В.Н.Кобылина в Кореле (№№ 203, 207, 208). Ему же дана в 1578 г. (в качестве награды за прежнюю службу) кормленная грамота на город Ям (№ 213). 6 грамот и наказов 1586-1589 гг. отложилось у воеводы А.Ф.Зиновьева в период его пограничной службы на Донце (№№ 227, 237, 240-243).

Нет необходимости говорить о ценности этих сохранившихся в частных архивах источников, поскольку основная документация Разрядного приказа за этот период погибла в пожаре 1626 г.

Также большую редкость представляют документы, полученные мелкими служилыми людьми не из приказа, а непосредственно от полковых и городовых воевод. Например, наказы 1590 и 1591 гг. голове С.Ворыпаеву (№№ 248, 269).

Из 65 документов, опубликованных в сборнике А.И.Юкова, относящихся к Смутному времени (1600-февраль 1613 г.), лишь около половины являются земельными актами. Не совсем ясно происхождение 8 грамот и наказов 1607-1609гг. адресованных в Рязань. Возможно, они непосредственно относятся к архиву Прокофия Ляпунова. Вероятно, именно к

этому периоду относится появление такой разновидности служебной документации, как похвальные грамоты (№№ 280, 284).

В целом, однако, необходимо помнить, что материалы, включенные в сборник А.И.Юшкова — одну из наиболее известных публикаций документов частных архивов, отражают их состав далеко не полностью. Они фактически проходили "отбор для публикации" не ученым-археографом XIX в., а самими владельцами конца XVII в. и наглядно отражают их критерии ценности родовых документов. Изучение же самих дошедших до нас архивов показывает, что состав откладывавшихся у служилых людей документов, непосредственно связанных с историей рода и деятельностью его отдельных представителей, был намного разнообразнее, чем представленные грамоты.

Как уже отмечалось выше, служилый человек стремился оставить у себя официальные документы, свидетельствующие о факте своего назначения. Часто он ограничивался самой грамотой о посылке его городовым или полковым воеводой или наказом. Такие грамоты и наказания второй половины XVII в. (в основном первого типа, свидетельствами полковой службы продолжали оставаться разрядные книги) имеются в частных архивах в массовом количестве. Сами по себе они не являются уникальными источниками — их содержание и форма в большинстве случаев типовые, а отпуски многих из них сохраняются в фонде Разрядного приказа. Но их комплексное выявление и учет в составе частных архивов (практически менее трудоемкое, чем из столбцов приказной документации) способствовало бы значительному уточнению известного справочника А.П.Барсукова²⁶.

Некоторые наказания и грамоты, встречающиеся в частных архивах, вышли из центральных государственных учреждений XVII в., архивы которых не сохранились и после 1626 г. Таков наказ из приказа Казанского дворца, данный в 1640-х гг. воеводе г.Кокшайска по управлению обширной областью²⁷. Уникален наказ из Стрелецкого приказа 1677 г. В.П.Сумороц-

кому о детальном описании его прав и обязанностей как командира стрелецкого полка²⁸.

Кроме указов и грамот воеводы сохраняли у себя и другую документацию, важную в местническом (в широком понятии) отношении – в основном, различные росписи подчиненных служилых людей. Эти росписи и списки, известные по упоминаниям в разрядных книгах, далеко не всегда внеслись в их текст и зачастую не откладывались в центральных приказных архивах. Особенно редки такие материалы за XVI – начало XVII вв. Но, например, в архиве Михалковых сохранилась небольшая роспись последней четверти XVI в. детей боярских разных городов, назначенных на службу с воеводой А.Т.Михалковым²⁹. Примечательно, что в росписи указан поместный и денежный оклад служилых людей.

Считали воеводы естественной принадлежностью своего архива и свою переписку с равными по положению соседними воеводами, которая велась, как в виде памятей, так и в виде частных писем – грамоток. Вообще во второй половине XVII в. сложилась форма служебного письма, в целом схожего с типом древнерусских грамоток, но более лаконичная, содержащая меньше этикетных обращений и т.д.³⁰

Некоторые воеводы вообще не видели разницы между своим личным архивом и государственными документами, несмотря на предписания наказов о тщательном учете документации в росписных списках при сдаче должности своему преемнику (зачастую и сами росписные списки откладывались в личном архиве). Иногда это было связано с характером самой службы – отсутствием самого учреждения, как такового (избы) и т.д. Д.Т.Васильчиков, служивший воеводой в 1639–1640 гг. на Бобриковской засеке (в составе Белевской засечной черты), кроме наказа и грамот, привез домой (Васильчиковы – ярославские вотчинники) с засеки все прочие бумаги, подклеивавшиеся в один столбец: отпуски его памятей белевским детям боярским, посылаемым с различными поручениями, сказки об их выполнении, росписи даточных людей, присылаемых на строительство засеки, переписку по

этому поводу с соседними воеводами, грамотки от сына в знакомых из Москвы, черновики собственных писем³¹.

Каширский губной староста С.Е.Кашин сохранил отпуски 18 своих отписок 1660-1670-х годов, адресованных, как в различные приказы, так и в Каширскую съезжую избу³². Откладывалась деловая документация и в архивах самих приказных людей, особенно провинциальных (правда, архивы этой категории служилых людей довольно редки). Официальные документы имеются в архиве семьи Тарутинных - потомственных подъячих Шенкурского острога (Важской приказной избы)³³.

Но, порой, в архивы служилых людей попадали и документы, не имеющие к ним прямого отношения. Самарский воевода 1680-х годов. А.Н.Квашнин-Самарин вывез не только всю свою обширную официальную и личную переписку (обращенные к нему челобитные и целые дела), но и грамоты к прежним самарским воеводам от царей Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, Лжедмитрия II³⁴.

Относились к официальной документации как к своей личной и бояре. При конфискации имущества князя В.В.Голицына в 1689 г. в его московском доме обнаружили несколько коробей и ящиков "полковых дел" 1675-1689 гг.: столбцов, книг, тетрадей, списков служилых людей и т.д.³⁵.

Кроме документов, связанных с военной и административной деятельностью, в дворянских архивах имеются материалы, связанные с другими службами. Например, посольской, - также, главным образом, наказ и грамоты, но иногда и целые статейные списки³⁶. Статейный список (возможно, черновик) посольства окольного Ф.М.Ртищева 1655 г. к гетману Гонсевскому есть в родовом архиве Ртищевых (в фонде Н.Н.Кашкина в Архиве ЛОИИ).

В некоторых случаях в связи с характером служб и невысоким подчиненным положением служилых людей они не могли свободно распоряжаться официальной документацией. но и в этом случае, стремясь сохранить свидетельства

служб, делали списки документов. Бежецкий дворянин Г.А.Мельницкий, в 1682-1686 гг. проводивший с подъячим С.Ф.Паншиным описание и межевание земель Новгородского уезда, хранил в своем архиве списки с 18 грамот из Поместного приказа, обращенных к нему и к новгородскому воеводе кн.М.Я.Черкасскому по различным вопросам описания³⁷.

Мы лишь кратко коснулись основных разновидностей документов, откладывавшихся в частных архивах непосредственно в ходе служб. Другая группа материалов, связанных со служебной деятельностью и отложившихся в массе частных архивов, отличается от рассмотренной официальной документации своим происхождением. Это составленные от имени служилых людей сказки о службе и челобитные о назначениях, перемещениях, наградах (увеличении поместного и денежных окладов) и т.д. В частных архивах эти материалы представлены в виде черновиков и отпусков, иногда в нескольких вариантах, что требует их тщательного (и зачастую сравнительно-текстологического) анализа.

Сказки-довольно разнообразный вид документации, не имевший твердо установленного формуляра³⁸. Сказки о службе подавались в первой половине XVII в. в Разряд (есть в фонде Разрядного приказа в столбцах Московского и других столов). Во второй половине XVII в. сказки часто требовались при разборе служилых людей на местах. Широко известны представленные в 1699-1700 на Генеральном дворе в селе Преображенском сказки дворян о службе и числе дворов.

В основном показания сказок весьма лаконичны: указано начало служб - верстанье, прибавки окладов в связи о конкретными службами (походами). В сказках, записываемых в ходе смотра или похода, отмечалось наличие вооружения.

Основной круг сведений, зафиксированный в сказках, фигурирует и в челобитных, содержание которых, естественно, более разнообразно. Зачастую просящий ссылался на служб предков, на свои особые заслуги, раны и т.п.

Иногда текст челобитной о личной службе превращался в развернутое повествование. Не случайно челобитная В.А. Давудова 1690 г., в которой красочно описываются его посольства, турецкий плен и т.д., была перепечатана П.И. Бартевным как образец автобиографического жанра XVII столетия³⁹.

Характерной особенностью черновых материалов, отбывавшихся в личных архивах, в отличие от окончательных вариантов документов, подаваемых в государственные учреждения, является их неординарность, развернутость изложения. Зачастую даже трудно точно определить разновидность документа по имеющемуся проекту. Ценным и примечательным источником является запись новгородского помещика Г.К. Кулибакина (Колубакина) (см. приложение I)⁴⁰. Начало записи обличает ее с обычной сказкой - указан первый оклад служилого человека и придачи (в том числе за участие в подавлении восстания И.И. Болотникова). Но дальнейший текст - описание похода кн. М. Скопина-Шуйского весной-летом 1609 г. из Новгорода к Москве - явно перерастает обычный объем подобных документов и является фактически краткой записью воспоминаний служилого человека - непосредственного участника события - содержащих уникальные сведения (об атамане Хрестофорке)⁴¹.

Особого внимания и специального изучения требуют имеющиеся в частных архивах "послужные списки" (термин существовал уже в XVII в.). Под этой разновидностью документации понимается самостоятельная роспись всех служб отдельного служилого человека. Послужные списки дворян XVII в. составлялись как в правительственных учреждениях (в Разряде, в походных канцеляриях воевод), так и самими служилыми людьми и имели весьма различную форму. Встречающиеся в составе частных архивов послужные списки официального происхождения, как правило, содержат перечни служб, в связи с которыми изменялся поместный и денежный оклад. Так, послужной список боярина и оружничего Б.М. Хитрово 1676 г., составленный, очевидно, в связи с его по-

вым возвышением при вступлении на престол царя Федора Алексеевича, содержит лишь перечень его основных придворных и военных назначений и новых окладов о момента получения чина околничего в 1647 г. и составлен на основании боярских книг.⁴²

Послужные списки личного происхождения имели несколько иной характер периодически пополнявшихся записей, отражающих все походы, смотры и посылки. Время от времени эти записи обрабатывались и превращались в весьма выразительные документы. Такой "парадный" характер (написан крупным почерком в подражание полууставу) носит послужной список тверского помещика Д.И. Еремеева (приложение IV). И по форме изложения он скорее напоминает краткий летописец.⁴³ Но его содержание целиком подчинено практическому назначению — об этом говорят заголовки с номерами служб. Схожий по типу послужной список был составлен В.А. Даудовым.⁴⁴ В нем довольно подробно освещены его посольские посылки (также под заголовками с номерами), а воеводства бегло упомянуты в конце. Свообразным послужным списком является сочинение известного писателя первой половины XVII в. князя С.И. Шаховского, фигурирующее в литературе под названием "Домашних записок". Характерно, что этот послужной список представителя высшей знати был составлен в основном на основании выписок из разрядных книг.⁴⁵

Кроме послужных списков, сказок и челобитных, связанных с хлопотами служилых людей о повышении в чине, получении выгодного воеводства, новышении оклада, в частных архивах отложились в списках материалы официального делопроизводства по этим вопросам: грамоты к местным воеводам и их отписки, памяти различных приказов, докладные выписи и т.д.

Определенные комплексы документов образовывались в связи с отставкой служилого человека по старости и болезням: челобитные, грамоты об отпуске из полков и т.д. От конца XVII в. в частных архивах сохранились любопытные свидетельства (справки) о состоянии здоровья служилых

людей и их годности к несению службы, выданные врачами Аптекарского приказа.⁴⁶

Кроме документов, откладывавшихся непосредственно в ходе и в интересах службы, в дворянских архивах собирались материалы, касающиеся истории рода в целом и заслуг его отдельных представителей. Это собственно родословные росписи и широкий круг специальных источников, связанных с их составлением, — различные выписи, записи, памяти. Несомненно, что поколенные росписи велись каждым отдельным родом давно. Иначе немислимо составление законченных редакций сводных родословных книг уже к середине XVI в. Известны две местнические памяти московских бояр, относящиеся еще к середине XV в.⁴⁷, родословная память князей Глинских первой половины XVI в.⁴⁸ и др. Однако вне состава разрядно-родословных сборников, а в виде отдельных документов подобные источники до XVII в. в частных архивах довольно редки. Известно, что еще задолго до указа 1682 г. в Разрядный приказ подавались родословные росписи в связи с генеалогическими спорами отдельных дворянских фамилий, в том числе и не внесенных в официальные родословные книги.⁴⁹ Образцом оригинальной родословной росписи может служить поколенная таблица рода Михалковых середины XVII в. (приложение III). В ней имеются отсутствующие в родословных книгах сведения о смерти ряда представителей рода в походах Ивана IV и в Смутное время. Дополняет сведения родословной росписи другой документ из архива Михалковых: "Память родительская, как которого не стало и в которое время помянуть его", составленная приблизительно в то же время, что и роспись, но не связанная с ней текстуально.⁵⁰ В ней упомянуто только потомство И.Д. Михалкова (Ивана-Ивашки в росписи), причем указано, что он убит под Пайдою. Уточняется время гибели Василия Большого "убиен от казаков лета 7121/1613/(декабря в 17 день" (тем самым, возможно, уточняется дата начала казацкого восстания 1614-1615 гг.).⁵¹ Более пространым источником является "помянание" И.С. Голенищева-Кутузова конца XVII в.⁵¹

Кроме его непосредственных предков в рукопись внесены другие ветви рода Кутузовых и связанных с ними фамилий. Особая ценность подобных родовых и семейных помятников заключается во внесении в них женских имен.⁵³

Уже в первой половине XVII в. в дворянских архивах откладывались целые подборки выписей и записей о "честных службах" и "местах" отдельных наиболее выдающихся представителей рода. Характерны две записи 1620-х гг. о службах Г.Б.Васильчикова (приложение II).⁵⁴ Трудно сказать с определенностью, на основе каких источников (частных или официальных) они составлены, но обе содержат уникальные сведения.⁵⁵

Но, конечно, наибольшее количество материалов по истории служилых родов отложилось в их архивах в связи с составлением поколенных росписей в 1680-е гг. Вопрос об общем числе поданных в Разряд и сохранившихся росписей, их источниках и достоверности - тема специального исследования, и привлечение для решения поставленных вопросов документов из частных архивов совершенно необходимо. Во-первых, в составе частных архивов до нас дошло значительное количество росписей, не сохранившихся в государственных архивах ни в подлинниках (остатки делопроизводства Палаты родословных дел в фонде Разрядного приказа), ни в копиях (в фонде Департамента герольдии). Во-вторых, по материалам частных архивов можно наглядно проследить весь процесс формирования росписи и, что представляет особый интерес, процесс составления легенды о происхождении рода. Наряду с окончательными вариантами поданных росписей, частные архивы содержат их черновики (иногда в нескольких редакциях), выписки из родословных книг, оригинальные тексты легенд с редакторской правкой с целью ее сокращения или расширения и т.д.

Например, очень тщательно подготавливали родословную роспись Ртищевы - записывали семейные предания, вели переписку с родственниками, использовали данные синодальных, собирали выписки из приказов о службе членов рода.⁵⁶

Если при составлении росписи возникал спор между представителями одной фамилии, то количество подготовительных материалов увеличивалось во много раз. Так произошло с делом Квашниных-Самариных, оспаривавших подачу смоленской ветвью рода родословной росписи, возводящей их к одному предку.⁵⁷ В архиве А.Н.Квашнина-Самарина отложилось 23 черновика челобитных, поданных в связи о делом в Разряд в 1687-1688 гг., 20 черновиков и списков различных вариантов родословных росписей, списки Грамот о службе Квашниных с XVI в., огромное количество выписок из различных официальных источников, записок для памяти о необходимости сделать эти выписки и с указанием на источники и, наконец, "обличительные" материалы на оппониров-однофамильцев, главным из которых являлась выписка из крестоприводной книги Смоленска 1598 г., где те были записаны не Самаринными, а Самарьинными.⁵⁸

Родословные росписи 1680-х гг. как бы подвели итог всей разрядно-родословной практике русского средневековья. В них отразился различный уровень теоретических и эмпирических знаний истории (отраженной в истории рода) и генеалогии различных слоев русского дворянства XVII в. В росписях были использованы самые различные источники - от западноевропейских печатных исторических сочинений (в некоторых легендах действительно внесших родов) и русских летописей, до так называемой "поганой книги" Дмитрия Китаева (списков новгородских помещиков конца XV в., многие из которых происходили из холопов московского боярства).⁵⁹ Однако, основными источниками росписей были материалы родовых архивов; полнота сведени росписей зависела от их состояния, о чем сообщают составители росписей. Некоторые родословные росписи не содержат почти никакой информации о лицах в нее включенных. Большинство составителей упоминало лишь наиболее "честные" назначения своих предков. Но ряд росписей отмечает все этапы службы наиболее видных представителей рода или даже группы родичей (в основном ближайших поколений XVII в.),

превращаясь таким образом в своеобразные послужные списки. ⁶⁰

Таким образом приведенные примеры многообразия служебной и родословной документации, откладывавшейся в частных архивах XIII в., позволяют сделать вывод о необходимости обязательного к ним обращения при исследовании многих проблем социально-политической истории России периода феодализма и при источниковедческом изучении близких к ним материалов государственных архивов. Во многих случаях частные архивы содержат уникальные источники, что связано как с гибелью приказной документации за данный период, так и с самим характером материалов личного происхождения, фиксирующих сведения, не отражавшиеся в государственном делопроизводстве.

Важным представляется комплексное изучение ценнейших источников по истории русского средневековья - разрядных и родословных книг, как составных частей дворянских архивов.

Мы не коснулись других известных источников официального происхождения: Тысячной книги 1550 г., Дворовой тетради 1550-х гг., боярских списков, десятен, которые, наряду с включением их в частные сборники, (откуда они и брались исследователями, как не сохранившиеся в подлинниках XVII в.), бытуют в составе родовых архивов в виде отдельных тетрадных или столбцовых списков.

Не разрешена до конца проблема фальсификации государственных грамот ⁶¹, составления вымышленных разрядов, статейных списков, родословных легенд. Эти памятники также можно плодотворно исследовать в составе содержащих их частных архивов.

Особый интерес вызывают документальные материалы с личными памятными записями служилых людей о своих походах, назначениях, посылках, и т.д. Здесь можно провести ряд параллелей с изучением нарративных источников, в частности, летописей. Считается, что особых фамильных летописцев, замыкавшихся в истории одного рода, в России не существо-

вало, хотя известны памятники, не только непосредственно связанные с определенными родами, но и прямо прославляющие их отдельных представителей ("Взятие полоцкое литовской земли" - заслуги И.Д.Черемисинова, летописец Норманского, Безняинский летописец и др.). Классическим примером использования документов частного архива в летописании является Стругановская летопись.

Самостоятельной темой является исследование служебной документации в частных архивах других сословий феодальной России - торговых людей (служба таможенными головами, целовальниками, окладчиками и т.д.), а также крестьянства чернососного (мирские выборные службы). Понятие родовой чести существовало не только у представителей дворянства - известно местническое дело гостей и дьяков 1659г.⁶² Наиболее крупные роды торговых людей, очевидно, имели свои родословия.⁶³

Каждое из этих направлений исследования может стать отдельной работой.

Примечания:

1. В специальной работе, посвященной обзору источников по военной истории России, в части, касающейся периода феодализма, частные архивы даже не упоминаются (см. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России, М., 1957).
2. См.: Шмидт С.О. Становление российского самодержавства, М., 1973, с.263-307 (Очерк "Местничество и абсолютизм (постановка вопроса)").
3. Наиболее подробной работой, освещающей эти материалы, остается книга А.И.Маркевича "О местничестве, Часть I. Русская историография в отношении к местничеству". (Киев, 1879).
4. Точный подсчет числа личных и семейных архивов, находящихся только в центральных хранилищах, чрезвычайно затруднен из-за самой специфики организации данных фондов. Многие из них уже в XVII в. превращались в родовые и включали в свой состав архивы различных фамилий, передающихся в связи с браками, приобретением вотчин и т.д. Такие перемещения и концентрация архивов наблюдались и в последующее время в XVIII-XIX вв. Одновременно шел процесс их распыления - части единых фондов, потерявших своих владельцев, попадали в руки коллекционеров и смешивались в их собраниях с материалами других фондов. Зачастую все документы систематизи-

ровались в хронологическом или ином порядке (по видам актов и т.д.), что окончательно разрушало реально существовавшие сложные комплексы.

5. Основная масса этих сборников выявлена и описана в исследованиях В.И. Буганова "Разрядные книги последней четверти XV-начала XVI вв." (М., 1962) и М.Е. Бичковой "Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник" М., 1975. Кроме сборников, основу которых составляли разрядные и родословные книги, существовали их различные разновидности: сборники, включающие Тысячную книгу 1550 г. и другие списки служилых людей (см.: Зимин А.А. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л., 1950, с.20-47); местные справочники, как общие для целого ряда родов (см.: Татищев И.В. Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910), так и специальные - известный справочник, составленный кн. В.Г. Ромодановским (см.: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с.96-97; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук, т.3, ч.1.М.-Л., 1959, с.547-549).
6. Это отмечается и новейшими исследователями (см.: Буганов В.И. Указ. соч., с.28) и соответствует понятиям их составителей и владельцев. Так, в 1676 г. при разборе дел Тайного приказа кн. И.А. Воротынского возвратили находившиеся там "книги родословные и разрядные и всякие письма рода Воротыньских" (РИБ, т.21.СБ, СПб., 1907, стб. 287), т.е. книги хранились вместе с архивом ("письмами") как неразрывное целое. Вопрос об официальном или частном происхождении отдельных редакций этих памятников (в первую очередь, разрядных книг) остается дискуссионным (см.: Альпиз Д.Н. Об официальном характере "Книги розрядной великих князей государей московских..." - АЕ за 1978 год. М., 1979, с.62-68).

Тщательное изучение характера всех фамильных вставок в плане возможности получения данной дополнительной информации именно из частного архива может способствовать разрешению проблемы.

7. Практически для большинства разрядных и родословных книг и сборников можно определить их заказчика (эта задача не была основной в названных исследованиях). Это требует весьма тщательного изучения их состава и содержания, в особенности часто встречающихся подборок из разрядов за разные годы, которые только с первого взгляда кажутся бессистемными, а также состава "приписных" росписей в родословных книгах. Однако, необходимо учитывать, что иногда сборники, составленные для представителей одного рода, копировались для другой фамилии (как правило, родственной). Кроме того, в состав многих сборников включались списки документов (в основном местных дел, челобитных и т.д.), скопированные, очевидно, из государственных архивов как прецеденты, важные для широкого круга служилого дворянства.

8. См.: Буганов В.И. Указ.соч., с.33-34,40-42,44,54,130. Четыре книги имеют владельческие записи окольного Ф.В.Бутурлина и его потомков.
9. ЦГАДА, ф.188, оп.1, ед.хр.40. Рукопись, также принадлежавшая Ф.В.Бутурлину, не была известна М.Е.Бычковой.
10. Интересно отметить, что с Бутурлиными связано наибольшее количество местных дел XVII-XVIII вв. (См.:Марквич А. Указ. соч., с.256).
11. См.: Буганов В.И. Указ.соч., с.50,86; Зимин А.А.Указ. соч., с.37.
12. См.: Буганов В.И. Указ.соч., с.49-50, 81-82.
13. См.: Бычкова М.Е. Указ.соч., с.48.
14. См.: Буганов В.И. Указ.соч., с.32-33, 60-61.
15. Там же, с.74.
16. См.: Зимин А.А. Указ.соч., с.33-35; Бычкова М.Е. Указ.соч., с.72.
17. При изучении фамильных копийных сборников также приходится учитывать то, что частные подборки документов кочевали из одной рукописи в другую. Так, в обоих сборниках Болтинских помещены списки челобитных Левашевых 1647-1648 гг. о казнях и опалах предков при Иване Грозном (одна из них опубликована В.И.Кореткин. - Материалы по истории земского собора 1575 г. и о постановлении Симеона Бекбулатовича "ведимим князем всея Руси", - АЕ за 1969 год. М.,1971, с.304). А в сборнике, составленном для Левашевых в первой трети XVIII в. (см.: Буганов В.И. Указ.соч., с.64. Датировку сборника уточняет М.Е.Бычкова (Указ.соч., с.119), помещены 3 грамоты Разрядного приказа, адресованных в июле-августе 1610 г. назначенным к Воронцовским воротам в Москве воеводе кн. И.Д.Болховскому, голове С.Есипову и дьяку П.Матюшкину, и несомненно восходящих к архиву одного из этих лиц (грамоты опубликованы Н.П.Лихачевым (Указ.соч.с. 541-545)).
18. См.: Отчет Румянцевского и Публичного музеев за 1899г. М.,1900, с.24-26.
19. См.: Лихачев Н.П. Лубовниковы. Известия Русского генеалогического общества, в.3. Спб., 1903.
20. Итоги изучения этой темы и вопросы дальнейшего исследования отмечены в работе М.Е.Бычковой (Бычкова М.Е. Из истории создания родословных росписей конца XVIII в. и Бархатной книги. - Вспомогательные исторические дисциплины, т.ХП.Л.,1981, с.90-109).
21. Подробнее см.: Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Первое полугодие. М., 1908, с.18, 27-28.
22. Надо отметить, что родословные росписи наиболее знатных княжеских и боярских фамилий, как правило, не содержат приложенных списков официальных документов. Обычно при местных спорах они оперировали памятными - выписками из разрядов и родословий, сложившимися в особый вид документации с определенным формуляром. Но "родословные люди" располагали и грамотами, фигурировавшими в местных делах. Например, в деле

- 1627 г. В.И.Пушкина с А.Ф.Плещеевым наряду с несколькими десятками памятей разбирается 15 грамот 1517-1616 гг. (см.: Маркевич А.И. Указ. соч., с.303).
23. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Состав и издал А.Юшков. Ч.1. 1257-1613 гг. М., 1898. В публикацию вошли 314 документов до февраля 1613 г. Они составляют основную массу сохранившихся списков, находящихся среди подлинных росписей и их копий XVII в. Неопубликованных актов после 1613 г. остается в целом гораздо меньше. В основном это вотчинные жалованные грамоты первых лет царствования Михаила Романова. Иногда при учете представленных позднейших документов уже в Палате родословных дел допускалась известная унификация: Если большинство грамот и актов XVI-начала XVII в., поданных Безобразовыми, имеются в полных списках, то 10 документов 1584-1636 гг. (в основном воеводских наказов, в том числе известному столынику А.И.Безобразову, в сохранившейся части архива которого их нет) даны в виде кратких записей - заголовков (ЦГАДА, ф.236, оп.1, кн.241, л.40об.-41). Такие материалы на публиковались.
 24. В скобках номера документов в публикации А.И.Юшкова.
 25. Н.П.Лихачев осторожно заметил, что подлинность грамоты "требует доказательств" (Лихачев Н.П. Указ. соч., с.94-95). А.А.Зимин считал акт подделкой (Зимин А.А. К изучению фальсификации актового материала в Русском государстве XVI-XVII вв. - Труды МГИАИ, т.17. М., 1963, с.403-409).
 26. Барсуков А.П. Списки городовых воевод Московского государства XVII в. М., 1902.
 27. Наказная грамота Приказа Казанского двора воеводе Афанасию Петровичу по управлению городом Кокшайском, Кокшайским уездом, чувашскими и марийскими волостями. Издание Музея Д.Г.Бурлыгина. Иваново-Вознесенск, 1913.
 28. ЦГАДА, ф.1467, оп.1, ед.хр. 72.
 29. Из архива Михалковых. Публикация гр. С.Д.Шереметева. - Старина и новизна, кн.17. Спб., 1914, с.22-23.
 30. Образцы служебных писем встречаются как в приказных столбцах (см., например Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т.3. Спб., 1888, с.102, 114, 179-186, 235 и др.), так и в частных архивах. Значительное количество ценнейших сведений по военной и политической истории России XVII века содержит и дружеская переписка служилых людей. Это тема особого исследования.
 31. ЦГАДА, ф.1260, оп.1, ед.хр.37.
 32. ГБЛ, ф.218, ед.хр.667.
 33. Архив ЛОИИ, к.27, ед.хр.122, 152, 166.
 34. ОПИ ГИМ, ф.253, оп.1, ед.хр.1-3.
 35. Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т.4. Спб., 1893, с.93-94.
 36. Вероятно, так же, как и разрядная документация, материалы о посольствах могли включаться в сборники из

- состава личных архивов. Например, список наказа А.Зювину, отправленному в Англию в 1613 г., находится в сборнике с Тысячной книгой 1550г. (см.: Зимин А.А. Указ. соч., с.21).
37. Архив ЛОИИ, к.238. I 48, ед.хр. 43/6, 43/9, 43/12, 43/22, 44/1, 166/8, 166/10.
 38. Сказкам служилых людей посвящены специальные работы: Козинцева Р.И. Астраханские стрельцы в последней четверти XVII в. (опыт изучения сказок астраханцев). - В кн.: Вопросы военной истории России XVIII - первой половины XIX вв.; Водарский Я.Н. Служилое дворянство в России в конце XVII - начале XVIII вв. - Там же; Рабинович М.Д. Офицерские сказки и послужные списки начала XVIII в. - В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979.
 39. Автобиография стольника В.А.Даудова XVII в. - "Русский архив", 1889, т.II, с.5.
 40. Очевидно запись сделана Г.К.Кулибакиным собственноручно. На это может указать то, что на обороте записи была тем же почерком, но явно по прошествии определенного времени, в 1622/1623 г. сделана другая черновая запись проект частного акта (мытной записи).
 41. Именно такие записи воспоминаний могли использоваться при составлении местных летописцев, например, Бельского, непосредственно относящегося к региону и событиям, описанным в записи Г.К.Кулибакина (Ср. Корельский В.И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И.Болотникова. - "Вопросы истории", 1971, с.130-139).
 42. Послужной список Б.М.Хитрово, написанный приказной скорописью на одном листе, был вложен в принадлежащую ему (владельческая запись 1662 г.) разрядную книгу (ОПИ ГИМ, ф.430, оп.1, ед.хр.124, л.960). Этот огромный фолиант (1002 л., конец утрачен) содержит разрядные записи 1613-1632 гг. На полях рукописи многочисленные пометы и записи, в том числе и самого боярина, о наличии у него "грамот" (местнических?). В книгу были вложены и другие документы - на бумаге отпечатались следы их текстов. Существует также местнический справочник, принадлежащий Б.М.Хитрово (БАН, Г7.6.10). Он был составлен в 1676 г. (в том же, что и послужной список!) по указанию его родственника окольного человека А.С.Хитрово, и, хотя в целом носит общий характер, имеет некоторые дополнения, связанные с историей данного рода.
 43. По сути дела послужным списком являются записи, опубликованные М.Н.Тихомировым (Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII в. - В кн.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979, с.272-273). Скорее это пишет даже не подьячий, а мелкий служилый человек (в тексте специально отмечены "бои", а не походы), возможно, стрелец. То, что он был пожалован в площадные подьячие Ивановской площади, только подтверждает это предположение. После восстания 1632 г. институт площадных подьячих в Москве стал монополией стрелецкого войска.

44. Селифонтов Н.Н. Указ.соч., с.108. В публикации послужной список ошибочно называется сказкой.
45. Домашние записки князя Семена Шаховского - "Московский вестник" М., 1830, ч.5, с.67.
46. См.например в экспозиции ГИМ (ОПИ ГИМ, ф.440, ед.хр. 33, л.46).
47. См.Буганов В.И. Указ.соч., с.108.
48. См.Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания - Записки Отдела рукописей ГБЛ, № 38, М., 1977, с.104-125.
49. Маркевич А.И. Указ.соч., с 389-390.
50. Из архива Михалковых. - Старина и Новизна, № 17, Спб., 1914, с.15-16.
51. Эти сведения поколенной таблицы и памяти не вошли в родословную роспись Михалковых, поданную в Разряд в 1680-е гг. (опубликована там же, с.16-18). Она составлена на основе выписки из родословной книги и отмечает лишь "отличие" постельничего и наместника московской трети К.И.Михалкова.
52. См.М.Н.Тихомиров. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, с.36.
53. Важность подобных генеалогических источников отмечал еще А.П.Барсуков (Барсуков А.П. Обзор источников и литературы русского родословия. Спб., 1887, с.14).
54. Записи написаны одним почерком и датируются по реалиям во второй из них (правда, не совсем ясно, к чему относится указание "лета 7136-го (1627/1628) году"). Они составлены намного позднее времени деятельности Г.Б. Васильчикова, скончавшегося около 1599г. Последний земельный акт в родовом архиве на его имя относится к апрелю 1598 г. (ЦГАДА, ф.1260, оп.1, ед.хр.8). А в апреле 1599 г. ввозные грамоты на отцовские поместья получил его сын Л.Г.Васильчиков.
55. От посольства Г.Б.Васильчикова 1592 г. в Кольский острог для переговоров с датскими представителями о размежевании земель в архиве Посольского приказа не сохранилось почти никаких материалов. О нем известно из двух русских грамот, хранящихся в Копенгагенском архиве, списки которых были сделаны для графа Н.П.Румянцева в 1820 г. (см.Карамзин Н.М. История государства Российского. Спб., 1824, с.199 и прим.333). Весьма примечательна вторая запись, где для каких-то дел были отмечены все преемники Г.Б.Васильчикова в должности судьи Земского приказа.
56. См.Кашкин Н.Н. Родословные разведки, т.1, Спб.1912, с.12, с.149.
57. ОПИ ГИМ, ф.253, ед.хр.4-6.

58. Смоленская крестоприводная книга 1598 г. – самый ранний из известных источников этого типа – была только недавно обнаружена в фонде Разрядного приказа и опубликована С.П.Мордовиной и А.Л.Станиславским (Источники по истории русского языка. М., 1976, с.131–166). Однако, в опубликованном памятнике, включающем перепись населения стрелецких слобод и посада, Самарьины не упоминаются. Это указывает на существование другой части книги, где были записаны более знатные жители Смоленска.
59. Кроме списков этого памятника, включенных в разрядно-родословные сборники, отдельные столбцы и тетради с его текстом имеются во многих частных архивах.
60. Это может вести в заблуждение даже опытных археографов. Как послужной список был characterized черновик родословной росписи Мельничских составителями "Путеводителя по Архиву Ленинградского отделения Института истории" (М., Л., 1958, с.212). Между тем среди подготовительных материалов к росписям такие родовые послужные списки встречаются. Например, роспись служб Яковлевых с 1583 по 1618 г. (см.: Кашкин Н.Н. Указ. соч., т. I, с.31–33).
61. См. Зимин А.А. К изучению фальсификации актового материала в Русском государстве XVI–XVII вв. – Труды МГИИИ, т. 17, М., 1963.
62. См. Маркевич А.И. Указ. соч., с.222–227.
63. Например, синодик и "родительский летописец" Строгановых (Чтения ОИДР, 1884, кн. I).

Приложение I.

Ранее 1622/1623 г. Записи о службе Г.К.Кулибакина.

Гаврило Кирилов сын Кулибакин верстанья князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского да Игнатия Петровича Татищева в новикех – верстан на полтретья четвертей, а денег з городом пять рублей. Да после того верстал князь Михайло Петрович Катывев на пятьсот четвертей, а денег з городом десят рублей. Да за колускою и за тульскою службы за все придача пятьдесят четвертей поместной да вновь в четверть пять рублей.

А как был в Новгороде боярин князь Михайло Васильевич Шуйской, и я, Гаврило, был з головою с Яковым с Ушаковым и до походу на многих боех бивался явственно. И от боярина з

головой с Яковом был послан с Семеном Васильевичем Головиным в Старую Русу. И в Старой Русе государю служил и бился явственно, и литовских людей в Русе побили. И из Руси послан был голова Яков Ушаков с Федором с Чюлковым. И Карназитского дошли с литовскими людьми на Торопецком рубеже, и того литовских побили, а я взял литвина. И оттуду Федору Чюлкову з головами велено итти в Торопец, и в Торопец з головами Федор Чюлков пришел. И из Торопца ходил з головами на Луцкой рубеж противо Христофорка, и на Луцком рубеже у Троицы на Хлавицах Христофорка побили. И оттуду пришли Федор Чюлков с головами к боярину ко князю Михаилу Васильевичю в Торжек. И ис Торжку шли с боярином подо Тверь, и подо Тверью государю служил. И изо Твери з боярином пришли в Колязин монастырь. И под Колязин приходил Микулинской, туто государю служил на бою. И после того, как приходил Сопега под Колязин, и литовских людей под Колязиным побили. ¹А я ¹ в полку был з ²боярином ² со князем с Иваном Андреевичем Хованским да со князем Яковом Петровичем Болятинским ³, з головою с Яковом Ушаковым, и в те поря государю служил - убил литвина. Да п... ⁴

Архив ЛОИИ, к. 238. I. 43, ед. хр. 218/I

1-1 Написано по зачеркнутому.

2-2 Написано под строкой.

3 Так в тексте.

4 Текст недописан.

Приложение II.

1620-е гг. Записи о службе Г.Б.Васильчикова

I

Ходил в Датцкую землю послом Григорей Борисович Васильчиков. А дьяк с ним был Иван Максимов. А дворяны из Ярославля с ним ходили Гаврило да Григорей Потапьевы дети Викентьева, да Богдан Яковлев сын Мотовилов, да Иван Волошенинов, да Офонасей Балакшин.

ЦГАДА, ф.1260, ед.хр.562, л.2

II

При царе Федоре Ивановиче на Земском дворе сидел Григорей Борисович Васильчиков; дьяки с ним - Василий Щелешин да Иван Максимов. А после Григорья сидел князь Меркулей Щербатой; а дьяк с ним - Посник Шипов. А после Меркулея сидел князь Андрей Васильевич Елецкой; Дьяки теж были. А после князя Андрея сидел Степан Кузьмин да Иван Милкоков. А после Степана сидел Иван Михайлов сын Пушкин. А после Ивана сидел Иван Михайлов сын Ласкирев. А после Ивана сидел Василий Колевинской. А после Василия сидели Тимофей Савин да Иван Зубатов. А после Тимофея¹ сидел Иван Наумов да Офонасей Зиновьев. А после Ивана Наумова - князь Юрья Шаховской. А после князя Юрьи - Степан Матфеев сын Проестев, а товарищи ему - Иван Степанов сын Урусов Кривой. А после ево Степану товарищ - Иван сын² Урусов. Лета 7136-го году.

ЦГАДА, ф.1260, ед.хр.13, л.1

Приложение III.

XVII в. середина. Родословная роспись
Михалковых

Дмитрий Федорович,
да Левонтей Федорович,
да Тимофей Федорович
Михалковы

А у Дмитрея Федоровича детей:
Большой сын Иван, прозвище Шелак,
да Александр бездетен - ^Iубит
на Солдоге на государеве службе^I,
да Михайло бездетен - убит на
государеве службе под Казанью,
да Иван, прозвище Ивашка.

У Ивана Шелпака сын Ортемон,
прозвище Алтай. У Олтая детей:
Богдан, да Федор, да Иван
И Федор убит в Цареве Займище на
государеве службе. ⊗
²етман Желтовской²

А Иван убит у Живоначальной Троицы
в Сергиеве монастыре, как стоял
под Москвою Сопеженок.

У Ивана Ивашки детей:
Федор да Яков.
У Федора детей: Большой сын Василей,
да Федор, да Василий Меньшой.
Большой Василей холост был
неженат, убили его казачки.
Федор женат был, детей у него не
было

³А у Меньшова Василия
дети: Дмитрий да
Исай.
У Дмитрея детей -
сын Прскофей.
А у Исаи детей -
сын Александр³.

Лео^нтей Федорович бездетен.
У Тимофея Федоровича д^етей:
Андрей, Полуехт бездетен.
У Андрея сын Иван.
У Ивана сын Константин.

ГПБ, ф.546, ед.хр.1, л.1

-
- 1-1 Вписано между строк.
2-2 Написано по левому полю, перпендикулярно тексту.
3-3 Запись 1680-х гг. Ср. почерк черновика родословной росписи, гозовившейся для подачи в Разряд (ГПБ, ф.546, ед.хр.2).

Приложение IУ

1666-1695 гг. Послужной список Д.И.Еремеева

л. I I служба Севская¹.

Лета 7174 году [по] указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца послан в Севевск с полком боярин и воевода князь Григорий Семенович Куракин с товарищи.

Служба Ногайская.

Лета 7179 году по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца послан с полком боярин и² воевода князь Юрья Алексеевич Долгорукой с товарищи²//

л. 2 3-я служба Рыльская.

Лета 7184 году июня 13 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца пошли мы из двора полк к стольнику и к воеводе к Михаилу Львовичу Плещееву. И пришли в Рылеск и записались июля в 23 день.³//

л. 3 Служба Белгородикая 4.

Лета 7185 году июля 10 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца пошли мы из двора на службу в полк к боярину к воеводе князь Петру Ивановичу Хованскому. И пришли мы в полк в Мьченеск и записалиса июля в 29 день. А в поход пошел боярин и воевода Петр Иванович Хованской в Белгород июля 31 день.

Служба Чигиринская 5.

Лета 7186 году апреля в 28 день по указу ве[ли]кого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа

1 Заголовок повторен на обороте листа

2-2 Повторено в начале следующего листа. Очевидно, начало текста /л. I/ переписывалось заново.

3 Далее зачеркнуто "служба".

Великия и Малня и Белня Росии самодержца то число из двора пошли на службу в полк к бояром и к воеводам князю Григорию Григорьевичу да князю Михаилу Григорьевичу Ромодановским с товарищи. А пришли мы в Курск мая в 19 день. Да пришли мы в полк к боярину и воеводе князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому с товарищи в Арто Поле и записалися мая в 28 день. //

л. 4 6 служба Крымская.

Лета 7195 году по указу великих государей царей и великих князей Иоана Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малня и Белня Росии самодержцев пришли мы в Ахтырской в город в полк великих государей из записали свои приезды февраля 24 день.

Крымская⁴ служба 7-я.

Лета 7197-году февраля 18 день приехали мы с Матвеем на службу великих государей царей и великих князей Иоана Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малня и Белня Росии самодержцев в город в Сумы. И записалися мы с Матвеем в понедельник Великого поста.

Служба Казикарменская турецких городов.

Лета 7203-м году записали мы с Матвеем братом в Белгороде приезды свои апреля в 13 день. А на смотре мы были перед боярином Борисом Петровичем Шереметевым⁵ на конех. А пошел боярин Борис Петрович Шереметев из Белгорода на службу великих государей со всем полком мая в 11 день, а стал л. 4об. со всем полком на речке Топике. // ⁶ А на службе я Данила был у боярина у Алексея Семеновича Шейна.⁶

ЦГАДА, ф. 1455, оп. 2, ед. хр. 506. Опубли.: Временник ОИДР, 1854, кн. 20, смесь, с. 24-25

⁴ Написано над строкой. ⁵ В тексте "Жереметева". ⁶⁻⁶ Повторено дважды. В первом варианте зачеркнуто "Семена" и написано "Алексей Семенович Шейн".

М.П.Лукичев

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ С.И.ШАХОВСКОГО

Жизненный путь князя Семена Ивановича Шаховского — известного писателя первой половины XVII в. — был наполнен многочисленными опалами и обременительными служебными назначениями, что, впрочем, не помешало ему оставить после себя довольно значительное литературное наследство. На основе этих сочинений, а также официальных документов московских приказов определяются основные этапы его биографии. Наиболее полно она представлена в исследовании С.Ф.Платонова.¹ Однако в ней имеются существенные пробелы. Восполнить их можно за счет самых разнообразных источников. В частности, внимательному изучению должны быть подвергнуты различные комплексы делопроизводственной документации. Показательно в этом отношении обнаруженное В.И.Гальцовым в описи архива Посольского приказа 1673 г. известие о времени вынесения кн. С.И.Шаховскому смертного приговора, замененного ссылкой (январь 1649 г.)²

Уточнению некоторых биографических данных об этом незаурядном литературном деятеле и посвящена настоящая заметка.³

Обычно наиболее ранние сведения о кн.С.И.Шаховском относят к 1606 г. — времени послышки под Елец против восставших "северских городов".⁴ Однако за два года до этого его имя встречаем в кормленной книге Галицкой четверти. В

ней он распялся в получении отцовского годового жалования (10 руб.) на 7112 г.: "Деньги взял сын его княз Семен Шеховской. Княз Семен Шеховской в оца своево места деньги взял и руку приложил".⁵

Сам же он позднее станет окладчиком Устюжской четверти. По боярской книге 1629 г. за ним значился оклад в 81 руб. Рядом отмечено: "А помесной ему оклад в вологодской в вотчинной грамоте 128-го году декабря 6 день за приписью дьяка Герасима Мартемьянова 950 чети".⁶ Следовательно, кроме вотчин под Москвой и в Галиче,⁷ он имел еще и владения в Вологде. Дата пожалования (6 декабря 1619 г.) свидетельствует, что получены они, скорее всего, за осажденную службу в приход под столицу войск королевича Владислава.⁸

Не совсем ясны обстоятельства опалы кн. С. И. Шаховского в связи с известным делом его родственников. "Великие вины" Шаховских обнаружались в 1619/20 гг. Однако, как считал С. Ф. Платонов, документы "не позволяют точно определить, когда именно и какое наказание понес... князь Семен".⁹ Сам он говорил о ссылке в Тобольск и о скором возвращении в 1621/22 гг.¹⁰ О некоторых деталях этого эпизода можно узнать из переписки "о опальных людех" между Приказом Казанского дворца и тобольской администрацией, сохранившейся в копиях, записанных в воеводской канцелярии в книгу для лучшей сохранности и быстрого наведения справок.¹¹ Здесь находим текст царской грамоты от 12 января 1622 г., сообщавшей воеводам М. М. Годунову и кн. И. Ф. Волконскому о посылке "с Москвы в Сибирь в Тоболской город с сибирскими Томского города с казаки с Васкою Бурковым да с Петрушкою Дорофеевым да с литвинем с Тимошкою Мелещенковым" кн. С. И. Шаховского. Далее следовало предписание: "... и вы б велели князю Семени быти на нашей службе в Тобольску в ряду, а без нашего указу ис Тобольска ездити ему никуда не велели, а корму ему велели давать по два алтына на день"¹². Грамота, совершив долгий путь, была привезена томским казаком Василием Кониным 21 марта 1622 г., а за десять дней до этого — 11 марта —

в Москве составили новый указ, отменяющий решение первого. Опальный князь возвращался в столицу, где ему сразу надлежало явиться в Приказ Казанского дворца.¹³ Кн.С.И. Шаховской выехал из Тобольска 19 мая 1622 г.¹⁴ Не исключено, что столь быстрая перемена в его судьбе произошла при участии какого-либо влиятельного покровителя.¹⁵

Пользуясь случаем, отметим наличие в той же копийной книге материалов, относящихся к биографии другого видного писателя XVII в. — кн.И.А.Хворостинина. В 7131 г. его также постигла опала. По С.Ф.Платонову, произошло это в конце 1622 или в начале 1623 г.¹⁶ Новые данные конкретизируют датировку: наказание последовало в сентябре — октябре 1622 г. В Тобольск 28 октября была послана грамота, извещающая о ссылье Заболоцкого,¹⁷ причастного к делу кн. И.А.Хворостинина. Единственное до сих пор известие об этом лице принадлежало, встает оказать, кн.С.И.Шаховскому. Он свидетельствовал, что некий Заболоцкий сильно повреди на формирование крамольных взглядов Хворостинина. "Сведенный об этом Заболоцком, — писал С.Ф.Платонов, — нам не встретилось".¹⁸ В упомянутом документе говорится, что в Тобольск отправлен "князь Иванов человек Хворостинина поляк Ерох Заболоцкий з женою да с оном". Его следовало поверстать денежным и хлебным жалованьем и отправить на службу "в Тарской город".¹⁹ Правда, местные власти, "положив" годовой оклад в 14 руб., 12 четвертей хлебной муки и 5 четвертей крупы и толокна, оставили его первоначально в Тобольске, а затем перевели в Томск. Поэтому 25 сентября и 23 октября 1623 г. из Москвы последовали указания немедленно отослать Заболоцкого "на Тару", а расходы на содержание сократить почти в два раза.²⁰ Видимо, правительство оценивало этого человека как действительно опасного распространителя еретических взглядов.

Но вернемся к деталям ссылки кн.С.И.Шаховского в 1622г. Исходя из его же высказываний, С.Ф.Платонов предполагал, что опала сопровождалась конфискацией имущества.²¹ Запись в одной из книг пошленных сборов Печатного приказа

заставляет принять эту точку зрения. В ней сообщается, что уже значительно позже - в декабре 1640 г. - кн.С.И.Шаховской получил жалованную грамоту на земли в Галицком уезде ("с помесного ево окладу з девятисот пятидесяти чети на девятносто чети")²² в качестве награды "за осадное сиденье королевичева приходу". В конце записи имеется характерное пояснение: "...против взятне ево вотчины".²³ Речь, безусловно, идет о компенсации за владения, полученные по вотчинной грамоте 1619г. и отобранные затем в казну.

Снятие опалы, принесшей кн.С.И.Шаховскому столько бед, произошло в 1625 г. В мае того года ему дано ответственное задание по составлению официального послания персидскому шаху.²⁴ Можно сослаться и на такой факт: в январе 1626 г. Филарет пожаловал его старшего сына Михаила²⁵ в патриаршие стольники ("а до стольничества он ни в каком чину не был") с окладом (с марта 1627 г.) в 450 четей.²⁶ Показательно, что сам Семен Шаховской на пасху 1626 г. (9 апреля) получил почетное приглашение во дворец видеть "государские очи в комнате".²⁷ Все это заставляет усомниться в предположении С.Ф.Платонова о частичной реабилитации Шаховского.²⁸ Скорее всего, ему удалось полностью восстановить доверие правительства. Последующее назначение в Сибирь надо рассматривать как очередной зигзаг в карьере неудачливого князя.

В 1628 г. ему предоставляют место воеводы в Енисейске, а в 1632 - отправляют в Тобольск.²⁹ Позднее эти службы будут вознаграждены. В боярской книге 1639 г. находим приписку: "Да 152-го февраля в 7 день по памяти из Казанского двора за терскую службу 149-го и 150-го году придачи 50 чети, денег 30рублев. Да февраля в 18 день по помете на выписке и на челобитной думново дияка Ивана Гавренева за сибирскую и за енисейскую службу и за прибыль учинено придачи тридцать девять рублев".³⁰ Теперь за кн.С.И.Шаховским числился довольно высокий для московского дворянина оклад в 1000 четвертей и 150 руб. Он указан и в боярской книге

1647 г.³¹ Показательно, что прибавки состоялись в феврале 1644 г. — вскоре после участия Шаховского во встрече королевича Вальдемара.

Несколько слов о "терской службе". С.Ф.Платонов обратил внимание на расхождение между разрядными книгами, определяющими это назначение 7148 годом, и записками самого Шаховского, относящего посылку "на Терек" к 7147г.³² В боярской книге 1639 г. в этой связи упоминается еще одна дата — 7149 г. Видимо, решение о службе состоялось в конце 7148 г. (и тогда же было занесено в разряды), а непосредственно к исполнению своих обязанностей Шаховской приступил с 7149 г.

Получив награду 7 и 18 февраля 1644 г., кн.С.И.Шаховской почти тут же (если верить его словам) пережил новое гонение: "Во 152 году. В великий пост на первой недели послан я, князь Семен, в Усть Колу в воеводи".³³ Первая неделя великого поста приходилась в 1644 г. на 4-10 марта. Выходит, что за царской милостью незамедлительно последовало гонение. Однако процитированное известие противоречит показаниям "наличного" боярского списка, составленного в сентябре 1644 г. В него были внесены имена дворовых, находившихся в данный момент в столице. Среди них есть имя кн. С.И.Шаховского.³⁴ Действительно, весной 1644 г. он не мог оказаться в Усть-Колу. Известно, что Шаховской пострадал из-за разногласий с официальной властью в вопросе о крещении Вальдемара. Свое мнение он высказал в беседе с протопопом Никитой. Разговор состоялся после диспута русских богословов с пастором Фельгабером, т.е. не ранее 28 мая 1644 г.³⁵

Когда же в таком случае последовала ссылка? Примечательно, что в предшествующей записи кн.С.И.Шаховской неточно указывает время встречи Вальдемара в Твери, сменяя на год это событие: "Во 151 году. Послали... на рождество Христова"³⁶ (вместо 7152 г.)³⁷. Поэтому логично считать ошибочной в тех же пределах и дату ссылки. В памяти Шаховского эти эпизоды оказались "сдвинутыми" ровно на один год

(довольно характерный для него просчет, вспомним ошибку в датировке "терской службы"). В таком случае отправка в Усть-Колу состоялась в первую неделю великого поста 1645 г. (17-24 февраля).

Точных сведений о последних годах жизни и дате смерти С.И.Шаховского не было. В 1649 г. его в очередной раз посылают в Сибирь.³⁸ По мнению С.Ф.Платонова, там он не умер, а вернулся в столицу и еще в 1653 г. переписывался с келарем Троицкого монастыря Симоном Азарьиным.³⁹ Действительно, в смотренном списке, составленном летом 1653 г., его имя встречаем под рубрикой: "Из больных, в Чети росписаны, а у государева смотру не были". Однако рядом помета: "На конном смотре был".⁴⁰

В материалах Печатного приказа находим и более позднее упоминание о кн. С.И.Шаховском: 11 июля 1654 г. по челобитной, составленной совместно с сыном Михаилом, с их поместий и вотчин в Галиче "поворотных денег до государева указу править не велено".⁴¹

Через полтора года кн.С.И.Шаховского уже не было в живых. Об этом свидетельствует запись от 21 января 1656 г. в пошлинной книге того же Печатного приказа о разделе его земель между детьми: "В Галич к воеводе. По челобитью стольника князь Федора да стряпчего князь Ивана княж Семеновых детей Шеховского велено в Галицком уезде отца их вотчину деревню Пехтуеву з деревнями и пустошми сто на девяность чети отказать им, князь Федору и князь Ивану, в вотчину попалам".⁴²

Дело по другой челобитной Федора и Ивана Шаховских помогает уточнить дату кончины их отца. В Разряд 11 января 1656 г. была подана просьба (т.е. почти одновременно с подачей челобитной с разделе вотчинных владений) не отдавать до возвращения из Смоленского похода "ис Чюдова монастыря животов отца нашего и матери нашей брату нашему большому князь Михаилу" (видимо, отношения между сыновьями от разных матерей были далеко не лучшими). Сундуки с пожитками поставил в монастырь их дядя - кн. Иван Меньшой Шаховской.

И здесь же есть ссылка на челобитную аналогичного содержания, представленную еще в августе 1655 г.⁴³ Если имуществом кн.С.И.Шаховского распоряжались его ближайшие родственники, то сам он, надо думать, к этому времени скончался. Таким образом, дата его смерти определяется между июлем 1654 и августом 1655 г.

Любопытно, что в челобитной фигурирует Чудов монастырь. Лишь однажды в литературе он упоминается рядом с именем кн.С.И.Шаховского. Митрополит Евгений без всяких ссылок на источники утверждал, что туда и был заключен опальный писатель.⁴⁴ К сожалению, не сказано, какая опала имеется в виду. Подобное сообщение, не подкрепленное документами, вызвало вполне естественное недоверие у С.Ф. Платонова.⁴⁵ Однако можно полагать, что патриарший монастырь все же сыграл определенную роль в жизни кн.С.И.Шаховского.⁴⁶ Возможно, там он незадолго до смерти принял монашество. И не являлось ли пострижение насильственным? Впрочем, на эти вопросы, как и на некоторые другие, касающиеся биографии писателя, еще предстоит получить ответы.

Примечания:

1. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2-е; СПб., 1913, с. 293-302.
2. Гальцев В.И. Сведения о кн.С.И.Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г. - "Археографический ежегодник за 1976 год". М., 1977, с. 79-81.
3. Поэтому мы не сочли обязательным последовательно пересказывать всю биографию кн.С.И.Шаховского.
4. В это время кн.С.И.Шаховской имел чин столника или стряпчего (Платонов С.Ф. Указ. соч., с. 293). Однако в боярской книге 1615 г. он записан уже на ступень ниже - Московским дворянином (Акты Московского государства, т. I, СПб., 1890, с. 146). В дальнейшем его чиновное положение не менялось.
5. Сухотин Л.М. Четвертики Смутного времени (1604-1617 гг.): М., 1912, с. 26.
6. ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, боярские книги, кн. 2, л. 190 об.
7. Платонов С.Ф. Указ. соч., с. 293, прим. I.
8. Кн.С.И.Шаховской вместе с кн.С.В.Прозоровским был "вылозным" воеводой у Юзских ворот (Разрядная книга 1550-1636 гг., т. II, вып. 2. М., 1976, с. 315).

9. Платонов. Указ.соч., с.297.
10. Домашняя записка князя Семена Шаховского. - "Московский Вестник". М., 1830, ч.5, с.67
11. ЦГАДА, ф.199. Портфели Г.Ф.Миллера, портф.541, л.1-464. Хронологические рамки этого комплекса документов - 1614 - 1624 гг.
12. Там же, л.163-163 об.
13. Там же, л.164 об.-165 об.
14. Там же, л.403-404
15. К числу таковых И.Ф.Голубев относит кн.Д.М.Пожарского. (Голубев И.Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. - "Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР", т.ХVII. М.-Л., 1961, с.400-401). Из стихотворного послания, которое, по мнению автора, принадлежит кн.С.И. Шаховскому и посвящено кн. Д.М.Пожарскому, можно заключить, что писатель пользовался в трудные для себя дни гостеприимством покровителя:
 "И не презрел еси, государь, и наша тогда великия скудоты. Прекормил еси нас с супружником нашим и с родшими от нас сироты". (Там же, с.410)
- Кстати, дом кн.С.И.Шаховского в Москве находился, по данным переписной книги 1646 г., "за Сретенскими вороты в Земляном городе" (ЦГАДА, ф.396. Архив Московской Оружейной палаты, д.1162, л.142). Известно, что на Сретенской улице располагался двор кн. Д.М.Пожарского.
16. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.233.
17. ЦГАДА, ф.199, портф.541, л.186-188;
18. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.237, прим.1.
19. ЦГАДА, ф.199, портф.541, л.186 об.-187
20. Там же, л.237 об. - 242
21. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.298
22. Здесь мы, вероятно, имеем дело с ошибкой писца. В вотчину кн. С.И.Шаховскому должны были дать не 90, а 190 четей, исходя из определенной указом нормы (из каждых 100 четей поместного оклада - 20 четей вотчинных владений). Это подтверждается еще одной записью аналогичного характера, цитируемой ниже (см. прим. 42).
23. ЦГАДА, ф.233. Печатный приказ, кн.36, л.98 об.
24. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.298.
25. Судя по хронологии, он родился от первого брака Семена с Матреной, умершей в 1613/14 гг. У кн. С.И.Шаховского было еще два сына - Федор и Иван.
26. ЦГАДА, ф.210, столбцы Приказного стола, д.19, л.913-916.
27. Там же, ф.181. Рукописный отдел библиотеки ИГАМИД, д.86, л.4. Еще ранее этого - 1 июля 1625 г. - он назначался в составе большой группы дворян дежурить во дворе во время отъезда царя на богомолье (Дворцовые разряды, т.1, СПб., 1850, с.699).

28. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.298.
29. Там же.
30. ШГАДА, ф.210, боярские книги, кн.4, л.184 об.-185.
31. Там же, оп.22, д.8, л.6 об.
32. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.299, прим.3.
33. Домашняя записки князя Семена Шаховского, с.69
34. ШГАДА, ф.210, столбцы Московского стола, д.189, стол-
пик 7, л.39.
35. Голубцов Л. Прения о вере, вызванные делом королевича
Вальдемара и царевни Ирины Михайловны. М., 1891, с.
179-180.
36. Домашняя записки князя Семена Шаховского, с.69.
37. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.300, прим.1.
38. Домашняя записки князя Семена Шаховского, с.69-70.
39. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.301.
40. ШГАДА, ф.210, столбцы Московского стола, д.233, л.351,
353. Датируется по сметам на л.323, 328, 351 и др.
Нет сомнений, что здесь указано интересное нас лицо.
За это время известен еще один московский дворянин кн.
С.И.Шаховской - поколением младше. Но он фигурирует в
списке ниже (на л.368) с отметкой: "Отос/лан/ ис Кост-
ромские". Имеется в виду Приказ Костромской четверти.
41. Там же, ф.233, кн.73, л.32. В это время у кн.С.И.Шахов-
ского имелись владения еще в одном (неустановленном)
уезде. Затем они перешли к кн.М.С.Шаховскому. В чело-
битной 1661 г. он писал: "...поместьеа за мною, холо-
пом твоим, в дву городех пятнацать бобылей да в купле-
ных деревнишках отца моего в дву же городех двадцать
бобылей". (ШГАДА, ф.210, столбцы Московского стола,
д.244, л.420). Дело было опубликовано в "Актах Мос-
ковского государства" (т.Ш.СПб., 1901, с.37-41). Од-
нако сама челобитная в публикации не вошла.
42. Там же, кн.76, л.142.
43. Акты Московского государства, т.П, СПб., 1894, с.475-
476.
44. Митр.Евгений. Словарь русских писателей, т.1, М., 1845,
с.248.
45. Платонов С.Ф. Указ.соч., с.298, прим.2.
46. Кстати, в собрании рукописей монастыря имелось его со-
чинение "О ризе господней" (Протасьева Т.Н. Описание
рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с.
161-162). Нельзя не отметить и такое совпадение: не
ранее 1653 г. монахом Чудова монастыря стал склонный к
литературным упражнениям дьяк Третьяк Васильев (в мона-
шестве Сарватий), с которым Шаховской вел активную пе-
респексу (Зренички имп.Московского общества истории
и древностей российских, кн.9. М., 1851, с.2-10).

А.В.Лаврентьев
ОРИГИНАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О "СМУТНОМ ВРЕМЕНИ"
В ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ 1652 г.

Среди летописных памятников XVII века, имеющих большой объем известий по истории России конца XVI—первой четверти XVII вв., эпохи крестьянской войны и польско-литовской интервенции, несомненный интерес представляет летописный Свод 1652 г. — официальная летопись патриарха Никона, составленная в середине XVII в.¹ Статьи о "смутном времени" занимают во всех 15-ти ныне известных списках Свода около половины текста.

В историографии Свод до сего дня остается памятником практически неисследованным и, соответственно, не привлекается для исследований о "смуте".

Впервые один из списков Свода привлек внимание еще в 1861 г. в связи с изданием одного из ярких памятников русской публицистики времени Василия Шуйского — "Повести о видении некоему мужу духовну",²

С.Ф.Платонов в капитальном труде о литературных, летописных и публицистических произведениях, посвященных бурным событиям "смуты", среди рукописей, исследовать которые с желаемой точностью не пришлось, называет ту же рукопись "краткого летописца", указывая, что "его повествование о смуте довольно кратко и составлено по хронографам и Сказанию Авраамия Палицына"³.

Действительно, известный историк "летописец" был "краток", в том числе и в той его части, которая привлека-

ла его внимание. Но сама рукопись Q.IV.139, как показало текстологическое сопоставление ее с другими списками свода 1652 г., сокращена переписчиком по сравнению со всеми остальными списками почти на треть, и, следовательно, составить по ней представление о ценности свода как исторического источника нельзя⁴. Другие же списки С.Ф. Платонову остались неизвестными.

Шесть "летописцев", также теперь идентифицированных со Сводом 1652 г., были использованы Л.В.Черепнинным в очень интересной и до сих пор не утратившей актуальности работе, посвященной выяснению сложных судеб Нового летописца в русской историографии XVIII века⁵. Автор не анализировал специально состав их известий по "смутному времени" но обнаружил в тексте ряд чтений, характерных для "Летописи о многих мятежах", и указал на существование продолжений летописных статей за 2-ю четв.XVIII в. - то, что отличает это произведение от Нового летописца. С "Летописью о многих мятежах" Л.В.Черепнин и отождествил источник свода по "смуте", хотя и отметил, вполне справедливо, отсутствие принципиальных разногласий между текстами обоих памятников⁶⁻⁷.

Ближайшее изучение показало, что текст свода и, соответственно, летописей, использованных Л.В.Черепнинным, достаточно сложен по составу и должен быть соотнесен и с другими летописными и повествовательными произведениями по "смуте".

В последнее время материалы свода 1652 г. привлекли внимание В.И.Корецкого, сделавшего краткие, но существенные замечания по составу известий свода, отметив близость его текста Новому летописцу, Сказанию Авраамия Палицына, "Иному сказанию о самозванцах" и Хронографу редакции 1617г.⁸

Названные работы исчерпывают библиографию свода 1652 г. в интересующей нас части. Специальное исследование состава летописных известий свода, таким образом, является насущной задачей. Данная статья ограничивается только указанием на оригинальные известия по "смуте", не

встречающиеся в других источниках или недостаточно в них освещенные. Их немного, но каждое дает важные уточнения и дополнения, проливающие свет на те или иные события бурной эпохи российской истории.

Свод 1652 г. — единственное известное в настоящее время русское произведение, имеющее датировку "многого разбоя по всей России" — восстания Хлопка. Статья Свода "О разбойниках" близка по содержанию гл.84 Нового летописца "О разбойниках и о посылке на разбойников" (далее НЛ),⁹, а также аналогичным статьям Нового летописца по списку М.А.Оболенского и "Летописи о многих мятежах"¹⁰ (далее НЛО и ЛОМ), но, в отличие от них, имеет дату в начале статьи: "Лета 7112" (РО ГБЛ, собр.Большакова № 423-л 204; ОР ГИБ им.Салтыкова-Щердина, собр.Погодина № 1406-л. 234 об. а) За отсутствием даты в русских источниках, историки пользовались датировкой восстания Хлопка в мемуарах Исаака Массы — сентябрь 1603 г.¹¹ Показания Свода целиком с ней согласуются: в сентябре, согласно русскому календарю, начался новый 7112 год, а по европейскому летоисчислению вплоть до декабря еще продолжался 1603 год. Правильность показаний голландского резидента подтверждена исследованием Е.Н.Кушевой, для чего были привлечены косвенные данные: синодик, документы, связанные с историей холопства. Теперь в нашем распоряжении имеется прямое указание русского источника на сентябрь-декабрь 1603 г. как время восстания.

В статье Свода "Царство царя Бориса Федоровича Годунова" (Б., лл.193-193 об.; П., лл.222-222об.), текстуально близкой соответствующей главе Сказания Авраамия Палицына (далее АП)¹³, указан точно месяц венчания Бориса Годунова на царство—сентябрь.¹⁴

а) Все цитаты из Свода 1652 г. приводятся по этим лучшим и самым ранним спискам (далее Б и П).

Более точна, чем АП, и близкая ему статья Свода "О цари Симеоне и о пострижении" (Б., лл.218-219 об.П., лл.250-251 об.), в которой сообщается о судьбе Отрепьевых, "много обличавших" Самозванца и за это сосланных Лжедмитрием I в Сибирь: "Он же в Сибирь сослал их", в то время, как, согласно АП, в сибирскую ссылку попал только дядя новоявленного "царя Дмитрия Московского" - Смирной Отрепьев.¹⁵ Документально известно, что были сосланы и другие родственники "царя Дмитрия Ивановича", не менее четырех.¹⁶

Статья Свода, не имеющая заглавия и повествующая о возвращении по приказу Лжедмитрия в Москву матери настоящего царевича Дмитрия Марфы-Марии Нагой (Б., лл.220-220 об.; П., лл.251 об., -252), свидетельствует, что "многие знавшие его (Самозванца А.Л.) яко не прямой царевич, и мнози начаша обличати его, мирстии и иноки", тогда как "Иное сказание о самозванцах" (далее ИС), которому близок в этой части текст Свода, говорит только о "мнозих от христолюбивых инок"¹⁷. АП подтверждает, что среди "обличителей" были и "мирстии", называя имена двоих - П.Тургенева и Ф.Калачника.¹⁸

Перу современника-свидетеля событий принадлежит и сообщение статьи Свода "О пришествии к Москве Сердомирского с Маринкою" (Б., лл.221 об.-222 об.; лл.253 об.-254 об.) о пышной встрече Мнишков в Москве, в других источниках неизвестное: "Рострига же повеле срещати бояром и дворяном и диаконом и гостем в наряде в золоте за градом, и всяких чинов людем в цветном". Сведения эти в ИС и у АП отсутствуют; ИС ограничивается фразой "его же стреташа чисто всякие люди"¹⁹. Сообщение Свода подтверждает И.Масса: накануне встречи "рано утром по всей Москве было объявлено бирючами..., чтобы все нарядились в самые богатые одежды..., ибо надлежит встретить царицу"²⁰.

Современнику же москвичу принадлежит небольшое дополнение статьи Свода "О избрании на государство" (Б., лл.193-194 об.; П., лл.314 об.-316) - в рассказе об

"убойстве" на казачьем "круту" П.Лапунова и И.Ржевского относительно последнего добавлено: "И дом его разграбиша". И Л, сообщая подобные же сведения, указания на разгром московского дома Ржевского не имеет^{20а}.

Ржевские укоренились в Москве давно и традиционно имели "службы", связанные с проживанием в столице: имена самого И.Н.Ржевского и двух его братьев фигурируют в болярских списках 1598-1599, 1602-1603, и 1606-1607 гг., причем в последних двух случаях снабжены пометой "на Москве"; после "смуты" они также оставались москвичами, неся стольничью службу²¹. Наличие собственного городского дома, видимо, было не только возможным, но и необходимым.

Источник Свода 1652 г. точно информирован о содержании грамоты, присланной из Рима папой Павлом У Лжедмитрию I. Содержание этой грамоты ближе всех излагает АП, но самое существенное, а именно, повод к ее написанию, опускает:

Свод 1652 г.

АП

"Потом же вскоре присла папа с листом, веля ему свою римскую веру вводить и укреплять, и благословляет их на брак, и заповеда им о латинской вере и о субботном посте".

(Б., л.222; П., л.254)

"И вскоре же тогда прокляты папа Римский с листом, воспоминаа его обеты, еже о опресночном приношении и о субботнем посте".

(с.113)

Послание, доставленное в Москву нунцием Рангони, действительно имело своим основным содержанием утверждение брачного союза "царя Дмитрия Московского" и Марины Мнишек.²² Характерно, что такое же, как АП, незнание реального содержания грамоты проявил автор одного из самых ранних и наиболее достоверных сказаний по "смуте" - "Повести како отишти"²³.

Точно Свод называет имя воеводы "бogoотступника Петрушки Горчакова" - Андрей Телятевский (Б., л.232 об.; П., л.263, а не "Дмитрий" ИС, которому близка статья Свода в этой части.

Дословно совпадает с НЛ статья Свода, рассказывающая о строительстве в Москве "Белого города каменного" (Б., л.175 об.; П., лл.202 об.-203), но в своде дана правильная дата начала строительства - 7094, а не 7093 НЛ²⁴. Так же уточняет сведения НЛ статьи Свода, рассказывающая о голоде в Москве в 1610 г. (Б., лл.253-об.256, П., лл.288-290): если НЛ повествует, что Василий Шуйский москвичей "укрепляше и разговариваше"²⁴, то Свод добавляет - "также и патриарх". О том, что Герноген "много поуча" голодающих горожан, известно АП²⁷.

Примеров такого рода мелких уточнений по тексту Свода можно привести довольно много. Самое существенное здесь то, что не один памятник дополняется сведениями других, а наоборот, текст свода может служить для уточнения тех или иных сведений других произведений по "смутному времени", имеющих, как видим, изъяны и неточности в тексте.

В Своде встречаются дополнения и более существенные. К числу таковых относятся две фразы в окружной "известительной" грамоте вновь избранного на престол царя Василия Шуйского, обнародованной "для приведения в истинный разум" всего населения державы 2 июня 1606г.²⁸ Текст грамоты вошел в ИС²⁹, в Своде 1652 г. помещен почти дословный ее пересказ. Б., лл. 208 об. - 209; П., лл.239 - 239 об., но в отличие от известных списков, повествует не только о договоре Самозванца с Юрием Мнишком, но и сообщает о существовании "обратного" документа-обязательства Мнишка Лжедмитрию: "А Сердомирской дал за себя лист, и того ради Сердомирской даст Гришке много казны наемвати ратных людей доступати Московского государства".

Трудно сказать, откуда источник Свода мог почерпнуть сведения о существовании подобного финансового обязательства, сведения эти требуют дополнительного подтверждения.

Самозванец целиком зависел с самого начала от своего

покровителя, однако хорошо известно, что Лжедмитрий все-таки старался проводить самостоятельную политику. Так, документы сохранили "укоризны" Сигизмунду, касающиеся неправильного, с точки зрения "Дмитрия царя Московского", титулования его польским королем, "о чем мы говорить не перестанем, потому что нам подобает"³⁰. Даже в сентябре 1605 г., когда Самозванец уже был на престоле, форма взаимоотношений между ними оставалась невыясненной — московскому гонцу в Польшу наказывают "накрепко проводить тайно у всяких людей", "как король з государем (Лжедмитрием А.Л.) хочет быти и на какове мере"³¹. Проведению собственной политической линии "лист" безусловно должен был способствовать.

Что же касается "казны", полученной претендентом на престол через Мнишка, то и тут Свод точен: финансовые операции Самозванца действительно шли через старосту Сandomирского, в чем последний сам признавался на допросе в Москве после гибели "сына и друга"³². Те крупные суммы, которые Лжедмитрий по занятии московского престола отправлял Мнишку и Сигизмунду, шли, очевидно, и на погашение "казны" по найму "ратных" и наверняка были заранее юридически оформлены соответствующими документами³³.

С этим же источником, хорошо информированным о делах при дворе Лжедмитрия I, следует связать сообщение Свода о богатых дарах самозванца Мнишкам и Сигизмунду в статье "О послании в Литву грамот за руками (Б., лл. 221—221 об.; лл. 253—253 об.) "Тако же посла Рострига от себя королю великие дары, дабы поволил ему жениться у Сердомирского, и тестю своему Сердомирскому пану Юрю Мнишку дары, и нареченной жены своей Марины на проезд злотые кефимки и бархаты и камки для наряду, восков, каптан и кольмаг. Король же по его прошению поволи ему взять ис Польши".

Денежные "посылки" по пути следования от границы к Москве Мнишки получали несколько раз;³⁴ среди подарков, полученных Мариной Мнишек от будущего супруга, значатся бархат, парча и другие дорогие ткани³⁵, а в отчетах рас-

ходов царской казны за время "московской разрухи" фигурируют в 1612 г. разграбленные "коней и конских нарядов ... и восков и корет и колымаг и коптан... с 30000 рублей."³³

О "посылке" в Литву "к Сердомирскому и к жене своей "великой казны" известно и Пискаревскому летописцу³⁷.

В статье Свода "О том како назвался царевичем" имеется уникальное указание на состав войск Лжедмитрия I, с которыми самозванный претендент отправился "доживать отеческого престола": "Он же (Лжедмитрий-А.Л.) нанял много людей литовския земли, да с ними же казаки донские. И множество людей прибегоша к нему воровския прежепомынутыя люди приключишася к нему"(Б., л.209; П., л.240). Под последними, без сомнения, надо понимать остатки разбитых отрядов Хлопка—именно о них, "прежепомынутых ворах", идет речь выше в статье Свода "О разбойниках" (Б.Л.204; П., л.234 об.—235). Глухо об этом контингенте войск Лжедмитрия свидетельствует и АП: "вышеупомынутые бегуны", "обычные к воинскому делу" числом 20 тысяч, вошли позднее в отряды И.И.Болотникова^{37а}, хотя автор и не уточняет, каким образом беглые крестьяне и холопы могли получить воинскую подготовку.

НП в главе "О разбойниках и посылке на разбойников", о которой уже шла речь, по понятным причинам отрицает связь восстания Хлопка с воинскими успехами Самозванца на его пути в Москву и оптимистически провозглашает, что в ходе борьбы с восставшими "всех воров поймаша и всех повелеша перевешати"³⁸. В справедливости такого категорического заявления сомневался еще С.Ф.Платонов³⁹.

Н.М.Карамзин без ссылки на источник своей информации указывает, что остатки разбитых царскими войсками "воров" соединились с отрядами Самозванца⁴⁰ — эти сведения Карамзин мог заимствовать из Свода, с одним из списков которого был знаком^{40а}. Действительно, единственный источник по "смутному времени", Свод дает прямое указание на то, что движение Хлопка до конца не было разгромлено и разбитые остатки восставших влились в

пестрые по составу формирования Лжедмитрия, в котором
длительные классы и сословия Российского государства ви-
дели изве́нный крестьянский идеал "доброго царя", "выне-
сенного на престол волной крестьянского движения"⁴¹.

Статья Свода "Царство Гришки Отрепьева Ростриги"
(Д. лл. 218; П. лл. 249-249 об.) содержит сведения, на пер-
вый взгляд, неожиданные: "Лета 7113 го вниде во град Москву
...Гришка Отрепьев. Патриарх же Иов изыде на Лобное
место со кресты. "Н.Л., которому близок текст данной гла-
вы Свода, сообщает об Иове совершенно другое: патриарх
был "сведен" с престола и выслан из столицы еще до при-
хода в нее Самозванца.⁴² Тем не менее, к этому сообще-
нию стоит отнестись серьезно. Об участии патриарха во
встрече на Красной площади говорит такой надежный свиде-
тель событий, как И.Масса⁴³, путаясь в русских церковных
чинах ("патриарх или митрополит"), об этом же сообщает
Де-Ту⁴⁴. Намек на подобное, нелицеприятное для Иова, разви-
тие событий содержит и такой панегирический памятник, как
"История о первом Иове патриархе Московском", согласно
которой Самозванец прислал в Москву "наперед себя" угод-
ников своих", патриарха вывели на Лобное место, но нача-
лось "распря" в народе и разграбление патриаршего двора,
и "тии беснии отскочиша от святейшего Иова", и только
позже, после переговоров с "нецами от велмож", представ-
шими интересы Самозванца, патриарх был отправлен по собст-
венному выбору (!) в Старицкий Успенский монастырь⁴⁵.
Таким образом, "История" молчит об обстоятельствах непосред-
ственного снятия сана с первого российского патриарха.

"Истории о первом Иове" С.Ф.Платонов, справедливо
определивший позднее происхождение памятника, отказывался
придавать "большое историческое значение", хотя и отмечал
оригинальность ее известий, начитанность и хорошую инфор-
мированность автора⁴⁶. Умолчание же о дискредитирующем
факте биографии Иова вполне отвечало авторской концепции
образа "страдальца за веру".

Если вспомнить жестокую расправу, учиненную в Москве

над сторонниками Годунова, то высылка Иова в монастырь, в котором патриарх начинал свою духовную карьеру и с которым был связан на протяжении всей жизни, выглядит почти счастливым исходом для человека, целиком лояльного Годунову и всем ему обязанного. В таких условиях, действительно, слова "Истории о первом Иове", гласящие, что монастырь для ссылки сведенный патриарх выбрал себе сам, кажутся просто неуместными, тем более, если вспомнить многочисленные "обличения ростриги еретика", с которыми Иов выступал перед москвичами⁴⁷.

Официальная встреча патриархом самозванного царя могла быть той ценой, которую Иов вынужден был заплатить за сравнительно мягкую кару за его ярые обличения самозванца. Разумеется, ни в "Историю о первом Иове", призванную прославить его деяния, ни в НЛ-официальную летопись, создававшуюся в окружении патриарха Филарета, при всем неприятии Романовыми Годунова, такой рассказ не мог попасть. Источник же Свода 1652 г., современный событиям, логично изложил всю их последовательность, и, если принять ее таковой, исчезнет и хронологическая неувязка. НЛ и "История о первом Иове" не дают, надо думать, не случайно, датировку вхождения Самозванца в Москву и "сведения" Иова, но точные даты есть в других источниках: ИС датирует встречу Лжедмитрия в Москве 20 июня⁴⁸, а Хронограф 1617 г., сообщает, что "свели" патриарха 24 июня⁴⁹ (вопрос о кажущейся ненадежности датировок Хронографа в статьях по "смуте" можно считать снятым еще в 1922 г.)⁵⁰.

Среди летописных изложений событий, связанных с воцарением Самозванца и его взаимоотношениями с Иовом, выделяется статья Бельского летописца, согласно которой патриарх накануне вступления "Ростриги" в Москву получил от него грамоту, текст которой и приводится⁵¹. Все "великие вины" Иова в ней налицо, и удаление ставленника Годунова из столицы накануне встречи самозванного царя "документировано", однако вопроса о хронологической неувязке НЛ и "Повести о первом Иове" с показаниями ИС и

Хронографа 1617 г. это же σημαет, тем более, что дата вхождения Лжедмитрия в Москву тут совпадает с ИС-20 июня.

Свод 1652 г., изложивший последовательно события первых дней царствования Лжедмитрия, не одинок в своих показаниях — Пискаревский летописец тоже ставит сообщение о ссылке Иова после прихода Самозванца, хотя среди участников встречи на Лобном месте патриарх и не фигурирует⁵².

Определенный интерес представляет и дополнение к "крестоцеловальной записи" царя Василия Шуйского, включенной в статью Свода "Царство царя Василия Ивановича Шуйского" (Б., лл. 225-226; П., лл. 256 об.-258 об.) Текст грамоты в Своде почти дословно совпадает с известной "записью", данной 19 мая 1606 г. сразу по востшествии на престол нового "государя всея Руси"⁵³, но имеет дополнение: указание на место первого прочтения грамоты: "аз... в соборной церкви перед всеми людьми целовал есмь крест". Очевидно, в Свод был включен не окончательный вариант текста, разосланного в другие города, а самый первый, читанный в Успенском соборе Кремля при венчании на царство. О первоначальности текста грамоты говорит и ее окончание, также отсутствующее в "крестоцеловальной": "... также и бояре наши и дворяне и дети боярские и гости и всякого чину люди целовали крест, что им служили нам, великому государю, без измены и во всем радеть и кроме нас и наших чад иного государя не искать".

В первой "окружной" грамоте Шуйского, данной уже на следующий день после "крестоцеловальной записи" — 20 мая, оба вышеприведенные текста присутствуют, но сама "окружная" грамота по содержанию значительно отличается от "крестоцеловальной" и от грамоты Свода. В ней нет обязательств Шуйского "блести людей всех чинов Российского государства", вместо чего помещено подробное описание событий, связанных с воцарением и свержением "вора еретика Гришки Отрепьева"⁵⁴, хотя в конце и говорится, что "а по какой записи целовал яз... и по которой целовали бояре и вся земля, и мы те записи послали к вам"⁵⁵. Та-

ким образом, та информация, которую содержала грамота Свода, была выделена для большей весомости в отдельные приложения – грамоту от имени бояр, подтверждающую факт дачи ими присяги и "образцовую запись" для приведения к "крестному целованию" "всякого звания людей"⁵⁶.

Известно, что появившаяся вслед за первой вторая "окружная" грамота Шуйского, окончательно сформулировавшая обвинения Самозванцу, прошла несколько этапов формирования и тоже имела приложения – "распросные речи Бучинских" и договор Отрепьева с Мнишком⁵⁷. Очевидно, в случае с первой грамотой имела место та же последовательность формирования документа, и грамота, включенная в текст Свода 1652 г., – не продукт компиляции "крестоцеловальной" и первой "окружной" грамот, а промежуточный этап между ними.

Безусловно, современнику-москвичу, свидетелю событий принадлежит и оригинальный рассказ Свода о событиях, связанных с осадой Московского Кремля войсками второго ополчения под руководством К. Минина и Д.М.Пожарского в статье "О явлении Сергия Чудотворца Галасунскому Арсению Архиепископу" (Б., лл.301–303 об.; П., лл.338–340): "Мнози же рустии людие приходиха ноцию к стене града Кремля, литовстии же людие на вервицах навязываху узлы злата, и серебра и жемчугов и свешиваху з града. Рустии же людие емлюще сия и в то место вяжуще только же хлеба и дающе им. Егда же сия уведана быша, и пойманы мнози и наказаны. По сем начаша им вместо злата навязываху за хлеба место камение и кирпичи. И сие им злохитрство преста".

С.Ф.Платонов привел в приложении к изданию своего труда о сказаниях и повестях по "смуте" для собрания своих сочинений этот текст по отрывку, помещенному в сборнике собрания Киевской духовной академии, достаточно позднем и с неисправностями в тексте.⁵⁸ Автор считал источником текста АП в неизвестной редакции.

Рассказ об осаде Кремля, имеющий такие подробнос-

ти, неизвестен ни в одном списке АП, а их ныне выявлено более 150⁵⁹, зато присутствует во всех списках Свода 1652 г. Это еще одно свидетельство в пользу раннего происхождения источника известий Свода 1652 г. по "смутному времени".

Приведенные примеры исчерпывают состав оригинальных сведений Свода по "смуте" - их немного, но каждое проливает дополнительный свет на бурные события российской истории конца XVI - начала XVII в.

Примечания:

1. Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы), - "Проблемы источниковедения", IУ, М., 1955, ос.268-271; Его же. История русского летописания. XI - начало XVIII века. М., 1969, с.483, и ол.
2. Летопись занятий Археографической комиссии Академии наук. 1861. Спб., 1862, в.1, отд.П, с.52-56. Это список собрания ГПБ им.Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Q. IУ, I39.
3. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник. Спб.1888, с.338-339 прим.
4. Лаврентьев А.В. Списки и редакции летописного Свода 1652г.- В кн. Источниковедческие исследования по истории феодальной России. Сб.статей. М., 1981, с.72-73.
5. Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания).- Исторические записки, М., 1945, т.14, с.111-114.
6. Черепнин Л.В. "Смута" и историография... с.112
7. Черепнин Л.В. "Смута" и историография... с.110
8. Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII века и летописание "смутного времени". - В кн.Славяне и Русь. Сборник статей к 60 летию Б.А.Рыбакова М., 1968, с.283.
а) Полное собрание русских летописей М., 1965, т.14, с.58 (далее в сносках-НЛ).
10. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича по списку князя Оболенского. М., 1853, с.57 (далее в сносках - НЛО)
11. Масса Исаак. Краткое известие о Московии. М., 1937, с.71.
12. Кушева Е.Н. История холопства в конце XVI - начале XVIIв. - Исторические записки. М., 1945, т.15, с.91.
13. Сказание Авраамия Палицына. М., 1955, с.104 (далее в сносках - АП).

14. Ср.НД, с.51 - "на Семен день" (1 сентября).
15. АП с.111
16. Леонид, архимандрит. Родословная Отрепьевых. - "Русский архив" 1878, № 4, с.488
17. Русская историческая библиотека. Спб.1909, т.ХВ, изд. 2, стб.54 (далее в сносках ИС).
18. АП, с.111.
19. НД, с.66
20. Масаа Исаак. Краткое известие...с.128.
- 20а. НД, с.113
21. Боярские списки последней четверти XVI-начала XVIIвв. и роспись русского войска 160^b г. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. М.1979 ч.1, и 143, 208, 259; Русская историческая библиотека. Спб.1884, т.IX, с.476, 498.
22. Соловьев С.М. История России с древнейших времен М., 1960, т.1У, с.442; ср.Старина и новизна.М., 1911, кн.14 с.447, 526-527 (грамота папы Марине Мнишек).
23. Буганов В.И. Корецкий В.И., Станиславский А.Л. "Повесть како отиши" - памятник ранней публицистики Смутного времени. - ТОДРЛ, Л., 1974, т.ХХУШ, с.235-236. ИС, стб.111, Ср.НД, с.75
25. Уточнение даты начала строительства см.Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь.М., 1964, с.45-46.
26. НД, с.87
27. АП, с.198-199
28. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в библиотеках и архивах Российской империи (далее СГГД), М., 1819, ч.П, с.308-315; Сборник Русского исторического общества М., 1912, т.137, с.200-205 (далее Сб-к РИО).
29. ИС, стб.71-76
30. Сб-к РИО, с.221-223. Специальное послание Андрея Бобыля из Кракова призывает Лжедмитрия "не раздражать" короля. - СГГД т.П, с.270-271.
31. Сб-к РИО, с.190.
32. СГГД, т.П, с.295.
33. СГГД, т.П, с.225, 227, 236, 242; Дневник Марини Мнишек. - В кн.Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Спб., 1859, т.П, с.135.
34. СГГД, т.П, с.257-287; Дневник Марини Мнишек... с.137-139
35. Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII века. Спб., 1839, ч.1, с.102-103, прим.Х1У.
36. Русская историческая библиотека, Спб, 1875, т.П, с.231.
37. ПСРЛ, М., 1978, т.34, с.207
- 37а. АП, с.108, 110
38. НД с.58
39. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.Спб., 1910, изд.2, с.297.

40. Карамзин М.Н. История государства Российского. Спб, 1824, т. XI с. 120.
- 40а Лаврентьев А.В. Списки и редакции... с. 67.
41. Корещкий В.И. Формирование крепостного права в России и первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 228.
42. ИИ, с. 65
43. Масса Исаак. Краткое известие... с. II2
44. Сказание Де-Ту. - В кн. Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие Самозванце... I, с. 337
45. Русская историческая библиотека, Спб. 1909, т. XIII, стб. 935-937.
46. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести... с. 282.
47. Русская историческая библиотека. Спб, 1909, т. XIII, стб. 934.
48. ИС, стб. 51.
49. Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, включенных в хронографы русской редакции. М., 1868, с. 270. В издании опечатка-24 июля, что подтверждает последовательность описываемых событий: предыдущая статья рассказывающая о первых шагах Лжедмитрия в качестве "царя всея Руси", под 24 июня помещает сообщение об аресте В.И. Шуйского. Следующая же рассказывает о событиях, имевших место уже в июле - возвращении М. Нагой в Москву и венчании Лжедмитрия на царство. См. также Головщиков К.Д. Всероссийский патриарх Иов. (Био-библиографический очерк). Тверь, 1894, с. 3.
50. Платонов С.Ф. отметил несколько случаев "неисправности хронологических показаний (Хронографа А.Л.) о событиях весьма важных" (Древнерусские сказания и повести... с. 79), однако все они удовлетворительно разъяснены П.Г. Васенко. - См. Васенко П.Г. Заметки к статьям о "смуте", включенным в хронограф редакции 1617г. В кн. "Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову" Пб., 1922, с. 261-262.
51. ПСРЛ... т. 34, с. 242
52. ПСРЛ... т. 34, с. 207
53. СГГД, т. П, с. 299-300
54. СГГД, т. П, с. 302-304 - грамота в Чернигов ("и всяким людям черниговцам... сию нашу грамоту велели бы вычсть") Бутурлин Д. История смутного времени... ч. I, сс. 105-110; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Спб., 1841, т. П, сс. 100-103 (грамота в Пермь Великую от 20 мая).
55. СГГД, т. П, с. 304
56. СГГД, т. П, с. 300-302
57. Станиславский А.Л. К истории второй "окружной" грамоты Шуйского. - Археологический ежегодник за 1962г. М., 1963, с. 134-137.

58. Платонов С.Ф. Собрание сочинений, Спб., 1907, т.2, с. 446-447, прим. 12.
59. Солодкин Я.Г. Редакции "Истории" Авраамия Палицына Л., 1980, с.227.

А.П.Богданов

РЕДАКЦИИ ЛЕТОПИСЦА 1619 — 1691 гг.

Развитие отечественной летописной традиции в последней четверти XVII в. было ознаменовано появлением множества новых авторских редакций и оригинальных сочинений по русской истории, таких как Хронограф III редакции, Новый летописец в редакции Оболенского, Латухинская степенная книга, Синописис, Летописец 1686 г., Новгородские Третья, Забелинская и Погодинская летописи, Мазуринский летописец, Летописец 1619—1691 гг. и др., широкое изучение которых развернулось главным образом в последние десятилетия. Проведенные исследования позволяют выявить любопытную закономерность в процессе создания этих интереснейших источников: почти все они составлены в двух (Синописис, Летописец 1686 г., НЗЛ и др.) или даже трех редакциях (Латухинская степенная, НПоГЛ и др.), появлявшихся одна за другой в течение всего нескольких лет, по-видимому, в тех же скрипториях, причем сочинение писалось сначала в пространной, а затем в сокращенной редакциях. Новым подтверждением этой закономерности является изучения краткой редакции Летописца 1619—1691 гг. (публикуется в Приложении). Нижеследующая статья посвящена установлению соотношения редакций этого сочинения.

Пространная редакция Летописца, представленная спис-

ком ГИБ, Солов. 878/988 (далее список С - Соловецкий) была изучена и опубликована В.И.Бугановым¹. Исследователь пришел к выводу, что содержание и форма записей Летописца "не оставляет никакого сомнения в том, что автор жил в Москве, вероятнее всего, в Кремле, где, возможно, служил в одной из кремлевских церквей или соборов". Более того, ряд данных позволяет предполагать, "что автор служил при этом патриархе (Иоакиме)" и, "может быть, был взискан его милостями." В.И.Буганов выяснил, что "составление Летописца было закончено между 3 октября 1691 и 14 мая 1692 г.", и подробно проанализировал его содержание, особенно в последней части².

Рукопись ГИБ, ф.199 (Никифоровское собр.), № 69 (далее Н - Никифоровский список), в составе которой находится краткая редакция текста, была обследована А.Н.Насоновым, отметившим, что она "содержит небольшой "летописец", составленный, как можно думать, по указанию патриаршего двора при Адриане не ранее 7198 (1690) г."³ В.И.Буганов согласился с этим выводом. По его мнению, летописец "был составлен не ранее этого (1690) года при дворе патриарха Адриана".⁴ Изучение записей за 1682 г. привело В.И.Буганова к заключению, что они "перекликаются в ряде случаев с другими источниками, особенно близко стоят они к повести о восстании 1682 г., помещенной в сборнике из собрания Соловецкого монастыря (см.С.,л. 702-730 об.- А.Б.). Но в них имеется и ряд новых моментов, деталей, дополняющих показания других источников"⁵.

Уже из этих наблюдений можно сделать вывод, что оба летописца (С и Н), вероятнее всего, вышли из одного и того же, связанного с патриархом Адрианом, скриптория, в начале 90-х годов XVII в. Издание В.И.Бугановым Летописца 1619-1691 гг. по списку С в 31-м томе ПСРЛ облегчило нам полное сопоставление текстов, показавшее, что Н и С представляют собой списки одного сочинения. Состав статей, содержание и фразеология записей обоих списков в основном совпадают (ср. Приложение и ПСРЛ, т.31,с.180-

205), однако имеющиеся между ними различия позволяют утверждать, что перед нами две редакции Летописца 1619-1691 гг.: краткая, представленная списком Н, и пространная - С (первая доведена до 1690 г., вторая - до 1691 г.). Наличие двух близких по времени авторских редакций (об этом ниже) может существенно расширить возможности анализа содержания Летописца. Однако предва- рительным условием реализации этих возможностей является установление последовательности авторской работы над текстом сочинения. Решение этого вопроса применительно к С и Н наглядно иллюстрирует трудности, связанные с выявлением соотношения близких по времени редакций летописного сочинения.

Текстологический анализ в данном случае не дает оснований для окончательных выводов. С одной стороны, текст Н менее полон. В нем отсутствуют некоторые статьи С: о московских пожарах 22 августа 1668г., 19 апреля 1676г., 26 августа 1685 г., 28 августа и 1 октября 1688г.; о рождении и смертях членов царской фамилии (царевны Евдокии Алексеевны 26 февраля и царевича Симеона Алексеевича 19 июня 1669 г., царевича Алексея Алексеевича 17 января 1670 г., царевны Ирины Михайловны 8 февраля 1679 г., царевича Илии Федоровича 11 июня - 21 июля 1680 г., царевны Марии Ивановны 20 марта 1689 г.), поставлениях и кончинах церковных иерархов (митрополита крутицкого Павла 9 сентября 1675 г., патриарха Иоасафа в 1668 г. и др.), о боях членов Священной Лиги с турками в 1683 г., суровой зиме 1684 г., "покушении" на Петра в 1685 г., титуле В.В.Голицына и введении новой титулатуры царей и Софьи (для посольских документов), о I Крымском походе. По сравнению с Н, С продолжен статьями за 1690-1691 гг.: о поставлении Варлаама Ясинского киевским митрополитом, переводе митрополита псковского и изборского Маркела в Казань, поставлении митрополитами во Псков Иллариона, в Ростов - Иоасафа, смерти царевны Феодосии Ивановны и рождении царевича Александра Петровича. Немалое число

записей приведено в С в гораздо более обширных, относительно Н, вариантах. Часть таких записей в С содержит дополнительно лишь титулатуру и риторические замечания (срв. статьи о принесении мощей митрополита Филиппа, возведении на патриаршество Никона, Иоакима и Адриана, низвержении Никона и др.), однако некоторые статьи, например, о нашествии крымцев в 1646 г., моровом поветрии в столице 1654 года, сошествии Никона с престола, "Коломенском бунте", — гораздо более полны фактически и совершенны с литературной стороны. Это особенно касается повести о событиях московского восстания 1682 г., объем которой в С почти в 8 раз превосходит текст по списку Н. Наконец, часть статей С имеет относительно Н небольшие уточнения в датах ("В лето 7134 на преполовениев день";⁶ "В лето 7153 июлия во 12 день в субботу в 3 час ночи и в 3 чети часа"; "В лето 7156 январия в 16 день"; [7184] году январия против 30-го числа в субботу в начале 4-го часа"; "В лето 7198 февруария в 19 день в 8 час ночи,... марта в 17 день, святаго и праведнаго Алексея, человека божия... в понеделок третия седмици постов святыя Четырдесятици в 11-м часе дня в 1 чети"); иногда, помимо дней рождения царевичей, указано их тезоименитство (Федора Алексеевича, Петра Алексеевича); отмечено, что царица Агафия Симеоновна Грушевская была "внезжего полскаго роду", полностью передано сокращенное в Н название новгородской митрополии (при Питириме). Все эти различия могут рассматриваться как признаки первичности списка С.

В свою очередь, в списке Н, несмотря на его сравнительную краткость, есть статьи, отсутствующие в С: о походе Шеина в 1634 г. под Смоленск, кончине патриарха Иоанна в 1652 г. и о рождении царевича Ивана Алексеевича в 1667 г. В Н точнее дано описание таинственных обстоятельств смерти царицы Марии Владимировны Долгоруковой, "свидетельства" патриархом Филаретом и освященным собором "ризны господя бсга", принесенной от шаха Аббаса 10 июля 1625 г., знаменитого пожара 1626 г., реформы служб

лого платья, проведенной Федором Алексеевичем, реконструкции кровли Успенского собора, сторевшей при пожаре 26 ноября 1683 г. Более ясно и подробно в Н передан рассказ о знамени над Москвой 17 января 1683 г., вернее названа дата побега Петра в Троицу в 1689 г.: "против осмаго числа в шестом часу ночи" (вместо "в 7 числе в 6 час ночи"). Царевичи и царевны в Н правильное именуются "благородными" (а не "благочестивыми", как в С), патриарх Фаларет назван "великим государем" (в С ошибочно, видимо, по аналогии с другими патриархами, он назван "великим господином"). Таким образом, имеются некоторые основания предполагать, что в ряде случаев Н лучше передает первичный текст.

Разумеется, все, или почти все сведения, имеющиеся в одной редакции дополнительно по отношению к другой, могли быть заимствованы редактором из сочинений, бытовавших в то время в Москве. Это тем более вероятно, что автор и редактор (если даже это не одно и то же лицо) принадлежали кругу близких патриарху литераторов, концентрировавшемуся, как нам удалось установить, в Чудовском монастыре. Уже сейчас мы могли бы указать ряд списков московских (в том числе и чудовских) исторических сочинений последней четверти XVII в., имеющих подобные сведения (особенно полно прослеживается бытование данных о событиях в столице, военных походах, датах жизни членов царской семьи и фактах церковной истории). Однако этих знаний недостаточно для установления соотношения редакций по двум причинам: во-первых, мы не можем установить все источники и выделить безусловно авторский текст; во-вторых, мы не располагаем содержательными критериями для определения последовательности использования источников автором и редактором, когда они столь сближены по времени, месту и условиям работы.

Подобные же трудности возникают при исследовании редакций Летописца 1619-1691 гг. с формальной стороны. Мы не обнаруживаем разночтений, ведущих к искажению

смысла, ни в том, ни в другом тексте. И в С, и в Н имеются две разновидности записей: в кратчайшей форме констатирующие событие с указанием даты, иногда места и участников; и описательные статьи, более или менее детально рассказывающие об обстоятельствах происшествия. И те, и другие отличаются в обоих списках стилистическим, фразеологическим и лексическим единством — своеобразным в каждой редакции. Пространные статьи в С отмечены обилием авторских ремарок, рассуждений, основанных зачастую на интереснейших наблюдениях; вместе с тем, несмотря на подчеркнутую эпитетами и восклицаниями пафосность и "картинность", они страдают некоторым "академизмом", напоминая небольшие литературные произведения дидактического характера с использованием отдельных элементов проповеди ("казанья"); это особенно заметно в статье о восстании 1682 г., определенной В.И.Бугановым как повесть.

События в подробных статьях С излагаются в хронологической последовательности и сопровождаются морализирующим комментарием. Однако соответствующие тексты в Н отличаются не меньшим внутренним единством. Они лаконичны и вместе с тем чрезвычайно насыщены фактами, дающими ясное представление о событии, язык сообщений строг, точен и устойчив на протяжении всех статей. Экспрессивность Н в значительной степени основана на близости повествования к традиционной летописной форме. Составитель Н пользуется для расстановки акцентов не комментариями, как в С, а композиционными приемами, позволяя себе, в скрытом виде, менять хронологическую последовательность событий (срв. статью о восстании Разина и др.). В Н рассказ о главнейших обстоятельствах завершается иногда емкими замечаниями о событиях, не нашедших отражения на страницах сочинения. Так, после описания самого острого периода восстания в Москве в 1682 г. сказано: "Они же, окаяннии (т.е. восставшие), потом побыша множество бояр, и велмож, и ближних знатных людей. И прекратился метеж невскоре" (л. 104). Поскольку в С вместо этих слов идет подробное

описание продолжения восстания, можно предположить, что рассказ в Н сокращен из текста С. Однако надо отметить, что повесть о восстании 1682 г. в С по форме своего изложения имеет только одну более-менее близкую аналогию ("Созерцание" С.Медведева), в то время как форма Н традиционна для многочисленных повестей об этом событии. Одновременно отметим, что другая подобная статья - о П-й Крестьянской войне - в С кончается описанием казни С.Т.Разина, а в Н после этого сказано и о судьбе движения: "И мятеж в народе оутолился, и бысть тишина" (л.100).

Для решения вопроса о соотношении редакций Летописца обратимся к составу содержащих списки С и Н кодексов. Рукопись ПИБ, Солов, 878/988 была описана И.А.Порфирьевым, А.В.Вадковским и Н.Ф.Красносельцевым как сборник хронографического содержания конца XVII или начала XVIII в., причем Летописец оказался разбит на три описательные статьи⁷. В.И.Буганов указал на внутреннюю связь содержания "сборника", целью составления которого "было создание своеобразного подробного "справочника" церковно-исторического характера, предназначенного для служб в Кремле (дни поминовения святых и т.д.) и, в известной степени, для обслуживания царского семейства". Вывод исследователя, что "все части сборника связаны между собой" был основан на наблюдении, что две составляющие кодекса (Месяцеслов и Хронограф) имеют на полях взаимные отсылки, в то время как Хронограф составляет с последующим летописными статьями "большую компиляцию, содержащую описание событий всемирной и русской истории с древнейших времен до конца XVII в."⁸ В правомерности этого вывода нетрудно убедиться, обратившись к содержанию рукописи. Однако без специального исследования невозможно решить, составляют ли части, связанные отсылками на полях, также, как и последующие статьи, цельное произведение (авторский кодекс) или они были соединены постепенно, в результате собирания текстов, и представляют собой собственно сборник.

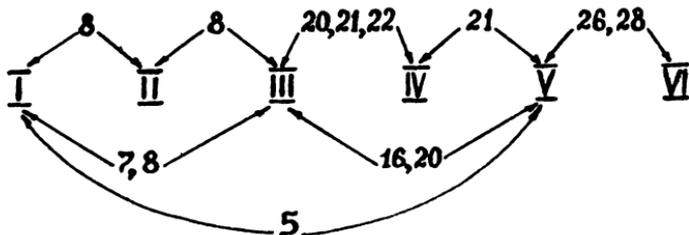
На первый взгляд, в составлении рукописи Солов. 878/988 принимало участие множество людей, между тем тщательное изучение показывает, что она написана одним почерком, имевшим по крайней мере три варианта с большим спектром переходных написаний между всеми тремя, причем разные варианты встречаются вместе почти во всех частях кодекса. Следственно, мы не можем утверждать, что писец записывал различные части текста последовательно, через значительные промежутки времени. Необычно количество разновидностей использованной писцом бумаги - 30 знаков! Бумага, датирующаяся концом 80 - 90-ми годами ХУП в., распределяется следующим образом: 1) Семь провинций с литерами **GVH** (лигатура) и контрамаркой **CDG** (в две линии), типа Хивуда № 314I - 1685 г. (лл.Ш,У,УШ,IX,Х-I-й вариант; лл.6-15 - 2-й вариант), сходна с ГБЛ, Румянцева 364, 1690 гг. (Ф-18). 2) Герб г.Амстердам (с подставкой, корона с широким наметом, щитодержатели хвостами вверх, низ щита раздвоен) без литер и контрамарки, 1692 г., по данным автора (лл.1-5). 3) Герб г.Амстердам (без подставки, корона с наметом узкая, щитодержатели хвостами вверх, низ щита заострен) с контрамаркой **ВВ** (в две линии), типа Черчилля № 32 - 1683 г. (лл.16-31, 45-52). 4) Герб г.Амстердам (знак грубый, без подставки, корона с наметом, щитодержатели хвостами вверх, низ щита заострен), точно не датируется, близкие типы см.Хивуда № 363 - 1651 г. и № 366 - 1719г. (лл.32-37). 5) Герб г.Амстердам (без подставки, корона с наметом, щитодержатели хвостами вниз, низ щита заострен) с литерами **GVH** (лигатура, в две линии), отмеченными у Черчилля под № 27 - 1691 г., у Диановой под № 180 - 1691, 1695гг. (лл.38-43, 675-690 - 1-й вариант; лл.320-323 - 2-й вариант?) 6) Щит с 5-ю, без литер и контрамарки, точно не атрибутируется (лл.44,53). 7) Герб г.Амстердам (без подставки, корона с наметом, щитодержатели хвостами вверх, низ щита растроен) с литерами **WK** (лигатура), типа Черчилля № 33-1697 гг., сходен с Диановой № 145-

1692г. (лл.54-6I, I40-I42). 8) Семь провинций с литерами AI (лигатура) и контрамаркой CDG (в две линии), типа Черчиля № 33 - 1697 г., сходен с Диановой № 88I - 1693г. и бумагой в рукописях ГБЛ, ф.2I8, Пост.1963г. № 65.I, ГПБ, ОЛШ, 476 (Ф-I), того же времени (лл.62-70, I37-I39, I43-I44, I5I-I58, I83-I87, 207-208, 2I3-270). 9) Шут с 5-ю, без литер и контрамарки, точно не атрибутируется (лл.77, 82-83). IO) Герб г.Амстердам (без подставки, узкая корона с наметом, щитодержатели хвостами вверх, низ щита заострен) с контрамаркой IR (в две линии), конец ХУП в., по датировке автора (лл.82-I00 - I-й вариант; лл.522-528-2-й вариант, с раздвоенным щитом). II) Герб г.Амстердам (без подставки, корона с широким наметом, щитодержатели хвостами вверх, низ щита заострен), близок типу Хивуда № 429 - 1665 г. (лл.I0I-II0, I23, I45-I50, 529-548). I2) Семь провинций с литерами SI (знак стилизованный), типа Гераклитова № 305-308 - 1697 г. Диановой № 880 - 1693г. (лл.III-I22, I26-I27, 44I-48I). I3) Литеры BR или BK, не атрибутируются (лл.I25-I25). I4) Лист о гравированной заставке Московского Печатного двора, мастер "Василий", на бумаге со знаком герба г.Амстердам (с подставкой, щитодержатели хвостами вниз?), с литерами AI (лигатура), сходен с листом ГБЛ Румянцева 364, 1690-е п.(Ф -II), типа Хивуда № 39I-1689 г. (л.I28). I5) Герб г.Амстердам (без подставки, корона с широким наметом и большим крестом, щит раздвоенный с колонками, щитодержатели хвостами вверх) с литерами PNAVS в картуше, сходна с БАН, Строг. 38, 1690-е п. (Ф-4); с Диановой № I95, I97 - 1689, 1690гг., типа Хивуда № 380-1685 г. (лл.I29-I36 - I-й вариант; 370-384 - 2-й вариант) I6). Шут с 7-ю, с контрамаркой IDM (в две линии), сходна с ЦГАДА, ф.18I, № 6II(Ф-I) и БАИ, I6, I2, I4, 1690-е п., типа Тромонина № 384-1676-82 п., Диановой № 479- 1684 г., Гераклитова № I386 - 1689 г. (лл.I59-169, I72-I82, 669-660). I7) Герб г.Амстердам (с подставкой, корона с наметом, щитодержатели хвостами вниз, щит заострен), с литерами AI (лигатура), сходна

с ГБЛ, ф. 218, Пост. 1963 г. № 65, I, 1680-е г. (Ф-4), типа Диановой № 178-1687 г., Хивуда № 391, 348, - 80-е годы ХУПв. (лл. 170-171). 18) Герб г. Амстердам, того же типа, что № 18 (срв. № 14), с контрамаркой RT (в две линии), 90-е годы ХУП в., по датировке автора (лл. 188-206, 209-212). 19) Почтальон с контрамаркой Рожок, типа Лауцявичуса № 2780 - 1685 г. (лл. 271-319, 324-334, 360-368). 20) Две переплетенные сферы (вензель?), первая половина 90-х годов ХУП в., по датировке автора (лл. 335-359, 369, 482, 492, 497-498, 610-611, 617, 661-664). 21) Гербовый щит-тарч с литерами МК (в две линии) на поле, литерой В (в две линии) над, - и розеткой под щитом, близок типу Лауцявичуса №№ 2985 и 2986 - 1672 и 1678 гг., Каманина и Витвицкой №№ 831-835 - 1665-1678 гг. (лл. 385-392, 493-496, 499-521, 609). 22) Щит с 7-ю, очень маленький, точно не атрибутируется (лл. 393-440). 23) Гербовый щит-тарч с наметом, литерами OL IB (в картуше) под ним, литерами $\frac{LG}{B}$ (в две линии) на поле щита, аналогов не обнаружено (лл. 549-595, с включением бумаги № 21). 24) Гербовый щит с загнутыми вверх в виде рогов углами, трехчастным полем с литерами А и Н (в две линии) в двух полях, нижнее поле перегорожено зубцами, над щитом шлем маркиза с наметом; контрамарка IDV (в две линии) в картуше, - знак не атрибутирован (лл. 596-608). 25) Щит с 7-ю, маленький, точно не атрибутируется (лл. 612-616, 618-630, 633-652, 665-674). 26) Гербовый щит-тарч с орлом под стилизованной короной, с литерами SH (в две линии), сходен с Ностица № 149 - 1698г. (лл. 631-632, 800-805). 27) Щит с 7-ю, большой, точно не атрибутируется (лл. 653-658). 28) Щит с 7-ю с контрамаркой ID, типа Гераклитова № 388 - 1692 г. По данным Клешикова, ст. II, № 120-123, эта контрамарка бытовала до 1692 г. 29) [Герб г. Амстердам] с контрамаркой GS (в две линии, большого формата), сходна с ЕАН, Строг. 38, 1690-е гг. (Ф-2), типа Вурна № 52-1693 г. (лл. 795-799). 30) Герб г. Амстердам (без подставки, корона с широким наметом, щитодержатели хвостами вверх, низ щита заострен), примерно

90-х годов XVII в., по атрибуции автора (лл.806,УП). Такое изобилие разной бумаги характерно для черновых автографов (срв., например, с Новгородской Забелинской летописью по рукописи ГИМ, Забел.261) больших исторических компиляций. Однако Солов.878/988 нельзя признать подобным автографом, поскольку между использованием разной бумаги и изменениями написаний единственного почерка не прослеживается связи, указывавшей бы на вставочный характер отдельных листов.

Максимально допустимое по палеографическим и содержательным признакам дробление рукописи позволяет выделить в ней 6 частей: I) Месяцеслов о весьма полном составе памятей (лл.1-65 об.); II). Оглавление Хронографа, не оконченное (лл.66-70); III). "Книга, глаголемая Гранограф", - обширная компиляция из Хронографа I и II-й русской редакции, Повести временных лет, "Синописа", включающая исторические повести широкого бытования, - с древнейших времен до 1453 г. (лл.1 - 527 об.; 76-596 об.⁹); IV) Записи церковно-исторического и исторического содержания (всероссийского характера) за 1458-1601 гг. (лл.527 об. - 540 об.; 597 об.-609 об.); V) Сказание Авраамия Палицына в окончательной редакции; текст передан довольно точно, наиболее близок к списку Е (ГБЛ, Егорова № 88 - 80-е годы XVII в) и также содержит добавочную 79-ю главу (лл.541-591 об.; 610-761 об.); VI) Летописец 1619-1691 гг. по пространной редакции (лл.792-736 об. 762-806 об.). По использованной бумаге все части рукописи связаны между собой следующим образом:¹⁰

Очевидно, что Ш, IУ и У разделы были написаны вначале, и к ним, с одной стороны, приписано продолжение в виде Летописца I6I9-I69I гг., с другой - Месяцеслов и оглавление Хронографа (которым пришлось дать собственную пагинацию, поскольку блок Ш-УI был уже пронумерован). Писец не имел солидных запасов бумаги (чем и объясняется множество знаков в рукописи) и, следовательно, кодекс был написан в сравнительно короткий срок (что подтверждается присутствием в разных частях одинаковых вариантов почерка и написаний). Это позволяет предполагать, что у лица, написавшего кодекс, имелось три источника: компиляция, оканчивающаяся Сказанием Палицына, Летописец и Месяцеслов. Означают ли палеографические выкладки, что Летописец не входил в состав Хронографа (точнее - исторической компиляции из двух редакций хронографа и других источников) в тот момент, когда начинал свою работу писец Соловецкого списка? По-видимому - напротив. Текст Летописца продолжастся на той же бумаге (№ 28), на которой списана концовка Сказания Палицына. Правда, этой бумаги не хватило (см. лл. 762-794), но писец, очевидно, видел размеры оставшегося текста и использовал для его окончания небольшие партии разномастной бумаги (№ 29 - лл. 795-799; № 26 - лл. 800-805; № 30 - л. 806). Поскольку С представляет собой беловик, это еще не свидетельствует о том, что Летописец являлся составной частью протографа компиляции, но текст его уже был у писца ко времени его работы над компиляцией. Также нельзя исключить из протографа и Месяцеслов, хотя он гораздо менее связан с Хронографом как по содержанию, так и по палеографическим данным.

Обратимся теперь к сборнику ГЕЛ, Никифорова 69, писанному на бумаге I четверти XVIII в. ^{II} одним почерком: четкой книжной раздельной скорописью с киноварными заглавиями и инициалами. Он имеет общее заглавие, свидетельствующее, что текст следует рассматривать как цельное сочинение, составленное не ранее I696 г., после

смерти Иоанна Алексеевича: "Летописец или краткое собрание из разных летописцев о начале словенороссийскаго народа и первоначальных князей: богоспасаемого града Киева первейшаго самодержца великаго князя Владимира и о наследниках благочестивыя державы его российскийския царствующаго града Москвы, даже и до пресветлаго и благочестиваго Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца" (л.1). Единство статей кодекса убедительно подтверждается единообразием языка и литературного стиля их изложения. Текст "Летописца или краткого собрания" в целом представляет собою сильно сокращенный вариант исторической компиляции, помещенной в рукописи Солов. 878/988. Первичность текста по Соловецкому списку становится очевидной при обращении к источникам компиляции, история текста которых хорошо известна, например, Синописису и Сказанию Авраамия Палицына: в абсолютном большинстве случаев Соловецкая рукопись передает оригинал много полнее и точнее, нежели Никифоровская. Никифоровская редакция компиляции представляет собою сознательно и весьма тщательно произведенную обработку более пространного текста, направленную не только на сокращение его за счет менее важных материалов, но и на придание тексту большей литературной стройности и публицистической остроты¹². Летописец 1618 - 1691 гг. в краткой редакции является неотъемлемой частью текста Никифоровского "Летописца" и имеет все литературные, лингвистические и содержательные черты этой редакции. Следовательно, он является производным от пространной редакции Летописца 1619 - 1691 гг. так же, как и вся компиляция.

Нам остается только решить вопрос, насколько текст Соловецкий рукописи отражает текст той пространной редакции, которая протографична Н. Для этого придется вновь обратиться к чудовской исторической компиляции. Ее текст по Никифоровской редакции в целом следует за текстом Соловецкого списка, основательно сокращая его, однако в ряде случаев (особенно в начале) содержит вы-

держки из некоторых статей Хронографа I редакции и других источников, целиком в нем опущенных: об Августе кесаре, зачатии св.Анны, рождестве Богородицы и житии Христа, крещении Руси от апостола Андрея Первозванного, о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбяди, о создании Киева, о племенах русских и славянских, "о олавенском языке и о российском", "о наречении Москвы, и народа, и царь-отвешного града" и т.п.¹³ Не исключено, что редактор вновь просмотрел источники компиляции для пополнения своего протографа, однако гораздо более вероятно предположить, наличие протографа более полного, нежели Соловецкая рукопись. Отсюда вытекают два вывода: во-первых, что в протограф компиляции по Соловецкому описку уже входил Летописец 1619-1691 гг. (и не входил Месяцеслов, не отраженный Никифоровской рукописью); во-вторых, редактор, работавший над Никифоровским списком, пользовался протографичным С текстом. Судя по разночтениям с Никифоровским, для Соловецкого кодекса пропуски характерны главным образом в первой части текста и заметно сокращаются к концу XVI в. Уже Сказание Авраамия Палицына приведено в Соловецкой рукописи довольно-таки полно и точно. Это заставляет полагать, что за исключением некоторых мало-значительных статей, не менее полно и точно должен быть передан в ней и текст Летописца 1619 - 1691 гг. Представляется маловероятным существование отличной от С протографичной H редакции или даже извода, так как в противном случае текстологическое соответствие списков значительно уменьшилось бы относительно существующего.

Из изложенного не следует, что выделение Летописца 1619 - 1691 гг. в качестве отдельного сочинения было ошибочным. В "Хронографце" чудовского иеромонаха Боголепа Адамова (впоследствии казначея этого монастыря, а затем епископа Великоустюжского и Тотемского), автограф которого датируется 1688 годом,¹⁴ в качестве главного источника использована та же чудовская историческая компиляция, которая отражена в Соловецком и Никифоровском кодек-

сах. Вместе с тем Боголеп, тесно связанный с чудовским скрипторием и сам владевший ценными рукописями,¹⁵ не располагал тогда Летописцем, который, очевидно, был создан позднее. Время написания Летописца нетрудно установить. Обратим внимание на то, что текст краткой редакции, созданной не ранее 1696 г. (скорее всего, до смерти Адриана, в последние годы XVII в.), доводит изложение до возведения Адриана на престол 24 августа 1690 г.; одновременно в С, который может быть датирован концом 1691 — началом 1692 гг., следующие после этого сообщения записи отличаются несвойственным основному тексту пространной редакции лаконизмом. Если учесть, что к моменту написания Белового Соловецкого списка существовал уже значительный по объему Беловик, с которым работал позже редактор, появление автографа пространной редакции следует датировать не позднее начала 1691 г. Весьма показательны также, что поставление киевского митрополита в Москве, — важнейшее событие в русской церковной и политической истории, плод длительных и тяжких дипломатических усилий,¹⁶ происшедшее всего через несколько дней после поставления Адриана, — отмечено в С без приличествующего случая восторга. Все это говорит за то, что Летописец был написан к восшествию на престол патриарха Адриана, и на этом событии для автора первоначального текста пространной редакции "история прекратила течение свое".

Таким образом, мы установили, что из двух редакций Летописца 1619—1691 гг. (вероятно, менять принятое в специальной литературе название не имеет смысла) первая — пространная — была написана в чудовско-летописном скриптории примерно к концу 1690 — началу 1691 гг. и началась статьей о возведении на патриаршество Адриана. Она послужила продолжением составленной там ранее (не позднее 1688 г.) обширной исторической компиляции и известна в одном списке (С), сделанном, как показал В.И. Бутанов, примерно в конце 1691 — начале 1692 гг. По-видимому, в том же скриптории на основе протографа списка С в послед-

ние годы ХУП в. была создана краткая редакция Летописца, дошедшая в беловом списке I четверти ХУШ в. (Н), публикуемом ниже. Редакции различаются не только по полноте, но и по характеру изложения, литературным приемам, особенностям языка и представляют собой законченные произведения чудовских летописцев. Изобилие уникальных источников, широкая осведомленность и тонкая наблюдательность патриарших книжников делают эти тексты ценными источниками политической истории России, важными памятниками развития русской исторической мысли и литературы. Введение в научный оборот краткой редакции сочинения расширяет возможности его источниковедческого анализа и дает новый материал для изучения отечественного летописания последней четверти ХУП столетия.

Примечания:

1. См.: Буганов В.И., Кучкин В.А. Новые материалы о московских восстаниях ХУПв. - "Исторический архив", 1961, № 1, с.151-153; Хрестоматия по истории СССР ХУI-ХУП вв. М., 1962, с.471, 509-513; Буганов В.И. Повесть о московском восстании 1682 г. - В сб.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; ПСРЛ, т.31, М., 1968, с.4-6, 180-20; Буганов В.И. Московские восстания конца ХУП в. М., 1969, с.29-31, 92-93, 98, 106, 112, 119-120, 145-147 и др.
2. См.: ПСРЛ, т.31, с.4-5; Буганов В.И. Московские восстания, с.29 и др.
3. Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы. - В сб.: Проблемы источниковедения, вып. IV, М., 1955, с.227.
4. Буганов В.И. Московские восстания, с.33.
5. Там же, с.32-34. ср.с.151, 164, 167 и др.; ср.: Буганов В.И. Летописные известия о Московском восстании 1682г. - В сб.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
6. Цитируется по С. Выделенные сообщения отсутствуют в Н.
7. См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящегося в библиотеке Казанской духовной академии. Ч.П, Казань, 1885, № 685, с.560-563.
8. ПСРЛ, т.31, с.5-6.
9. Первые цифры отражают собственную пагинацию рукописи, сделанную ее писцом (она использована и в ПСРЛ); вторые цифры - действительный счет листов.

10. Римскими цифрами обозначены части рукописи, арабскими — номера филиграней.
11. Знак Про патриа с контрамаркой CR показывает дату не ранее 1699 г. (см. Вурна с. 136, № 121). Изображение филигранны типа Вурна № 124—1710 г., однако знаки сходных типов встречаются и много позже (срв. там же, № 137 — 1746 г.). Контрамарка при этом знаке обычно изображается под короной, которая не просматривается в рукописи (возможно, она утрачена); без короны она отмечена Вурном при знаке Семь провинций (см. № 97 — 1726 г.).
12. В частности, из церковно-исторических и исторических данных общерусского характера в никифоровской редакции отобраны почти исключительно московские сведения
13. См. лл. 4 об.—8 об. и далее; ср.: Попов А. Н. 1) Обзор хронографов русской редакции. Вып. I, М., 1866, с. 127—129; 2) Изборник славяноских и русоких сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. I—3 и далее.
14. См.: ГБЛ, ф. 218 (собр. Отдела рукописей) Пост. 1963 г. № 65. I. лл. I—44.
15. См.: Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, опрашников и книгохранителей. Вып. I. А-Б. СПб., б/г, с. 128—129.
16. См.: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, Сергиев-Посад, 1914, с. 460—467; и др.

Приложение:

ТЕКСТ ЛЕТОПИСЦА 1619—1691 гг. ПО КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ

л. 96 об. В лето 7127-м июня в 24 день возведен бысть на превысочайший престол во царствующем граде Москве святейший Филарет патриарх московский и всея Великия России Феоданом патриархом святого града Иерусалима и всея Палестины, бывший прежде митрополит ростовский.

В лето 7133-м селтеврия в 18 день благоверный государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Великия России самодержец сочетался брачным венцем с царицею Мариною Владимировною Долгоруких. И по ненависти вражеской

порчен отравою прекратилася жизнь ея, проживе// малое время, точно три месяца и 19 дней, и преставися.

В лето 7133 жь, июля в Ю день, оуставися праздни- во Положения честныя и многоцелебныя ризы господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, иже есть хитон. Принесена же бысть во царствующий град Москву ис Персидския земли от Аббас шаха, царя персидскаго, в дары ко благочестивому и христоролюбивому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Великия России самодержцу в 13 лето благочестивыя державы царства его. И по свидетельству отца его государева по плотскому рождению и богомолца великого государя^х святейшаго кир Филарета Никитича московскаго и всея Великия^{хх} России патриарха в 6 лето патриаршества его, и всего освященнаго собора оустроиша ю на месте великим оукрашением, в сребрене ковчезе позлащенне, з драгими камени и бисеры, даже и до днесь стоит на уготованном месте во святей соборней и апостолстей церкви пренепорочныя владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии честнаго и олавнаго ея Оупения на первой стране оу западных врат;// притекающим же с верою всем

л.97об. православным христианом дарует исцеление.

В лето 7134 в Москве бысть пожар зело велик, в Кремле двор государев и в приказех книги писцовне земляные всего Московскаго государства, и градский, и дела приказныя всякия, и денежная, и золотая вся казна - погоре все без остатку^{ххх}.

Того ж году царь и великий князь Михаил Феодорович сочетася вторым законным браком с царицею Ефдокиєю Лукьяновною Стрешневых.

В лето 7135 родился благородная царевна Ирина Михайловна.

х Так в тексте

хх Слово вписано на поле другими чернилами и почерком.

ххх Первоначально написанное "остаку" исправлено другими чернилами.

В лето 7136 родися благородная царевна Пелагия Михайловна.

В лето 7137 родися благородный^X государь царевич и великий князь Алексий Михайлович всея России.

В лето 7139 преставися великая старица инокиня Марфа Иоанновна.

В лето 7142^{XX} октоврия в I день преставися святейший патриарх Филарет Никитич московский и всея России.

л.98

Того ж году бысть Шеина служба.

Того ж году марта в 27 день возведен бысть на пре-
высочайший патриаршеский престол святейший Иоасаф патри-
арх московский и всея России, бывший архимандрит в Симоно-
ве монастыре.

В лето 7146 Азов град взят бысть ^{XXX} донскими каза-
ки.

Того ж году зделан на Москве Земляной град.

В лето 7153 июля в 12 день преставися благоверный
государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея
России самодержец. А по нем восприя царский престол
Московского государства сын его государев благоверный
государь царь и великий князь Алексий Михайлович всея
Великия России самодержец. Царь Михаил царствовал 32
лета и 4 месяцы.

Того ж году августа в 18 день преставися благовер-
ная царица Евдокия Лукияновна.

л.98об.

В лето 7154 августа в 19 день во царство благочести-
ваго великого государя царя и великого князя Алексия
Михайловича всея России самодержца оуоставися празднество
пре-//чистой богородице и соборное моление, со святыми
иконами хождение во обитель, нарицаемую Донскую.

В лето 7156 царь и великий князь Алексий Михайлович
всея России самодержец сочетался браком с царицею

X

Слово вписано над строкой другими чернилами и почерком.
^{XX} Первоначальная дата "7140" исправлена чернилами правки.
^{XXX} Слово вставлено на поле чернилами правки.

Мариев Илиичнов Милославских.

В лето 7157 родися благородный царевич Димитрий Алексиевич.

В лето 7159 родися благородный царевич Алексий Алексиевич.

В лето 7160 апреля в 5 день пренесение мощей Иова патриарха московского и всея России.

Того ж году преставися Иосиф патриарх московский и всея России.

Того ж году июля в 9 день пренесение мощей Филиппа митрополита московского и всея России чудотворца из Соловецкого монастыря Никоном митрополитом новгородским.

Того ж году июля в 25 день возведен на патриаршеский престол святейший Никон патриарх московский и всея России, бывший митрополит Новаграда.

я. 99

В лето 7162 великий государь царь и великий // князь Алексий Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец поиде войною на полского короля Казимира, и победы, многи гради взя, и всю Польшу прошед, и с победою возвратися во свое царство.

Того ж году в Московском государстве и во многих окрестных градах бысть великое моровое поветрие по 165-й год.

В лето 7165-м июля в 10 день святейший Никон патриарх поиде с престола, оставль патриаршество, живе в Воскресенском монастыре до пришествия вселенских патриархов.

В лето 7169-м мая в 30 день родися благородный царевич Феодор Алексиевич.

Того ж году бысть смятение в человецех, в селе Коломенском погибе людей много. Безумнии человецы написавше по улицам в хартиях на бояр измену. И царским повелением мятежницы вси погибоша, тако бо богу изволившу.

В лето 7170 июля в 15 день повелением царевым

л. 99 об. предложился торг с медных на // серебряных денги. Торгу было на медных со 164-го году.

В лето 7175-м году родился благородный царевич и великий князь Иоанн Алексеевич.

В лето 7176-е октября в 1 день приидоша всеяленския патриархи: Паисий паша и патриарх Александрийский и судия вселенная, Макарий Антиохийский. Судия Никона патриарха, чесо ради паству остави, с престола сниде, — сана извергоша и в заточение послан на Белоезеро в Ферапонтов монастырь.

Того ж году изменник^X черкаской гетман Ивашка Мартинов сын Бржовецкой и бысть война с черкасы.

В лето 7177-е марта в 3 день преставися царица Мария Илична.

л. 100

В лето 7179-е изменник и крестопреступник донской казак Стенка Разин обманом град Астрахань взял и пресвященнаго Иосифа митрополита обнажа, сняв святительский с него сан и обругав его, нага оубил, бросил с роскату; и тако мученический венец примл, блаженную свою душу в руке богу предаде. Болярина и воеводу князя Иоанна Симеоновича Прозоровского с товарищи, и астраханских стрелцов, и градских жителей всяких чинов людей погубил, всех под меч поклонил. И ины многия низовыя грады поимал. Сам же поиман атаманом Корнеем Яковлевым и, привезен к Москве, по многом истязании кажен смертию, четвертован, и на колиях изчезе. И мятеж в народе оутолися, и бысть тишина.

В лето 7179 января в 22 день Алексей Михайлович всея России сочетался вторым^{XX} браком с царицей Наталией Кириловной Нарышкиных.

В лето 7180-м февраля в 17 день преставися Иосиф^{XXX} святейший патриарх московский и всея России.

^X Так в тексте; возможно, следует читать "изменил".

^{XX} Над строкой почерком XIX в. написано: "третьим" (ошибочно).

^{XXX} Первоначально написанное "Иосиф" исправлено чернилами правки.

Того ж году мая в 30 день родился благородный государь царевич и великий князь Петр Алексеевич всея России.

Того ж году июля в 7 день возведен на патриаршеский престол святейший Питирим патриарх, бывший митрополит Великаго Новаграда.

ж. 100об. //В лето 7181 апреля в 19 день преставился Питирим патриарх Московский и всея России.

В лето 7182 июля в 26 день возведен на патриаршеский престол святейший Иоаким патриарх московский и всея России, бывший прежде митрополит Великаго Новаграда.

В лето 7184 января против 30-го числа в 4-й час ночи преставился царь и великий князь Алексий Михайлович всея России. А по нем восприя царство Московское сын его государев, царь и великий князь Феодор Алексеевич всея России.

В лето 7188 июля в 18 день царь и великий князь Феодор Алексеевич всея России сочетался законным браком с царицею Агафиею Симеоновною Грушевских.

В лето 7189 июля в 14 день преставился царица Агафия Симеоновна.

Того ж году повелением царя и великого князя Феодора Алексеевича всея России Московского государства всяких чинов российским людям старого платья одворянок, фerezей никому носить не велено, //а велено платье носить всем служилое: исподнее с поясом, а верхнее без поясов, оу кого какое есть.

ж. 101

В лето 7190 февраля в 15 день царь Феодор Алексеевич всея России сочетался вторым браком с царицею Марфою Матфеевною Опраксих.

Того ж году апреля в 27 день в четверток Фомины недели преставился великий государь царь Феодор Алексеевич. А по нем восприя престол царства Московского великие князи^х Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы.

^х Первоначально написанное "великие государя царь и великий князь" исправлено чернилами правки.

Того пь году мая в 15 день бысть во царстве великий мятеж. Зломсленниа коварники сотворивше сумysl всеми полками, стрелцы болшим собранием приидоша во град Кремль со всех стран ратным строем вооружены, со знамены и борабаны, с кошии, с протазаны, с алебарды^х, с мушкеты и з бердыши, и стаха кругом царева двора, отыкався кошии и бердыши, яко к неприятельскому граду приступати хотящим.

я. ЮЮоб.

Тогда же // случившимся боляром всем и велможам, сидящим в царевых палатах о делах царских. И вопросы их болярин князь Иоани Андреевич Хованской: "Чесо ради таким великим собранием и шумом пришли?" Они же вси рекоша ему, гласи воскричавше, грозяще, да объявит им государя царевича Иоанна Алексиевича всея России, яко слышахом всеми полки: "нежив есть государь наш, оубиен от Нарышкиных".

Слышав же сия, болярин со скоростию побеже ко государем в Верх. И абие сниде к ним от великих государей по Красному крылцу к площади болярин Петр Михайлович Салтыков и вопросы их: чесо ради приход их? Они же ре(ко)ша ему: да объявят им государя царевича. И той такожде поиде в Верх. И потом сниде к ним великий господин святейший Иоаким патриарх: видя их смущающихся, нача оучити и плакаться пред ними, дабы во царстве пагубы не содеяли и от мятежа простили. Они же и в дело его не поставиша, вси воскричаша, яко: "Ты не глаголи ничто, не слушаем тя!" - Яко: "Лжу глаголеши нам!" - И хотяху его оубити. Он же отыде от них.

л. ЮЮ2

И по сем болярин // князь Иоани Андреевич Хованской паки сниде к ним и сказа им царев оуказ, дабы ожидали великих государей и: "Се грядет державнаго царя мати, благоверная царица Наталия Кирилловна." И великия государи изыдоша из своих царских чертогов за преграду на Красное крылцо з боляры и с велможи и стаха по обычаю царску на перилной стене оу столпа от Грановитой палаты. И рачь им, стрелцом, по их государскому оуказу боляре говорили. "Кто им возвестил, яко царевич Иоани^х Слово вставлено на поле чернилами правки.

оубиен бысть? Не имите веры людцим, о сем не смущайтеся, видите вси их, государей, царское здравие". Они же, видеша их, государей, с плачем от великой радости поклоняшася до земли, и знамена, и копия поклонили. И, постояв не на мног час, оучали бити челом и просити изменников-боляр и думных людей, называя их ворами. И начаша оукопий концы оусекати, дабы не долги были в малых храминах. А все вси возмутшася, забыв страх божий, преступиша крестное целование, велели оударить в барабаны въсполох и, средняго крыльца отвориша решетку, взидоша с копиями и з бердыши к ним, государем, на крылцо.

л. 102об. //Благодарная же царица, и великие государи, и вси боляле^х оупование возложиша на творца всех бога и на пресвятую богородицу христианскую помощницу, знаменався крестным знамением, вси глаголюще: "Воля божия да будет". И тако государи поидоша за преграду во своя царския палаты. За ними же и стрелцы, въскочивши за преграду, в первых похватиша ис- пред государей, яко волси агнца болярина Артемона Сергеевича Матфеева, держащего под руку благочестиваго государя царя и великаго князя Петра Алексиевича всея России, и, ухватя, влекуще за власы, торгающе и биюще. изведше ис преграды на крылцо Красное, бросиша чрез ограду на площадь стрелцом на копия. Потом же и прочих многих боляр и велможей побиха и извлекоша на площадь к Лобному месту. Внидоша же и в царский дом, хождаше со оружием по всем царским палатам, иде же сохителствуют великия государи, и благодарная царицы, и благородныя царевны, яко скоти бродяще без страха, нелешныя и срамныя испущающе гласы, ишуще ближних людей к преданию смерти. И бесермяне того не творят при своих государех, всегда со страхом // и трепетом служаху; сии же злокозненныя нарицаются христиане, а дело творят не убоясь страха божия.

л. 103

Благочестивая же царица и благородныя царевны, видя их зломятежное суровство, всю боязнь отложиши,

^х Так в тексте.

возложиша оупование на господа бога, и на пречистую богоматерь, и на всех святых молитвы (наипаче же благородная царевна и великая княжна Софья Алексеевна) и вси государи вкупе противу их, окаянных, нестыдными лицами, аки осужденницы или изгнанныя от нечестивых, вышли на Красное крыльцо, со слезами глаголюще: "Почто сей мятеж оучинился, кто вам помути, яко и дому нашему царскому на разорение придосте, еже чего от века не слыхано? Вы же что творите, паче иноплемени, супостат наших, содеваете нам?!" И говорила милостивыми, плачевными, оумилительными словеса, яко источницы слезы точаще пред ними, с великим оупрошением, дабы от мятежа и междоусобства отстали и к царским чертогам з безчестием и с шумом приходи престаи: "Унее бы нас, раб своих, господь бог, выдал в нечестивыя//руки салтану турецкому или королю полскому, и тии бо над нами честь и милость показали. Вы же нам преслушни явмотеся, никто наших царских чертогов не знал, вы же, самовольно ходяще во всех наших царских чертожных палатах, страх декще, с копии, и вопрошаете: отдайте изменников! Мы же таких не вемы, токмо видехом от вас всякаго безчиния, шуму и барабанного стучания в чертогах своих; колми болезненно сами к вам изыдохом, яко и солнце лиц наших не виде. Пожалуйте, оумилитесь над нами для образа пречистия владычицы наша богородицы, престаните от мятежа, оуже вы управилися с теми, кто вам досаден, кровь христианская вопиет к богу!"

л. 103об.

Оубийцы же злии оныя, лютейши разбойников и поганых нечестивых язык, и образ богоматере презреша, пред сим, и на умоление не склонишася, прошения царского не послушавше, озлобишася яко пси во время ловитства, воскресаша с прошением зелным о боярех и о велможах, нарицая изменниками, дабы их дати на смерть. И превратишася вси во свирепство, злосердием возгласиша гласы, // яко: "Ваша государская воля, изменников выдайте!" Великия же государи, видя их неуклонную злобость, отступиша от них, понеже им, окаянным, трижды поклонишася, но не

л. 104

упросиша, и поидоша во своя царския палаты. Они же, окаян-
нии, потом побиха множество боляр, в вельмож, и ближних
знатных людей. И прекратися мятеж не вскоре.

В лето 7191 ноемвриа в 26 день возгореся огонь из
трубы в царском доме, и прежде на патриарш дом, и по
Крестовой дойде до церкви Дванадесяте апостол, верхи
погореша. От великого же зноу возгореся святая соборная
церковь Оуспения пречистия богородицы: зайде огонь под
железную кровлю меж глав во птичье гнезда, и воспалиша-
ся вси древяння твердости. И велик жар бысть в соборной
церкви, вси мняще, яко пасться ей, понеже и пали кандили
многия, разгореша и понадаша. Святая же иконы местныя и
деисусы, пророцъ и пророков и прочия образы, и честныя
крести, и святых чюдотворцов раки с чюдотворными моц-
ми// святейший Иоаким патриарх изнесе со освященным
чином во святую соборную церковь архистратига Михаила,
и разницы, и книгохранительницы все что есть принесоша.
Зрящим тогда всем чюдеси и ужаса исполнилися, дивящися
на святую церковь, откуда таковое чудо содеяся и како
огнь зайде? Зело всем оужасно бысть. Оустрашися же и
святейший патриарх: став на паперти оу церкви собора
архангела Михаила оужасеся сердцем и восплаксася, видя
гнев божий, много ожидая, дондеже прекратися. И по воли
божии преста горети. И пакы изнесе вся в соборную цер-
ковь Оуспения пречистия богородицы, яко же и прежде
оучредив, понеже святая церковь невредима бысть, яко же
и ныне видим, но жар в ней бысть зело велик от верха.
По том покровена бысть белым кованым железом по желез-
ным дугам и решеткам.

Того ж году ианнуаря в 17 день в четвертом часу
дне явися знамение на небесв над царствующим градом:
круг великий светел, яко быти ему о всей Москве, видом
бел. На том же великом крузе кругл знамений, яко бузали
//по верви белее снега. Свет сяше в четырех местех: проти-
во востоку, другой - противу югу, или полудни, третий -
противу летняго западу, четвертый - противу севера.

л. 104об.

л. 105

И стояху кождо на своем месте, подобно яко оу града башни белы, и от них лучи белныя. Между же восточной и южной, в середине большого круга, поверх солнца дуга розными сияньи, рогами вверх от солнца. Солнце же сияше велми светло. Облаков же на небе не бысть, токмо мразно. И тако стояше три часа. Лицем же, смотря, дивящимся чюдодееанию божию. Потом же минуся круг великий, остана едино солнце сияше на вселенную, яко же и ныне зрим.

Того ж году бысть лето тепло и сухенно, дождя было мало по Ильин день. Овощ всякой родися рано, и на яблонях после первого плода был другой цвет и яблока были же, но зелены, до осени стало времени мало, не узрели. Такожде и ягоды малина, земляника после первого зрения второе цвели же, и ягоды были зрелые, но обаче их было // не много.

л. 105об.

В лето 7192-го февраля в 10 день царь Иоанн Алексеевич всея России сочетался венцем в законном браке с царицею Параскевою Феодоровною Салтыковых.

В лето 7197-го января в 27 день Петр Алексеевич всея России сочетался законным браком с царицею Евдокиєю Феодоровною Лопухинных.

Того ж году августа^х против осмага числа в шестом часу ночи царь Петр Алексеевич всея России поиде тайным обычаем со всем домом своим царским наскоро из села Преображенского в Троицкой Сергиев монастырь от изменников Федки Шаклсвитова с товарищи его единомысленники. И от них в измене он, Федка, обличен, что его, государя, хотели погубить, кажен смертию сентября во вторыинадцатый день сто девяносто осмага. Того ж числа князь Василей Голицына боярство отнято и послан в заточение // в Пустозерской острог со всем его домом на вечное житье, вместо смерти живот дан.

л. 106

Вскоре же и единомысленницы их, чернец Селиверстко да стрелцы Никитка Гладкой, Андрюшка Стрижев поиманы в Дорогобужском уезде в Бязикове монастыре, и привезены к Москве, и пытаны из Стрелецкого приказа, и казнены^х далее текст продолжается тем же почерком, более темными чернилами.

смертью ж.

В лето 7198 февраля в 19 день рождение благовернаго и благороднаго царевича Алексия Петровича всея России, а тезоименитство его государю во марта в 17 день.

Того ж году марта в 17 день преставися Иоаким патриарх московский и всея России.

Того ж году августа в 24 день возведен на патриаршеский престол святейший Адриан патриарх московский и всея России, бывший митрополит Казанский".

ГБЛ, ф. 199 (Никифоровское собр.), № 69, лл. 96 об.-106.

А.Н.Казакевич

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО А.С.ШЕИНА ПОД ВОСКРЕСЕНСКИМ
МОНАСТЫРЕМ О ВОССТАНИИ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ
1698 г.

5 июня 1698 г. в Торопце воютали стрелецкие полки, находившиеся на пограничной службе. Они двинулись к Москве, намереваясь расправиться с боярами - виновниками их бедственного положения, добиться удовлетворения своих требований. У стен Воскресенского Новоерусалимского монастыря они встретились с правительственными войсками, посланными на подавление восстания. В непродолжительном сражении 18 июня 1698 г. стрельцы были разгромлены. В этот же день А.С.Шеин начал следствие, которое закончилось в начале июля. Оно представлено лишь двумя делами, сохранившимися к настоящему времени - делом о челобитной воюставших стрельцов и краткой Выпиской из огромного делопроизводственного комплекса следствия¹. Во-первых, из показаний стрельцов, которые отражены в выписке, видно, что подследственные еще не успели выработать тактику закирательства и прямого обмана². Об этом свидетельствует тот факт, что стрельцы, по выражению Выписки, "облихования"³, т.е. выдали всех беглецов, бывших в Москве в апреле 1698 г. и отмеченных в росписи Стрелецкого приказа; следовательно, можно предположить, что и другие сведения о восстании, находящиеся в выписке, столь же достоверны.

Выписка представляет собой остаток весьма солидного архива следствия А.С.Шейна, т.е. она в определенной степени уникальна.

Выписка из розыска А.С.Шейна, была доставлена в Преображенский приказ из Разрядного приказа в 1721 г. Она была составлена в июле - августе 1698 г., что видно из датировки события - "в нынешнем 7206-м году", который заканчивался 31-м августа. В ней можно выделить следующие составные части:

1. Журнал похода войска под предводительством А.С.Шейна к Воскресенскому монастырю (л.2-8).

2. Выписка из следственного дела № 1, начинающаяся выдержкой из грамот, присланных в полк А.С.Шейна относительно производства следствия (л.8-22).

3. Выписка из следственного дела № 2, которая начинается с сообщения о грамоте из Стрелецкого приказа (получена А.С.Шейным 1 июля) относительно казни беглецов (л.22-33).

4. Выписка из следственного дела № 3, где отражены показания стрельцов относительно их письма А.С.Шейну (л.34-45).

5. Росписи казенных и сосланных в места предварительного заключения и пр. (л.46-51).

Выписка начинается с описания похода к Воскресенскому монастырю. Сначала цитируется указ от 11 июня 1698 г., в котором А.С.Шейну предписывается выступить в поход против восставших стрельцов⁴. В нем сообщается, что стрельцы отказались выполнить приказ правительства о переходе в "указные места" - города, где они должны были нести гарнизонную службу и ожидать дальнейших распоряжений начальства. Из него видно, что московским властям стало известно о том, что стрельцы выслали из своих полков командиров и вместо их выбрали своих товарищей (по 4 человека в полку)⁵. Причиной появления указа, который был использован в Выписке, явилось показание капитанов четырех стрелецких полков, которые были допрошены в Разряде 11 июня. Так, капитан полка Ф.А.Кол-

закова в своем допросе сказал: "В нынешнем в 206-м году июня в 6-м числе в Торопецком уезде на Двине реке, как сошлись вместе все четыре полки, и они де, стрельцы, у полковников знамена и пушки, и полковые припасы, и подъемные лошади, и денежную казну, и деншиков, и караульщиков отобрали, и олушать их ни в чем не стали. И полковники де им говорили, чтоб они шли в указные места о нами вместе, и они де им отказали - что де идут они к Москве, а в указные места не идут. А зачем в указные места не идут, того не оказали. И били в барабан зори и гасла, и подъем собор без полковничья ведома. И полковником, и подполковником, и капитаном от полков отказали, а выбрали из своей братьи по пятидесятников и десятников и рядовых по четыре человека по полку, и они де их и судят, и за караул оажат. И те де стрельцы о знаменах и о пушках и о всяких полковых припасах з Двины реки всех четырех полков пошли вместе, московскою большою дорогою"⁶.

В Записной книге Разрядного приказа за 1697-1698 гг., которую мы привлекаем для сравнения с Выпиской сохранившуюся в копии Г.Ф.Миллера, и начало стрелецкого восстания изложено довольно кратко. Сообщается лишь, что стрельцы "указу в.г. учинились олушны", в указные места, где они должны были продолжать свою службу, не пошли, "и виновных свою братью отстрельцов, которых за побег велено послать в разные города, не отдали"⁸. Возможно, что при снятии копии с Записной книги Г.Ф.Миллер не счел необходимым помещать в нее сообщение об указе 11 июня⁹. Но в отличие от Выписки, в Записной книге, сообщения которой о восстании заимствованы из материалов Разрядного приказа, присутствуют упоминания о беглецах, которым должны были выдать правительственным войскам восставшие стрельцы. По Книге, восстание произошло из-за того, что стрельцы отказались выдать тех из своих товарищей, которые ходили в Москву за жалованием; эта же версия прослеживается и в огромной массе документов Разрядного приказа, в которых нет даже намека на то, что беглецы являлись в то же время и вдохновителями движения. Из Выписки, в которой мы встречаем ссылки на

документы Стрелецкого приказа, видно, что восстание произошло из-за того, что стрельцы отказались идти в "указные места"; о беглецах было сказано лишь в описании следствия, при цитировании грамоты из Стрелецкого приказа, в которой предписывалось допросить их как возмутителей, руководивших стрелецким движением.

В отолпах Разрядного приказа есть документы, составленные ранее 11 июня и повествующие о восстании. Почему же в Выписке и в Книге они не нашли своего отражения? Для ответа на этот вопрос нам необходимо обратиться к первой отписке М.Г.Ромодановского, возглавлявшего тогда Новгородский полк, в котором находились четыре полка московских стрельцов, в Разрядный приказ, составленной 3 июня и поданой в последний 7-го¹⁰. Видно, что власти не удовлетворились первоначальными сведениями М.Г.Ромодановского и направили ему грамоту, где были изложены вопросные пункты, в соответствии с которыми боярин должен был оставить вторую отписку, более вразумительную. Из отписок действительно неясно, идет ли речь о восстании, или о каких-то волнениях, связанных с отказом стрельцов выдать беглых; да и стрельцы, хоть и не выдали их, но все же пошли в "указные места".

Далее в Выписке, после обобщения об указе 11 июня, следует описание похода солдатских полков под руководством П.Гордона, который вышел из Москвы 15 июня¹¹. 16 июня он был уже в Тушине, куда в этот же день подошел и А.С.Шенин.

В Выписке при описании похода правительственных войск, направленных на подавление восстания, имеется ссылка на "ведомости" - "а по ведомостям против и тех противников идти и самому ему, боярину и большого полку воеводе"¹²; "по ведомостям, что те ослушники и противники стрелецкие полки прошли Волок Ламской"¹³. Эти документы сохранились в Разрядном приказе и представляют собой показания стремянных конюхов, которые выполняли сопряженные с риском обязанности разведчиков. Первое упо-

минание о них мы находим под 8 июня 1698 г., еще до прибытия капитанов в Разряд. В этот день был послан в разведку конюх Тимофей Красный, обязанностью которого, как и других, было: "просматривать искусно, какие люди встречатца станут, и куда идут, и что говорят. Приехав во Ржев, разведать искусно, нет ли каких пришедших людей из стрельцов, и Иванов полк Черново во Ржев приехал ли? И буде пришел, что стрельцов в том полку и в каком поведении? А буде тот полк во Ржев не пришел, а по ведомостям идет, и ему день или другой подаждать; а дождався, просмотреть искусно, в каком поведении тот полк. А самому ему о полковнике, и о капитанах, и стрелцам не выдатца и ничего с ними не говорить, изо Ржеви ехать к Москве наскоро... Назад едуча, дорогою смотреть прохожих, кто и отколь идут или едут, и прислушать, что говорят"¹⁴. Это занятие было довольно опасным. Так, стремянный конюх Наум Кандауров 16 июня показал в Разряде, что близ села Погорелова его задержали стрельцы и стали допрашивать о пристрастием, видимо, догадываясь о его поручении ("знать де ты Преображенской солдат, или гонец, едешь для проводывания про нас"¹⁵) и жалая, что отпустили прежнего разведчика. Восставшие интересовались положением в Москве, но Н.Кандауров ничего определенного им не оказал. Дополнительной их обязанностью было задержание отдельных стрельцов и их незначительных групп, о чем свидетельствует упоминание в Выписке о присылке в полк А.С.Шейна четырех стрельцов с письмом, которых взяли именно стремянные конюхи. Посмотрим, как этот эпизод излагается в Выписке и Записной книге:

Выписка

И не доходя Воскресенского монастыря, прислал к нему, боярину и большого полку воеводе, генерал Петр Иванович конюшенного чину с людьми тех стрелецких пол-

Книга (отписка А.С.Шейна)

...и прислали ко мне, холопу твоему, те стрелецкие полки ис полков своих четырех человек стрельцов. И те их присланные к мне, холопу твоему, говорила, чтоб их пропус-

ков 4-х стрельцов о письмом к нему, боярину и воеводе, в полк. И те присланные стрельцы 4 человека подали ему, боярину и воеводе, письмо, и били челом в.г., чтоб в.г. пожаловал их, указал пропустить их к Москве бить челом о нуждах своих и для свидания жен и детей. И боярин и большого полку воевода тем стрельцом отказал, а велел их взять к себе в обоз¹⁶.

тить к Москве, а в указные места им не идти. И я, холоп твой, говорил, что им к Москве идти не для чего, а шли бы они в указные места, где им по твоему в.г. указу быть велено, безо всякого отговору и противности. И виновных де, до которых дошло дело, беглецов и заботчиков, которые были на Москве, отдали. И они оказали, что они в те указные места не пойдут, и виновных не отдадут, а пойдут прямо к Москве.

Из приведенного сравнения видно, что в Записной книге отсутствует упоминание о П.Гордоне; нет в ней также никаких сведений о письме, о котором были посланы стрельцы. Получается, что стрельцы-делегаты восставших вели о А.С.Шейным какие-то переговоры. Между тем, это далеко не так. А.С.Шейн (или составитель Книги) не использовал при составлении документа весьма значительный отрывок текста первоисточника Выписки - от слов "и пришел он, боярин..." до "стали под слободою в дугах обозом"¹⁸, в котором говорится о переговорах четырех стрельцов о Гордоном, а не о Шейным.

В Выписке далее сообщается о приходе войска А.С.Шейна 17 июня под Воскресенский монастырь и переговорах о восставших в этот день генерала П.Гордона, переговорах и сражении 18 июня. В Записной книге все это значительно сокращено. Отсутствует в ней сообщение о посылке для переговоров 18 июня кн. И.М.Кольцова-Мосальского.

Как в Выписке, так и в Записной книге сообщается,

что первый выстрел был сделан артиллерией А.С.Шенина. Но из первого документа видно, что цель его заключалась в том, чтобы утрашить стрельцов¹⁹, которые, однако, не испугались, и, в свою очередь, открыли огонь по правительственному войску, убив при этом артиллериста -иноземца и ранив двух подъячих и солдата. Этого нет в Книге.

Далее в указанных документах следует описание сдачи отстрельцов, одинаково в них изложенное. На этом заканчивается отписка А.С.Шенина, изложенная в Книге. В Выписке же под 18 июня сообщается о посылке в Разряд указанной отписки²⁰.

Далее, во второй части Выписки в Книге передаются охотние по содержанию документы. В Выписке цитируются грамоты, полученные А.С.Шениным 20 июня из Разряда и Стрелецкого приказа, по-видимому, о одних и тех же распоряжениях о производстве следствия²¹. В Книге же излагается более раннее по происхождению постановление боярской думы (от 19 июня 1698 г.) о посылке только одной грамоты из Разряда в Воскресенский монастырь (передается ее содержание)²². В указанных документах предписывается, прежде всего, допросить выборных, сведения о которых были получены в Разряде 11 июня от капитанов, и, установив их связи с другими лицами и выяснив намерения стрельцов, предать казни, и затем снять показания о 80 других стрельцов. На этом заканчивается изложение грамоты из Разряда в Выписке²³. В Записной же книге далее следует распоряжение о формировании конвоя из офицеров, солдат и монастырских служек (отсутствующее в выписке), а также "милостивое слово", написанное от имени Петра I и посланное А.С.Шенину 19 июня с окольным кн. Ф.И.Шаховским, которыми и заканчивается в ней изложение документов, имеющих отношение к восстанию 1698 г.

Из сравнения Записной книги и Выписки выясняется одна важная деталь. При составлении первой были использованы документы, находившиеся в Разрядном приказе. Для составления же второй брались документы подобного же

содержания, но принадлежавшие войску А.С.Шейна (или вернее, архиву Иноземского или Рейтарского приказов, судьей которых был упомянутый полководец). Доказательством этому служат разница в датировке одних и тех же документов. Так, А.С.Шейн, согласно Книге, писал отписку в Разряд 19 июня; этот же документ датируется Выпиской 18-м числом; то же самое можно оказать и о распоряжении боярской думы (соответственно датированных 19 и 20 июня). Эта разница объясняется тем, что документы, полученные учреждением, датировали временем их приема; документы же, отправленные А.С.Шейным, датировались временем их отправления.

В Записной Книге, после описания восстания, следует ссылка на статейный список²⁴ похода А.С.Шейна и его следствия. Из нее видно, что окольнику Ф.И.Шаховскому (который ездил в Воскресенский монастырь с "милостивым словом") было дано распоряжение составить этот список за приписью дьяка Разрядного приказа И.Алферьева, который был с ним, и подать его затем Т.Н.Стрешневу. Рассматриваемая в настоящем исследовании Выписка не является оригиналом статейного списка, так как такой приписи не имеет.

В Выписке после изложения грамот следует подробное описание розыска. Вначале стрельцам была зачитана выдержка из грамоты, в которой их призвали выдать руководителей движения. Затем по полковым спискам, не дошедшим до нас, производилась переключка и опрос стрельцов, которые, по выражению Выписки, "облиховали" активных участников движения. У производивших переключку были на руках росписи тех, кто бежал в Великий Пост в Москву, составленные в Стрелецком приказе. Как видно из Выписки, стрельцы назвали еще имена тех, кто подстрекал их идти к Москве, раздавали порох и выполняли подобные же поручения. После результатов "облихования" следуют выписки из допросов облихованных — выборных четырех стрелецких полков, затем из показаний тех 27 стрельцов, которых они выдали как "пушких воров и заветчиков". Особо выделены показания стрель-

цов полка А.А.Чубарова В.Тумы, Б.Прокуракова, И.Шолудяка. 27 допрошенных, в свою очередь, выдала 16 человек, "бегавших" в Москву в великий пост 1698 г., выписка из показания которых следует далее²⁶.

Затем следует выписка из допросов 13 стрельцов, которые в Выписке были выделены на том основании, что они, хотя и признали свое участие в сражении, но при этом не вниклись в том, что намеревались расправиться о боярами. Но, как обнаруживается из последующих допросов сентябрьского розыска, некоторые из них все же признавали стрельцов, по приходе в Москву убить правителей. Так, С.Микифоров в розыске П.И.Прозоровского показал, что близ Волока Ламского А.Гусев, С.Телов, Н.Оруля говорили: "Хорошо бы управиться о боярами для того, что посылают их на олузбу непорядочно - не служба де, ни без олузбы, лишь волочат"²⁷; указанная тройка числилась в описке 13 допрошенных в июне 1698 г. То же самое показал а стрелец Я.Рыбников²⁸.

Далее в Выписке следует запись об казни 56 отрядов 22 и 28 июня 1698 г.

Третья часть Выписки начинается о сообщения о грамоте, присланной А.С.Шейну из Стрелецкого приказа, в которой находилось распоряжение о казни, помимо руководителей движения, беглецов, чья роль как зачинщиков "бунта" к тому времени была вполне осознана правительством. Указанный документ был получен 1 июля. В Выписке, в связи с этим, приводится роспись казенных беглецов, данные которой разнятся с другой росписью беглых, помещенной во второй части:

Полки	Беглецы	
	2 часть	3 часть
Чубаров	65	81
Колзакова	31	41
Черного	14	17
Гундертмарка	5	6
Итого:	115	145 ²⁹

Затем, в третьей части Выписки сообщается, что 22 и 28 июня было казнено не 56 человек, а 48. В ней также более определенно говорится, что одни стрельцы были казнены за участие в побеге, другие — по розыску:

Полки	Казнено			
	беглецов		по розыску	
	2 часть	3 часть	2 часть	3 часть
Чубарова	27	—	1	28
Колзакова	2	—	6	7
Черного	9	—	2	4
Гундермарка	5	1	4	8
Итого:	43	1	13	47

Далее, третья часть Выписки лучше и детальнее, хотя и не совсем полно, отразила показания стрельцов, о которых лишь мельком сообщается во второй части:

2 часть Показания И.Шолудяка 3 часть

...с пытки говорил, что было притить им к Москве и учинить бунт, и побить бояр, и засесть Москву. А думал де он, что засесть Москву один³⁰.

Да у розыску в роспро-сех и с пыток говорили: Чубарова полку Ларка Шелудяк: к Москве де он шол для бунту и побиения бояр, а говорил он те слова с Артышковым Масловым, с Федудейковым Ботеем, с Блесковым Пестряковым. И большого полку с ратными людьми бой хотели дать они, Артышка и Федудейко, и порох для стрельбы взяли в Черном полку. А как де они шли на Воскресенской монастырь и уведали, что на них идут большого полку ратные

люди, и он де, Артюшко, говорил, чтоб Воскресенской монастырь обойтить, и хотела занять Савинской монастырь. А Елеска Пестряков против бошого полку ратных людей кричал ясаком: "Сергиев"!, и в кругах был³¹.

А после того он, Ларка, с них, Артюшки Маслова, и о Федудейки Батея, и о Елески Пестрякова о побниения бояр заговорил, что он затеял на них напрасно. И он, Ларка, пытан, и огнем зкен, и о пытки их очистил же. И за то он, Ларка казнен смертию и писан выше сего³².

Вторая часть Выписки, однако, не исказила смбод и передала лишь окончательный результат допроса, отраженный детально в третьей части.

В третьей части дополняются весьма существенным образом показания и других стрельцов. Так, в ней приводится сообщение стрельца Д.Скобельникова о том, что "пушкарь стрелял в большой полк за ево истрастием"³³. За это стрелец был казнен ("И Митька за пушечную стрельбу, что он пушкарю велел стрелять поневоле, и за умысл о убиении бояр казнен смертию"³⁴). Между тем, во второй части его показания соединены с показаниями 26 других стрельцов четырех полков, которые были выданы выборными. Согласно 3 части, Д.Скобельников был выдан не выборными, а во время смотра ("на смотре оказали, что велел стрелять вс пушки пушкарю неволею Микитка Скобельняков"³⁵).

После допросов стрельцов, помещенных после государственой грамоты следует новая выписка из показаний стрельцов о письме, которое было подано четырьмя выборными 17 июня боярину А.С.Шейну. Она начинается с оглавления, в котором сообщается о подаче письма за подписями других стрельцов и об отсылке списка с него в Стрелецкии приказ

(это оглавление в Выписке находится на отдельном столбце)³⁶. Далее следует текст письма, которое почти полностью совпадает с тем экземпляром, который подал И.М.Кольцову-Мосальскому стрелец В.А.Зорин³⁷. После него приводится выдержка из грамоты Стрелецкого приказа, в которой предписывалось допросить стрельцов относительно сообщения письма стрельцов о том, что М.Г.Ромодановский собирался изрубить стрельцов по выходе их из Торопца (об этой грамоте в Выписке уже упоминалось выше; она, как известно, была получена вместе с грамотой из Разряда 20 июня). Согласно распоряжению, изложенному в этой грамоте, было допрошено 54 человека - десятники и пятидесятники, а также те, которые несли письмо. Особо выделены показавшие сотенного полка А.А.Чубарова И.Клюкина, пятидесятника Ф.Е.Троицкого, рядовых П.Михайлова, Г.Иванова, а также А.Феоктистова и Я.Матвеева³⁸. Как видно из содержания их показаний, особого следствия об истории составления письма, как это наблюдалось в отношении челобитной, не производилось. Об этом, в частности, свидетельствует помещенная в Выписке выдержка из допроса стрельца Г.Иванова. После его показаний следует сообщение о его казни за "воровство", а за что - и то писано выше сего". Действительно, мы находим его имя в той части Выписки, где передаются допросы стрельцов, которые признавались в бунте, но не сознавались в своем намерении убить бояр³⁹. В показаниях Ф.Е.Троицкого находятся сведения не только о содержании и истории составления стрелецкого письма. Составитель рассматриваемой части Выписки передал, по-видимому, весь его допрос, поменяв местами его части - распросные и приточные речи. Содержание его распросных речей близкое к показаниям Л.Шолудяка и А.Мислова, находящимся в третьей части Выписки:

Ф.Е.Троицкий

...в распросе говорил: как де им ведомо учинилось большого полку ратных людей, и прошед Волок Дамской, говорили всеми полками, чтоб итить на Звенигород, и к Москве на Дорогомиловскую слободу, и пришед под Дорогомилову слободу, стать на Девичье поле, уомотря, в котором месте пристойно. А иные де говорили, чтоб им итить в Москву просто, буде пустят. И говоря, тот путь ототавили и пошли прямо дорогом на Воскресенской монастырь⁴⁰.

Л.Шолудяк

А как де они шли на Воскресенской монастырь, и уведали, что на них идут большого полку ратные люди, и он де, Артышков, говорил, чтоб Воскресенской монастырь обойти и хотела занять Савинойкой монастырь⁴¹.

А.Маслов

...говорил: послыша про приход большого полку ратных людей, хотели к Москве обойти проселочной дорогом на Звенигород, чтоб сооры о нами не получить, и притить к Москве для свидания з женами⁴².

Из сравнения выясняется, что их показания о походе составляли особую группу, тем не менее соединенную с первыми в недошедшем до нас подлиннике следственного дела под Воскресенским монастырем. Наконец, следует отметить и тот факт, что начало общего ответа 54 допрошенных о письме сходно с показаниями выборных во второй части Выписки:

Показания выборных

В выборные они были по неволе пуших завоetchиков Афонасьева полку Чубарова и иных полков стрелцов Бориски Проскурякова с товарищи. А против ратных людей боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина с товарищи

Показания 54-х

...в распросе и с пыток говорили: к Москве де они пошли по неволе пуших во ров и завоetchиков, беглецов Бориски Проскурякова с товарищи, и против ратных людей боярина и большого полку воеводы Алексея

упорно стояли для того, что есех полков беглецы, которые были на Москве, говорили...⁴³

Семеновича стояли упорно за страхом тех же беглецов⁴⁴.

Далее, после выписок из показаний о приеме помещены росписи стрельцов, посланных в места их предварительного заключения - в разные монастыри и города. Известно, что были составлены именные списки 1987 стрельцов, но они не сохранились. Впрочем, восстановить их содержание довольно легко по соответствующим материалам, находящимся в начале столпов сентябрьского, октябрьского и январского розысков 1698-1699 гг. Не сохранились росписи церковной утвари, денежной казны, оружия, боеприпасов и прочего имущества восставших полков, посланного в Стрелецкий приказ с сопутствующими отписками и росписками⁴⁵. Завершается Выписка сообщением о заключении в Воскресенском монастыре В.А.Зорина и трех других стрельцов для предстоящего розыска "по особному делу до указа великого государя"⁴⁶. Нет никакого сомнения, что под ним составители Выписки имели в виду новое следствие о челобитной стрельцов, поданой В.А.Зориним 18 июня.

Как видно из материалов последующих розысков, Выписка не использовалась при проверке данных сообщенных стрельцами на следствии. Для этого следователи предпочитали обращаться к первоисточникам, которые были положены в основу рассматриваемого документа. Выше было упомянуто о существовании особого разборного списка, о котором сообщал пятидесятник полка А.А.Чубарова, Я.Алекеев. В ходе октябрьского розыска 1698 г. при допросе стрельца В.С.Богданова возникла необходимость для проверки фактов, им изложенных, обратиться к материалам розыска под Воскресенским монастырем ("А в книгах, каковы присланы в Стрелецкой приказ из Иноземского приказу, написано: Афонасьева полку Чубарова стрелцы 5 человек"⁴⁷ в противность под Воскресенским ранены, и от ран померли, и в том числе написан вышписанный стрелец Васка Софронов прозвище Богданов"⁴⁷). В материалах розыска Ф.Д.Ромодановского

есть ссылка на "отопл розыскных дел" Иноземского приказа; из него приводятся цитаты относительно результатов "разбора" после сражения, в которых сообщается о стрельцах В.Романове, М.Л.Брагине, Т.Максимове, "облихованных" оводими товарищами - первые двое были на Москве в челобитчиках, третий же бежал из полка и остался в Зубцове. Ссылку на материалы розыска А.С.Шейна мы встречаем в д.12/91 - в списке малолетних стрельцов, битых кнутом. Некоторые из них, как сообщается в деле, оказали, что они уже были наказаны под Воскресенским монастырем. Для проверки был послан запрос в Иноземский приказ, а также и в Стрелецкий, откуда и выдана соответствующая выписка из розыскного дела.

После январского розыска 1699 г. должна была последовать казнь стрельцов С.Чуры и И.Окоякишникава. На ее месте они заявили, что в восстании они не участвовали, так как сдались стремянным конюхам, посланным из Тушева для разведки. От казни они были немедленно взяты, после чего следователя розыскали конюхов, которые подтверждали показания стрельцов; также были представлены выписки из следственного дела под Воскресенским монастырем, где сообщалось о результатах смотра после сражения 18 июня. Для этой цели просмотрены были и особые списки тех, кто приходил перед сражением к шатру А.С.Шейна или П.Гордона и там записывался ("А про Сенку Чуру всем полком стрельцы на смотре сказали, что он, Сенка, бежал с дороги и по той скалке он, Сенка, написан с беглыми. А с дороги он, Сенка и Невка, из своего полку ушедши, в большом полку в разрядном шатре не объявлялись, а записка им в том, и распросных речей не было"⁴⁹). Подобные же ссылки на несохранившиеся дела розыска под Воскресенским монастырем мы встречаем после показания стрельца А.Булатного от 27 сентября 1698 г.⁵⁰ Таким образом, в результате исследования выясняется следующее. Выписка из следственного дела под Воскресенским монастырем является ценным и уникальным источником, что видно из ее сравнения с Записной книгой Разрядного приказа за 1697-1698 гг. В ее основу была по-

ложена не только делопроизводственная переписка, но и колоссальный массив следственной документации, к тому времени еще окончательно не обработанной. Выписка дает возможность восстановить ход следствия, его основные этапы - смотр, где были выявлены руководители движения, и собственно розыск, во время которого допрашивались "пушье воры и бунтовщики", и другие стрельцы, принимавшие активное участие в восстании. Выписка не отразила никак следственное дело о челобитной московских стрельцов - программного документа восставших.

Примечания:

1. ШГАДА, Госархив, ф.6, д.12/60, лл.1-82.
2. Яркий пример этой тактики показала группа стрельцов, находившихся в Новоспасском монастыре, которые, в ходе розыска 14-15 октября, пытались оговорить солдат Преображенского полка как соучастников восстания.
3. "Восстание московских стрельцов 1698 г." "Сб. док. тов. М., 1980, с.56.
4. В этот же день в разные города были посланы указы аналогичного содержания о мобилизации дворянского войска; в Москве же, по сообщениям И.Хелябужского, "июня в 11 день сказана сказка стольникам и стряпчим, и дворянам, ...чтоб имена их запищивали в Разряде для того, что в нынешнем 7206-м году своим самовольством, без указу в.г. идут с службы с Великих Лук 4 приказа стрельцких, поклянув своих 4-х полковников; а вместо тех полковников выбрали они, стрельцы, из своей братьи начальных людей четыре человека, и идут к Москве собою для волнения и смуты, и прелести всего Московского государства" (И.Хелябужский. Записки. М., 1841, с.53). Летописец, составленный Ф.Поликарповым (ШГАДА, ф.181, д.349) не вполне точно отражает события; так, в нем говорится, что стрельцы выбрали по два человека урядников (д.441 об.). См. о нем у А.Н.Насонова - "История русского летописания". М., 1969, с.491 и у С.Л.Пештича "О новом периоде в русской историографии и о так называемых официальных петровских летописцах" - ТОЛРЛ, М.-Л., 1960, т.16, с.314-322.
5. "Восстание...", с.53.
6. ШГАДА, ф.210, Новгородский стол, д.242, л.39-40. См. также: Устрялов Н.И. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т.3, с.166.
7. Записная книга дошла до нас в копии, сделанной для Г.Ф.Миллера (ШГАДА, ф.199, № 130, ч.15, д.2). Записям о стрельцком восстании и его подавлении, а также последующему розыску отведены л.27-37 об.). Сообщение об указе от 11 июня в ней отсутствует; его мы находим

в начале выписок, составленных по распоряжению Петра I после 1715 г. и в дальнейшем изложении представляющих собой копию Записной книги 1698 г. (ШГАДА, ф.248, д.650, л.582-587; копией его является выписка ШГАДА, ф.181, д.346).

8. ШГАДА, ф.199, № 130, ч.15, д.2, л.27.

9. Л.Ф.Кузьмина, исследуя Записные книги в копиях Миллера, установила, что в последние пометались только наиболее важные документы.

10. ШГАДА, ф.210, Приказной стол, д.2042, л.1-7 (далее, на л.8-38 помещены грамота М.Г.Ромодановскому и его вторая отписка).

11. "Восстание"... с.53.

12. "Восстание"... о.53.

13. "Восстание"... с.53.

14. ШГАДА, ф.210, Новгородский стол, д.242, л.17.

15. Там же, л.17.

16. "Восстание"... с.54.

17. ШГАДА, ф.199, № 130, ч.15, д.2, л.28.

18. "Восстание...", с.54.

19. Согласно П.Гордону, это был перелет, и никакого "гуманизма", следовательно, в первом выстреле не было (А.Брикнер. П.Гордон и его дневник. СПб., 1878, с.104).

20. "Восстание"... с.55.

21. Там же, с.55-56.

22. ШГАДА, ф.199, № 130, ч.15, л.28-30.

23. "Восстание...", с.56.

24. ШГАДА, ф.199, № 130, ч.15, д.2, л.37 об.

25. "Восстание...", с.244.

26. Там же, с.59.

27. ШГАДА, Госархив, ф.6, д.12/305, л.10.

28. Там же, лл.11-12.

29. Это же число было названо Н.Г.Уотряловым (Ук.соч., с.169); в остальном же он доверял второй части Выписки.

30. "Восстание...", с.59.

31. "Восстание...", с.61.

32. Там же, с.62.

33. Там же, с.62.

34. "Восстание...", о.62.
35. Там же, с.62.
36. Там же, с.63.
37. ШГАДА, Госархив, ф.6, д.12/60, л.34-37.
38. "Восстание...", с.65-66.
39. Там же, с.59.
40. Там же, с.65.
41. Там же, с.61.
42. Там же, с.61.
43. Там же, с.57.
44. Там же, с.64.
45. Там же, с.67.
46. Там же, с.68.
47. В Выписке упомянуто то же число раненых ("Восстание...", с.60).
48. ШГАДА, Госархив, ф.6, д.12/174, л.138.
49. Госархив, ф.6, д.12/125, л.1.
50. Там же, д.12/230, л.98.

И.А.Гилязов

ОПИСАНИЯ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ
КАК ИСТОЧНИК О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ ХУШ в.

Вторая половина ХУШ в. в истории России ознаменована важными изменениями в экономической жизни: быстрым ростом товарно-денежных отношений, проявлением черт нового буржуазного строя, дальнейшим проявлением географического разделением труда. В это время проявляется неослабный интерес к вопросам экономического развития, в том числе и сельского хозяйства, со стороны как правительства, так и ученых кругов. Именно во второй половине ХУШ в. молодая сельскохозяйственная наука начала конкретное изучение различных районов государства, почв, растительности, трудовой практики народов, выгодности сельскохозяйственного производства. Это изучение прослеживается в деятельности Вольного Экономического общества (возьмем, например, опубликованные в "Трудах ВЭО" изыскания А.Болотова, И.Комова, П.Рычкова и др.)¹ Большой интерес для историков представляют и материалы экспедиций Академии наук, ставившие целью комплексное экономико-географическое изучение страны² а также анкетных обследований, проведенных в это время³.

Среди известных источников свое место занимают раз-

ного рода описания губерний, составленные в основном в 60-80-е гг. ХУШ в. Представляется, что в сейчас трудно переоценить значение этих описаний для социально-экономического изучения регионов России. Это видно по описаниям отдельных губерний, в частности, двух средневолжских, Казанской и Симбирской, к которым мы обратимся.

Советские исследователи неоднократно и неслучайно прибегали к материалам этих источников (более всего топографических описаний 80-х гг. ХУШ в.). Так, например, на важность их изучения указывали К.В.Сивков⁴ и Н.Д.Рубинштейн⁵. Из поволжских ученых много данных из описания Симбирской губернии использовал при написании своей монографии А.В.Клячкин⁶ и др.

Ученые, обращаясь к описаниям губерний той поры, соблюдали историю в их прочтении, ибо источники зафиксировали территориальное деление своего времени. Если мы обратимся к административному разделению Среднего Поволжья, то выясним, что в 60-70-е гг. ХУШ в. практически весь этот регион входил в состав Казанской губернии; интересующая нас также Симбирская губерния была образована лишь 15 сентября 1780 г., а до этого времени была Симбирской провинцией Казанской губернии.

Составление описания губернии во 2-ой половине ХУШ в. всячески поощрялось и поддерживалось в правительственных и академических кругах. И неслучайно, что сохранились тексты этих описаний в центральных архивах, архивах Москвы и Ленинграда⁷.

Первые статистические итоги о социально-экономической жизни губерний время от времени подводились губернскими канцелярскими и содержались в текстах губернаторских отчетов. Эти отчеты были разного характера, имели разные цели, не всегда содержали сопоставимые данные. Однако уже первое (хронологически) описание Казанской губернии содержало ценные данные по географии и экономике губернии⁸. Этот документ был составлен в мае 1767 г. в

канцелярии казанского губернатора, пост которого в это время был принят А.Квашниным-Самариным. Весьма подробно в донесении описаны административно-территориальное деление Казанской губернии, границы ее провинций и уездов, а также численность различных категорий населения. Большой интерес для социально-экономического изучения представляют таблицы о собираемых в Казанской губернии податях в 1767 г. Мы узнаем не только о размерах податей, но и об общих суммах денег, собранных с различных податных сословий. Одновременно проливается свет на численность населения и территории, им занимаемые. С купечества и цеховых в Казанской провинции собиралось сорокоалтынной подати 2321 руб.60 коп., о помещичьих, дворянских и экономических крестьян семигривенной - 75576 руб. 20 коп. Заметим, что подавляющее большинство нерусского населения Среднего Поволжья входило в категорию государственного крестьянства, поэтому о ясачных татар, чуваш, марийцев и удмуртов собирались подати как и с однодворцев и русских государственных крестьян, по I руб.70 коп., что вместе составляло 258713 руб.90 коп. Кроме того, в крае имелась особая категория татарского крестьянства - приписные к Адмиралтейским работам по рубке, теске и вывозке корабельных лесов. Они в это время платили подати в размере I руб.10 коп. с души м.п. Всего в губернии с них собиралось 37912 руб.30 коп.⁹

Наряду с этим в документе имеется таблица о ценах на хлеб в г.Казани в 1761 - 1767 гг. Сведения эти были поданы из Казанского губернского магистрата. Как свидетельствуют данные, в 60-е гг. наблюдается постоянный рост цен на основные сельскохозяйственные продукты; так, цены на I четверть пшеницы возросли в 2,8 раза (с 90 коп. до 2 руб.60 коп.), на I четверть ржи в 5,3 раза (с 38 коп. до 2 руб.), на четверть овса - в 2,3 раза (с 30 коп. до 70 коп.)¹⁰. В колебаниях цен можно усмотреть не только разницу курса рубля, но и состояние урожайности за эти годы на данных территориях.

В 60-е гг. XVIII в. в России было начато межевание земель. Это мероприятие, а также губернская реформа 1775 г. должны были самым точным образом определить территориальные границы губерний и уездов и состав их населения, что способствовало бы наиболее четкому регулированию экономической жизни районов государства, а также осуществлению фискальных задач. Это потребовало от властей составить по определенному плану описания губерний. Первое прямое указание о топографических описаниях губерний встречается в Сенатском указе от 1 ноября 1777 г.¹¹ Таким образом, составление описаний было санкционировано законодательно и являлось важным экономическим мероприятием для страны. Описания составлялись на местах межевщиками, а также чиновниками провинциальных и губернских канцелярий. Так как в изучаемых нами губерниях межевание еще не проводилось, то описания явились первыми итоговыми документами о состоянии экономической жизни губерний. В силу этого итоговые материалы не могли еще содержать точных данных о земельных угодьях — Генеральное межевание земель проводилось в средневожских губерниях сравнительно поздно, в Казанской, — в 1793 — 1803 гг., в Симбирской, — 1798 — 1821 гг. Однако первые источники такого рода должны быть с благодарностью оценены исследователями.

Топографические описания составлялись по определенным запросным пунктам, которые посылались в губернские канцелярии из Кабинета е.и.в. Полнота ответов на запросы во многом зависела от квалификации составителей.

Заметим, что источник этот описывает регион довольно пестрый по национальному составу. Народы Среднего Поволжья отличались друг от друга не только по бытовым и религиозным признакам, но и определенным установившимся экономическим укладом, а также социально-правовым статусом. Тем не менее экономическую жизнь разных народов нельзя рассматривать в механическом отрыве друг от друга, а только лишь во взаимосвязях и взаимовлиянии, как составную часть социально-экономической жизни всего ре-

гнона. Авторы изучаемых документов обычно не выходили за рамки поставленных вопросов, поэтому сведения о конкретной хозяйственной жизни народов лишь включены, вкраплены в общее региональное описание экономики. В описаниях отмечены только бытовые, этнические особенности народов Среднего Поволжья, цель описаний — представить общую картину социально-экономической жизни какого-либо района государства. Поэтому данные, содержащиеся в этих источниках, следует рассматривать как общие для социально-экономического развития всех народов края.

Топографическое описание Казанского наместничества (как тогда называли губернии) было составлено и подано губернатором к 4 апреля 1785 г.¹² По данным источника губерния в то время имела в длину 385 верст, в ширину 222 версты. Большое место в источнике занимает характеристика границ губернии и уездов, затем идут данные о почвах, основных сельскохозяйственных культурах, флоре и фауне, реках и озерах, климате, о численности податного населения, основных его занятиях, агротехнических приемах, ремеслах и торговле. Впервые в описании охарактеризованы почвы губернии: земля в уездах по левой стороне р. Камы, как отмечено в документе, "повсюду черная", в других — "серая", местами глинистая, песчаная и иловатая. Основными сельскохозяйственными культурами губернии были рожь, пшеница, полба, ячмень, овес, гречиха, просо и горох, сеялись также лен, конопля, мак, репа, уже отмечаются и посевы картофеля, который выращивали почти исключительно в помедицких хозяйствах. Лучшие урожаи ржи в Казанской губернии были сам-5 — сам-7, изредка даже сам-10, также приблизительно урождались и другие культуры, средним урожаем считался урожай сам-4 — сам-5, т.е. источник отмечает сравнительно высокие урожаи.

В описании достаточно подробно охарактеризовано и население губернии — его местожительство, состав, численность, размеры податного обложения. Мы узнаем, что

в это время в Казанской губернии было 2452 населенных пункта, в которых проживало 373782 души м.п. податного населения. В год с него собиралось податей 1197108 руб. 75 коп. (подробное разделение по категориям, как например, в описании 1767 г. отсутствует). Кроме того перечислены сборы с мельниц в селениях государственных крестьян, с рыбных ловель, с различных оброчных пашенных земель и сенных покосов, питейные и солдатные налоги.

В источнике не оставлены без внимания и этнические особенности народов, вкратце охарактеризованы их быт и занятия. Примечательно, что многонациональный состав населения губернии, согласно данным описания, имел основным занятием земледелие. Источник подчеркивал и некоторые различия в агротехнике у разных народов Поволжья. Вот как, например, описано земледелие: "Пашут сохами на лошадях по дважды, а татары и сабаном — сие орудие род плуга, по величине сабана запрягают в них по две, по три, до четырех лошадей, боронят по два же раза. Бороны у немногих жителей имеются и с насадками на зубьях железными, таковыми лучше умягчается земля. (...) Пашня под яровой хлеб начинается в конце апреля, посевы делаются в мае, под рожь пашню готовят в последней половине июня, а посевы ржи с первых чисел августа"¹³. Из народов региона с наибольшей выгодой для себя занимались земледелием, как свидетельствует источник, удмуртские и мордовские крестьяне. Татарское население имело большую склонность к занятиям торговлей и скотоводством.

Описание содержит и поездные данные примерно по таким же рубрикам, что и в целом по губернии. Итоги поездных данных в общем и составили характеристику всей губернии. Интересно, что в отдельных уездах имелись уже промышленные и промысловые заведения, некоторые из них были специализированы, как, например, медеплавильные, серные, суконные, кожевенные и винокуренные. Причем среди владельцев кожевенных и суконных фабрик значатся и имена татарских купцов Ибрая Юсупова, Бурнаева, Баязи-

та Усманова (их предприятия находились в Казани и в Ароком уезде). Продукция этих фабрик — ткани, шёлк — отправлялась на продажу в Оренбург и в Троицкую крепость.

Топографическое описание Казанского наместничества 1785 г. сохранилось в двух архивах — в ЦГИА и Архиве ЛОИИ. Чем они отличаются друг от друга? Само непосредственно топографическое описание губернии и уездов в обоих вариантах совпадает полностью. Сравнение этих двух документов показывает, что они были не просто формальным отчетом, а служили практической жизни той поры. Так, например, документ из Архива ЛОИИ (фонд Воронцовых) содержит приложение о движении зональных цен, данные о казанском купечестве, об интенсивности таможенной торговли на этой территории. Все это неслучайно приложено к данным топографического описания; совершенно очевидно, что описание употреблялось в целях интенсификации развивающихся товарно-денежных отношений, использовалось президентом Коммерц-коллегии А.Р.Воронцовым. Из этого документа мы, например, узнаем, что в Казани в 1785 г. проживало купцов I-й гильдии II семейств — 27 человек, 2-й гильдии 32 семейства — 67 человек, 3-ей гильдии 188 семейств — 416 человек. Всего капитала у них было 533750 руб. Кроме торговли, некоторые из этих купцов занимались и промышленной деятельностью.¹⁴

Таким образом, по многим весьма важным вопросам социально-экономической жизни региона и его народов описание Казанского наместничества 1785 г. дает ценные сведения для той поры, впервые обобщает их и суммирует.

Материалы топографического описания Казанского наместничества 1785 г. с известной коррекцией использовались при составлении последующих описаний губернии вплоть до XIX в. Не обошлись без этих данных уездные землемеры при составлении описаний в начале XIX в.¹⁵ Использовались они и при составлении так называемых Экономических примечаний к Генеральному межеванию.

Топографическое описание Симбирского наместничества

также было оставлено в 1785 г. по указанным пунктам надворным советником Тимофеем Масленицким, который достаточно подробно и добросовестно ответил на заданные вопросы. Надо сказать, что составители описаний в разных губерниях всегда отмечали особенности этой губернии. Так, например, в описании Симбирской губернии отмечаются отличные от Казанской показатели урожайности, здесь несколько иначе используются хлебные запасы: большая часть хлеба шла на казенные и частные винокуренные заводы, т.е. сельское хозяйство интенсивнее приобретает товарный характер. Хотя все описания и составлялись по определенному трафарету, однако из этого источника мы можем судить об особенностях хозяйства Симбирской губернии, о том внимании, которое уделялось здесь агротехнике, урожайности: например, здесь упомянуты три вида удабривания полей крестьянами: навозом, выжиганием и с помощью так называемой толоки (выгон скота на поле весной или осенью после сжатия хлеба), тогда как в Казанской губернии, и то не везде, отмечено лишь удабривание навозом. Видно, что описание это составлено ради экономических целей, что земледелию здесь уделяется большое внимание.

Различный состав авторов описаний сказывался и на полноте собираемых данных: так, Тимофей Масленицкий оставил в документе очень интересное этнографическое описание народов, населяющих Симбирскую губернию: татар, чувашей, мордвы, калмыков.

В целом, описания Казанской и Симбирской губерний, подобно описаниям многих других губерний страны, характеризуют социально-экономическую жизнь средневожского региона. В них специально не рассматриваются вопросы о хозяйственной жизни разных народов, населяющих эту территорию, но сведения об этом включены в общее региональное описание. Документы эти служили практическим целям, они подчеркивают характер складывающегося социально-экономического районирования. Количественные данные, содержащиеся в описаниях, брались прямо из жизненной практики.

Они являют собой первые статистические сведения об уровне хозяйственной жизни, поэтому важность их для изучения социально-экономического развития России 2-й половине ХУШ в., ее различных районов и народов неоспорима.

Примечания:

1. См. Индова Е.И. Вопросы земледелия в "Трудах ВЗО" во 2-й половине ХУШ в. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1970 г. Рига, 1977, с.114-123; Ходнев А.И. История Вольного Экономического общества. СПб, 1865.
 2. Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в ХУШ и ХІХ вв. Хронологические обзоры и описания архивных материалов. М.-Л. 1940.
 3. Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет ХУШв. - В кн.: "Детопись занятий Археографической комиссии за 1927 - 1928 гг." вып. 35.Л., 1929, с.39-104.
 4. Сивков К.В. Источники по истории сельского хозяйства Европейской России во 2-й половине ХУШ в. - В кн.: "Проблемы источниковедения", вып.УШ, М., 1959, с.144-190.
 5. Рубинштейн Н.Д. Топографические описания наместничеств и губерний ХУШ в. - памятники географического и экономического изучения России. - "Вопросы географии", вып. 31, М., 1953, с.39-89.
 6. Клейники А.В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине ХІХ в. Саранск, 1974.
 7. Описания Казанской губернии: ШГАДА, ф.Госархив ХУІ, д.720; ЦГВИА, ф.ВУА, д.18743; Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.488; Описание Симбирской губернии: ЦГВИА, ф.ВУА, д. 19025, 19026.
 8. ШГАДА, ф.Госархив ХУІ, д.720.
 9. Там же, л.22, об. - 23 об.
 10. Там же, л.39. Здесь учтены высшие цены на сельскохозяйственные продукты. Вероятно, что столь значительные колебания цен можно объяснить изменениями курса серебряного рубля в то время (см.Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца ХІХ века. СПб, 1910, с.162-171), но источник не дает возможности подтвердить эту мысль.
- II. ПСЗ, т.ХХ, № 14671.
12. ЦГВИА, ф.ВУА, д.18743, л.1.
 13. ЦГВИА, ф.ВУА, д.18743, л.9; Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, л.488, л.262, об.
 14. Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.488, л.251-253
 15. ЦГА ТАССР, ф.324, оп.74С, д.344.

А. В. Ковальчук

**ВЕДОМОСТИ ТЕКСТИЛЬНЫХ МАНУФАКТУР
МОСКВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
/ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ ХУШ в/.**

Предметом статьи выбраны полугодовые ведомости о состоянии московских текстильных мануфактур в последней трети ХУШ в. Они относятся к источникам массовой документации, выделяясь среди них прежде всего тем, что наиболее полно отражают производственную деятельность промышленных предприятий указанной отрасли. И поскольку текстильная мануфактурная промышленность Москвы в последней трети ХУШ в. является малоисследованной, то интерес к данным документам кажется вполне объяснимым.

Сознавая невозможность использования в одной статье всего многообразия сведений, почерпнутых из источника, автор своей главной целью считает определение и уточнение численности мануфактур на основании полугодовых ведомостей. В то же время он полагает необходимым остановиться на общей характеристике документов с точки зрения их формуляра, а также представить основные производственные показатели ведомостей и тем самым попытаться определить значимость источника для изучения сферы промышленного производства.

Полугодовые ведомости мануфактуристов о состоянии

своих предприятий стали известны историкам сравнительно поздно. В середине 1920-х гг. И.И.Полосин, анализируя промышленное законодательство ХУШ в., впервые высказал предположение о существовании такого рода документов.¹ Вскоре они действительно были найдены в архивах. Однако до их широкого и систематического исследования дело так и не дошло. Лишь П.Г.Любомиров довольно основательно использовал их в своем известном труде, но только за 1799-1803 гг. При этом он не дал какой-либо источниковедческой критики ведомостей, ограничившись перечислением тех сведений, которые могут дать документы с точки зрения организации производства.² После П.Г.Любомирова практически никто из советских историков не привлекал сколь-нибудь широко данный источник для исследования текстильной мануфактурной промышленности в последней трети ХУШ в. вообще, в том числе и состояния текстильной промышленности Москвы.

Между тем достаточно хорошо сохранившийся в фонде Мануфактур- коллегии документальный массив, образованный полугодовыми ведомостями, позволяет произвести детальное изучение текстильных мануфактур Москвы. Представление о количестве ведомостей за последнюю треть ХУШ в. дает следующая таблица:

Таблица I

Численность полугодовых ведомостей московских текстильных мануфактур за последнюю треть ХУШ в.

Годы	Количество ведомостей
1766 - 1770	148
1771 - 1775	122
1776 - 1779	77
1797 - 1800	76
Всего:	423

Она показывает, что наибольшее количество документов отложилось за первые два пятилетия. Сокращение их

численности в период с 1776 по 1779 гг. объясняется в первую очередь ликвидацией части суконных и шелковых предприятий (большинство полотняных прекратили свое существование уже в конце 1760- начале 1770-х гг.). С 1780 по 1796 гг. поступление ведомостей прекращается, что было вызвано временным упразднением Мануфактур-коллегии. После ее восстановления они снова были возвращены к жизни. Но, по свидетельству П.Г.Любомирова, "...суровому режиму Павла... не удалось добиться от предпринимателей аккуратной присылки требуемых сведений",³ т.е. полугодовых ведомостей, вследствие чего от некоторых владельцев мануфактур их просто не поступило, а от многих они отсутствовали за отдельные годы. Поэтому количество ведомостей этого времени невелико, если учесть, что к концу века наблюдается значительный рост численности московских предприятий всех отраслей текстильного производства, кроме полотняного, исчезнувшего с конца 1770-х гг.

Впервые практика собирания полугодовых ведомостей была установлена правительственным указом от 31 января 1724 г., которым предписывалось Мануфактур-коллегии присылать их в Сенат ежегодно в январе и в июле месяцах.⁴ При этом форма ведомостей не была определена. Сказано было только, что они должны сообщать о состоянии "фабрик и мануфактур", или "... с каким прилежанием оныя в со- ..
вершенство приходят и что где в какое время размножено..."⁵ На этот указ ссылались все последующие сенатские указы, в частности, от 6 февраля 1764 г.,⁶ подверждавшие необходимость присылки данных документов дважды в год. По-прежнему о форме их составления ничего не говорилось, однако от Мануфактур-коллегии требовалось, чтобы в присылаемых ей в Сенат ведомостях содержались сведения о количестве произведенной продукции на каждом предприятии, об увеличении или сокращении производства по годам и о ценах на выпущенные товары.

Наличие единого формуляра для полугодовых ведомостей доказывается их единообразием. По всей вероятности,

этот формуляр был выработан Мануфактур-коллегией и она же следила за тем, чтобы мануфактуристы руководствовались им в своей отчетности перед ней. Ведомости как раз и выполняли функцию документов отчетности и контроля за деятельностью "содержателей фабрик", как они именовались на официальном канцелярском языке.

Каковы же элементы формуляра? Первая его статья обязательно включала указание на местонахождение мануфактуры. Далее шло описание ее производственных помещений ("палат", "светлиц", "строений"), оборудования ("инструментов") и жилых зданий ("покоев"). Объем этой информации часто различается: в одних ведомостях описание давалось самым подробным образом, включая размеры как основных производственных помещений, так и подсобных, отмечались все жилые "покоя", указывались все без исключения "инструменты"; в других имелось лишь краткое перечисление тех же самых предметов.

Вслед за этим приводились данные об объеме производства - чаще всего в виде таблиц, в которых указывалось число станов, на которых производился тот или иной вид продукции (отдельно по каждому виду), цена изделия, количество изготовленной продукции (чаще всего в аршинах) и сумма, в которую оценивался каждый вид выпущенной продукции. В конце таблицы помещались итоговые показатели. Кроме того, в таблице фиксировалось количество проданных и нерезализованных товаров. Нередко в отдельных графах отмечалось количество продукции, оставшейся по тем или иным причинам с прошлой половины года и находящейся "не в продаже". Затем следовали данные о сырье - так называемых "материалах, находящихся в приуготовлении". Здесь в одних случаях отмечалось имевшееся в данной половине года количество сырья, а в других - вместе с остатками от прошлой половины. Иногда же указывался и расход сырья на изготовление продукции в данной истекшей половине года.

Следующая, одна из самых существенных статей формуляра, содержала сведения о мастеровых и рабочих людях.

В ней отмечалась не только общая численность работников, но и их социальное положение. Если работники являлись зависимыми от владельца или предприятия (крепостные и отданные по указам из Мануфактур-коллегии), то чаще всего указывалось количество рабочих людей, действительно занятых в производстве, а не просто записанных по ревизии, хотя зачастую фиксировалась и численность нетрудоспособных (престарелых, увечных) и выживших (умерших, беглых, сосланных и т.д.). Если же они были больнонаемными, то отмечался характер оформления договора между ними и владельцем: "приняты по паспортам" или по "контрактам". В большинстве случаев, а это весьма ценно, мастеровые и рабочие люди перечислялись по специальностям. Количество женщин вообще, и в том числе участвовавших в производственном процессе мануфактуры, в ведомостях указывалось далеко не всегда. И почти нет сведений об использовании труда детей и подростков ("малолетних"), хотя нередко их численность фиксировалась.

Наконец, заключительная статья формуляра включала данные о капитале предприятия. Она делилась на два показателя: капитал, употребленный в производство, и капитал, находящийся в обращении. Наибольшие трудности представляет определение первого показателя, ибо единое и четкое понимание его, вероятно, не было выработано составителями формуляра. Об этом говорят различия, встречающиеся в ведомостях разных владельцев. В большинстве случаев содержалась глухая стандартная формулировка: "в производство фабрики употреблено собственного капитала" столько-то рублей. А что стоит за ней — выяснить нелегко. Но в ряде случаев имелась краткая расшифровка этой формулы: "В производство моей фабрики употреблено капиталу в строение, инструментов и прочего, окромя приключившихся убытков, не менее 50000 рублей."⁷ Это один из вариантов. Встречаются и другие, например: "На покупку вышеписанных деревень, в строение и на производство фабрика употреблено капиталу до 22000 рублей."⁸ Подобных различий мож:

встретить немало. Однако ясно, что речь здесь идет о постоянном капитале. Что касается второго показателя - капитала, находящегося в обращении, то он выражался также в большинстве случаев стереотипной фразой: "Во обращении на покупку материалов и на дачу мастеровым и работным людям в сем полугоде состоит..." столько-то рублей. Какова же сумма, израсходованная в отдельности "на покупку материалов" и "на дачу мастеровым и работным людям" - выяснить практически невозможно. Лишь изредка встречаются сведения о количестве денег, выданных в течение полугодия работникам - по существу о фонде заработной платы.

Таков формуляр ведомости. Порядок расположения некоторых его статей в отдельных документах мог отличаться от названного, но все они так или иначе присутствовали. На протяжении последней трети XVIII в. формуляр не претерпел особых изменений. Правда, И.В.Мешалиным было высказано другое утверждение: "Если в первый период существования Мануфактур-Коллегии /до 1780 г./ рассылалась очень подробная и почти исчерпывающая единая форма описания промышленных предприятий, то во второй период /1796-1803 гг./, особенно в начале его, в момент восстановления Мануфактур-Коллегии, были разосланы совершенно иные формы для учета промышленности".⁹ Однако ни о самих формах, а тем более о существе их различий в эти два разные, по мнению автора, периода ничего не говорилось.

На самом деле, начиная с 1797 г., мануфактуристы стали давать показания в более сокращенном виде, но в соответствии с прежним формуляром. В первую очередь исчезают обстоятельные описания производственных помещений и оборудования. Так, например, у 9 из 16 владельцев суконных мануфактур, представивших ведомости в 1797-1800 гг., имеется только перечисление рабочих зданий, причем даже без упоминания об имеющихся там "инструментах". Еще 3 владельца оставили краткие описания фабричных строений и перечень оборудования. И только в ведомостях 4 предпринимателей мы встречаем подробное освещение этих вопросов.¹⁰

Некоторым сокращениям подверглись и другие статьи формуляра (например, иногда отсутствовали сведения о реализации изготовленной продукции, о капитале, вложенном в производство), но они незначительны и потому мы не будем на этом останавливаться.

Мануфактур-коллегия строго следила не только за обязательностью подачи ведомостей от всех мануфактуристов, но и за своевременностью их поступления. Указом от 28 октября 1765 г. она определила штраф в размере от 10 до 30 руб., который должен был взыскиваться с владельцев за просрочку.¹¹ Данный указ не остался на бумаге, а исполнялся, насколько можно судить, довольно строго. На это указывает Д.С.Бабурин; причем размер штрафа на практике даже превосходил первоначально установленный.¹²

Важно отметить то, что Мануфактур-коллегия придирчиво следила и за достоверностью содержащихся в ведомостях данных. А "...в случае сомнений в истинности изложенных в них сведений прибегали (в Коллегии - А.К.) к проверке этих показателей непосредственно на месте. Тогда, когда ведомость не вызывала сомнений и по ней не требовалось производить расследований, она направлялась в поветье и служила для справок в необходимых случаях."¹³

Переходя к анализу содержания ведомостей, необходимо сказать, что мы вынуждены ограничить круг источников, взяв их только за один 1766 г. - год, относящийся к началу последней трети XVIII в. В это время в московской промышленности имелись 3 основных вида текстильного производства: полотняное (льно-пеньковое), суконное и шелкоткацкое. Из них первое не получило сколь-нибудь широкого развития, зато последние по удельному весу и концентрации производства занимали ведущее место в текстильной промышленности страны.

За 1766 г. мы располагаем ведомостями о состоянии 6 полотняных предприятий Москвы: И.Тамеса, В.Чурашева, А.Овощниковой "на содержании" М.Гусятникова, Н.Клюевой, А.Бабушкина и П.Пастухова.

Насколько полно эти данные отражают реальную численность полотняных заведений? Для их проверки возьмем ближайшие сведения, содержащиеся в источниках и литературе.

В таблице за 1767 г., приводимой Ч.Г.Володарской,¹⁴ указывается 9 московских полотняных предприятий. Из них одно (И.Овощникова) находилось без действия с 1761 г., о другом (М.Шигонина) последние сведения имелись за 1756 г. (непонятно, на каком основании автор включил их в таблицу за 1767 г.) Наконец, о третьем предприятии (И.Комарова) за все 1760-ые гг. также нет никаких сведений в источниках, например, в сводной ведомости Мануфактур-коллегии 1773 г., где излагается история всех текстильных фабрик с момента их основания.¹⁵ Таким образом, остается 6 действующих московских полотняных мануфактур, что подтверждает правильность данных полугодовых ведомостей.

В опубликованной М.Чулковым сводной ведомости о московских мануфактурах, которая не датирована, значатся 7 полотняных фабрик, включая казенную (бывший Хамовный двор),¹⁶ подчинявшуюся Адмиралтейств-коллегии¹⁷ и ей же отсылавшую всю документацию (о ней в нашем распоряжении нет архивных данных). Можно предположить, что она составлена в 1769 г., во всяком случае, не позднее. Перед ней Чулков поместил аналогичную ведомость о петербургских фабриках, имеющую точную дату — 1769 г. Вероятно, автор просто не счел нужным датировать вторую ведомость, такую же по характеру. Кроме того, если бы ведомость была составлена позднее, в ней не упоминалась бы фамилия Клевых, фабрика которых (точнее Н.Клеовой) после смерти "содержательницы" в 1768 г. перешла по наследству к ее дочерям, имевшим, будучи замужем, другие фамилии.¹⁸ Эти фамилии — А.Нероновой и Е.Мусиной-Пушкиной — стали фигурировать в источниках только с 1770 г.¹⁹

В ведомости М.Чулкова указываются 2 фабрики — А.Гончарова и С.Яковлева, — о состоянии которых полугодовых

ведомостей нет. В действительности оба владельца не имели в Москве самостоятельных предприятий, выпускающих конечную готовую продукцию. Их "фабрики", как видно из других источников, на самом деле являлись небольшими отделениями головных заведений. У А. Гончарова таков находилось в Малоярославце.²⁰ У С. Яковлева, как показывает сам Чулков, "...главная им, Якоплевым, у Затрапезнова за 60 000 рублей купленная полотняная фабрика находится в Ярославле..."²¹. К тому же последняя представляла собой, видимо, просто контору, так как указаний на наличие какого-либо производства в "московском доме" в источниках нет. Что касается отделения А. Гончарова, то за 1766 г. (и последующие 1760-ые гг.) наши источники отсутствуют, и это скорее всего говорит об отсутствии в рассматриваемое время в Москве самого производства (в других источниках о нем также не обнаружено упоминаний). Наконец, в списке М. Чулкова ничего не говорится о заведении П. Пастухова. В итоге получается, что у Чулкова содержатся сведения только о 3 частных полотняных мануфактурах, чье производство действительно находилось в Москве. Даже учитывая, что последнее документальное известие о фабрике В. Чурашева относится к 1766 г.²² и поэтому, когда составлялся список, опубликованный Чулковым, ее, вероятно, уже не существовало, все равно данные полугодовых ведомостей являются значительно более точными.

Итак, сохранились полугодовые ведомости о состоянии всех частных полотняных мануфактур Москвы, действовавших в 1766 г. Поэтому их данные о численности этих предприятий являются полными и достоверными.

Остановимся коротко на производственных показателях полугодовых ведомостей, представленных в помещенной ниже таблице (табл. 2). Она составлена путем сведения данных за оба полугодия. В случаях несовпадения в первом и втором полугодиях таких показателей, как количество станков, рабочих людей и суммы вложенного в производство капитала, они в таблице обозначаются отдельно за каждое полугодие (через дефис).

Таблица 2

Производственная мощность московских полотняных мануфактур в 1766 г.^х

Владелец предприятия	Количество станков	Объем продукции (в аршинах)	Стоимость продукции (в руб.)	Количество рабочих				Капитал	
				принудительных		вольнорабочих		в производстве	в обращении
				муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.		
И. Тамес	367 -492	419712	63312	350	-	-340 413	-	50000	84000
Н. Кюева ^{а)}	120	158450	19691	110	100	-	-	10000	10000
В. Чурашев ^{б)}	60	38310	5816	77	-	-	-	7680	3860
А. Овощникова ^{в)}	12	10170	1331	54	20	-	12	6000	6025
А. Бабушкин	20	12750	1882	-	-	20	-	3000	-
П. Пастухов ^{г)}	- 72 74	95460	12569	80 75	-	156 149	-	30735 31575	19072
Всего:	651 778	734852	104601	671 666	120	516 582	12	109415 110255	122957

х Таблица составлена по следующим материалам: ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, л. 151, лл. 116 об.-118, 121 об.-123; 164, лл. 7 об.-8, 12 об.-13 об.; 150, лл. 36 об.-37; 162, л. 3; 163, лл. 9-14; 924, лл. 74 об.-75, 79; 255, лл. 107-107 об., 112-113.

а) сведения показаны вместе по московской и периферийной фабрикам;

б) сведения за первую половину 1766 г.;

в) сведения о рабочих людях и капитале показаны вместе по московской и периферийной фабрикам;

г) поскольку разграничить сведения о размерах производства в "московском доме" и на периферийной фабрике также не представляется возможным, в таблицу включены объединенные показатели.

лугодие (через дефис).

В таком комплексном виде названные показатели длятся впервые. Ни в одной из сводных ведомостей центральных учреждений, которыми, как правило, пользовались исследователи, они не встречаются воедино. Однако в данную таблицу сведения вошли полностью. Мы были вынуждены сократить графу "количество рабочих", объединив разные категории принудительных работников ("вечноотданных" по указу 1736 г. и покупных), тогда как в источниках они разграничены.

Полнота содержащихся в полугодовых ведомостях показателей позволяет всесторонне судить не только о масштабах производственной деятельности мануфактур, но и взглянуть на нее с точки зрения социальной, т.е. характера труда.

Большое значение имеют содержащиеся в ведомостях описания производственных помещений и оборудования, особенно для изучения уровня развития производительных сил, на что в литературе до последнего времени обращалось мало внимания. В то же время с их помощью можно представить реальную картину организации производства. Так, ведомости показывают, что Н.Клюева и А.Овощникова имели еще и периферийные полотняные фабрики: первая — в Московском у., вторая — во Владимирском у. Источники убеждают, что те и другие были независимы друг от друга, поскольку обладали всем необходимым оборудованием и помещениями для выпуска конечного готового продукта, т.е. московские и периферийные предприятия являлись целиком самостоятельными.²³ Однако в ведомостях данные о тех и других объединены и может создаться впечатление, будто речь идет о двух, а не о четырех разных фабриках. Точно так же объединены сведения в ведомости о состоянии мануфактуры П.Пастухова. Но здесь другой случай: московское заведение было всецело подчинено основному, которое находилось "...в Московском у., в Бохове стану, в селе Спасском, Лапино тож, на реке на Клязьме..." в 20 верстах от Москвы.²⁴

где продукт проходил все стадии обработки, начиная от первичных (пряжение и ткачество) и кончая отделкой. В Москве же, а именно в "московском доме", как значилось в документе, производилось только ткачество полотна.²⁵ Дальнейшая его обработка, надо полагать, осуществлялась на подмоковной фабрике. Об этом ведомость умалчивает. Не сообщает источник также и о том, где и кем приготавливалась пряжа.

Обратимся теперь к ведомостям суконных мануфактуристов. В 1766 г. их прислали 15 владельцев. Сравним эти данные с другими.

К.А.Пажитнов приводит сведения о существовании в Москве в 1766-1767 гг. 15 суконных предприятий, не называя владельцев и не давая какой-либо характеристики их заведений.²⁶ Согласно списку суконных мануфактуристов М.Чулкова на 1769 г., в Москве насчитывалось 18 суконных и 2 карзейных фабрики.²⁷ Однако неточности списка бросятся сразу же в глаза. В нем дважды перечислены 3 предприятия. Кроме того, в списке отмечены 2 заведения, принадлежащие Е.Грунту. Но они не были самостоятельными, а осуществляли только окраску и отделку сукон, изготовленных на периферийных фабриках владельца, находившихся в Малоярославском и Тамбовском уу. По этой причине они нами в дальнейшем не учитываются, тем более, что отдельных ведомостей о названных заведениях не составлялось. Сведения же о них, которые мы приводили, включены в общие полугодовые ведомости, сообщавшие о состоянии периферийных предприятий с полным технологическим циклом.²⁸ Таким образом, в списке Чулкова остается 13 фабрик. После сопоставления фамилий их владельцев с теми, которые приведены в нашей таблице (табл.3), выясняется, что у Чулкова не показано предприятие И.Суроженинова. Но в его списке значится фабрика В.Быродова, от владельца которой не дошли полугодовые ведомости за 1766 г. Ее существование в этом году подтверждается сводной ведомостью Мануфактур-коллегии 1773 г., где не отмечено никаких остатков производства в течение всех 1760-х гг.²⁹

Итак, в 1766 г. действовало 16 сукошных мануфактур с полным технологическим циклом. Нашли источники сохранили сведения о 15 из них. И хотя данные ведомостей нельзя признать исчерпывающими для определения численности этих предприятий, тем не менее они являются достаточно полными.

Производственные показатели сукошных мануфактур, содержащиеся в источниках, аналогичны полотняным. Поэтому упомянутая таблица /табл.3/ составлена по тому же принципу, что и предыдущая. Нет необходимости останавливаться на ее характеристике, ибо для нас здесь в первую очередь важно показать ту информацию, которая заключена в документах, по возможности вводя ее в научный оборот.

Уделим внимание тем сведениям, которые остались за табличной строкой. Выше говорилось о том, какое значение имеют описания производственных помещений и оборудования. Ведомости позволяют точно определить, велось ли на мануфактуре самостоятельное и законченное производство, или же оно ограничивалось той или иной стадией. Так, на фабрике И.Суроженинова выделялись одни суровые сукна и караея. Дальнейшую обработку и окраску они проходили на фабрике его брата /вероятно, двояродного; в источнике на этот счет нет никаких разъяснений / - "фабрика" В.Суровщикова.³⁰

Организация производства, как показывают документы, не везде носила строго концентрированный характер. Фабрика П.Носырева включала 3 "двора", обособленных друг от друга территориально. На всех трех производилась разборка шерсти, стрижка верхов, прядение, изготовление основ и ткачество. Но только на третьем дворе, находившемся "...за Даниловым монастырем в приходе церкви Воскресения Христова..."³¹ осуществлялась окончательная отделка всей продукции. Аналогичным образом были устроены фабрики И.Журавлева и И.Полуярославцева.³² Важно отметить указание И.Журавлева о раздаче "...для пряжи основ, и утков, и каразейных утков же шерсть в дома разных вотчин крестьянам..."³³.

Таблица 3

Производственная мощность московских суконных мануфактур в 1766 г.^х

№ п/п	Владелец предприятия	Количество станов	Объем продукции (в аршинах)	Стоимость продукции (в руб.)	Количество рабочих				Капитал	
					принудительных		вольных		в производстве	в обращении
					муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I.	И. Докучаев с товарищами	110са) 60-10к.	85216 89250	67996	1123	262	-	-	-6)	85804
2.	Е. Еремеев и Г. Бабкин	27с. 10к.	38850 12888	25919	-201 198	-	-	-в) 7с	25000	6320
3.	П. Гребендинов	15с. 5к	20000 3000	12360	47	-	122 172	-	20000	5000
4.	Г. Сериков	30с. 10-14к	52118 42622	47081	295	-	-	-	25000	30517
5.	И. Самарин	30с. 4к.	22234 10351	14842	18	-	201	-	35000	50000
6.	И. Суроженинов	2с. 2к.	1800 3000	840	-	-	17	-	1500	1935
7.	П. Носирев	30с. 12к.	33170 14900	18699	158 171	34	12 158	5	29263 35461	32724
8.	П. Мятлева	10с. 3к.	15056 4740	9400	8	-	114 112	-	5000	3000
9.	И. Журавлев	24с. 6к.	17000 13000	12160	233	-	40	-	20000	13000
10.	И. Перемышлева	6с.	12795	7647	38 42	-	52	-	15000	14000
11.	И. Полуярославцев	22с.	8000	4800	188 180	-	10 5	-	4000 3000	3500

I	2	3	4	5	6	7	8	9	IC	II
12. М. Зиновьев	8-4с	I5767	7387	-128 83	-	-	-	-	25000 ^{Г/} -33000	40000
13. И. Кушашников	6к.	28000	4200	2	-	3I	-	-	3500	3000
14. Н. Отарев	3 к.	2250	330	6	9	-	-	-	2500 ^{Д/}	2200
15. И. Юсупова	10к.	I4352	208I	40	-	-	-	-	1000	400
Всего:		310с. -314 8I -135к.	321906 235742	2429 -2502	305	592 -795	75		211763 -224961	291400

Х Таблица составлена по следующим материалам: ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 500, лл. 4-13; 502, лл. 1-3; 469, лл. 14-17 об.; 499, лл. 2-6 об.; 474, лл. 4-5 об.; 468, лл. 1-10 об.; 472, лл. 3-3 об.; 491, лл. 2 об.-8; 477, лл. 3-6; 694, лл. 3 об.-10; 484, лл. 9-10; 493, лл. 2 об.-3 об.; 480, лл. 6 об. II об.; 495 об. лл. 2-9 об.; 929, лл. 5-8 об.; 490, лл. 3-6 об.; 467, лл. 2 об.-4 об.

- а) "с" - суконные станы; "к" - каразейные станы;
б) капитал, вложенный в производство, не указан;
в) подобное обозначение показывает, что в первой половине года вольнонаемных рабочих людей жен. п. на фабрике не находилось;
г) сведения о капитале объединены по московскому и 3 периферийным предприятиям, на которых всего действовало 27 станков. - ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 495, л. 1 об.;
д) сведения о капитале объединены также; на одном периферийном заведении действовало 7 станков, на другом осуществлялось прядение шерсти на 8 "пряках" - ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 480, л. 1.

Суконное дело требовало наличия вододействующих мельниц для валяния сукон. Не все предприниматели имели возможность завести их в Москве при своих фабриках. В источниках отмечено, что у четырех из них — Г.Серикова, И.Докучаева, П.Мятлевой и П.Перемышлевой — мельницы располагались под Москвой. Причем у П.Мятлевой мельница была удалена от Москвы на 53 версты, у Г.Серикова — на 24 версты.³⁴

Описания производственных помещений, а также перечни рабочих людей по специальностям имеют большое значение и для определения типа организации производства. Эти сведения показывают, что все предприятия были устроены в виде мануфактуры. Исключение, возможно, представляло только московское заведение Н.Огарева, выпускавшее в небольшом количестве караею. В источнике нет никаких сведений о наличии на нем какого-либо разделения труда.

В документах иногда встречаются весьма интересные пояснения и приписки мануфактуристов, полнее раскрывающие некоторые вопросы. Так, например, И.Перемышлева объясняла причину отсутствия в первой половине 1766 г. вольнонаемных разстных людей на своей мануфактуре: "...вольнонаемных при оной мой фабрике ныне людей не имеется за сходом в дома для их крестьянских работ."³⁵ Любопытно свидетельство М.Зиновьева о постоянном перемещении его крепостных крестьян с полевых работ на суконные: "...ис тех моих вотчин люди и крестьяна высылаются на те мои фабрики для исправления фабричного дела с тягол, ибо моя фабрика имеется на таком основании, чтобы фабричные дела всегда были в настоящем действии, тако ж и крестьянская их работа, яко то хлебопашество, и скотоводство, и тому подобные, принадлежащие до крестьянства работы..."³⁶

По всей видимости, подобные приписки не были предусмотрены формуляром полугодовых ведомостей, но сами владельцы считали необходимым вносить таким путем определенные разъяснения.

Переходим к ведомостям шелковых предпринимателей. В количественном отношении шелковые мануфактуры занимали

первое место в текстильной промышленности Москвы. Поэтому ведомости о состоянии этих предприятий также преобладают среди остальных в фонде Мануфактур-Коллегии.

За 1766 г. отложились ведомости о состоянии 25 предприятий. Между тем, по данным М.Чулкова, в 1769 г. насчитывалось 41 шелковое заведение, из которых было 3 так называемых фабрики "под золото и серебро".³⁷ Однако список московских шелковых мануфактур у Чулкова не совсем точен. В нем отмечено, что М.Евреину и П.Колосову принадлежало по две фабрики каждому. На самом деле, как видно из полугодовых ведомостей, во владении того и другого находилось по одной фабрике, но рассредоточенной по отдельным зданиям в разных частях города. Причем в главном здании осуществлялся весь производственный цикл, в остальных - лишь некоторые операции.³⁸ В том же списке значатся в качестве самостоятельных фабрики Л.Лазарева с братьями и Д.Земского. Но они таковыми не являлись, ибо конечной продукции не производили, а представляли собой незначительные отделения действительных предприятий, находившихся в Московском у.: первая - в с.Трянове, вторая - в с.Купавне. У Д.Земского, например, в Москве имелась только шелковая мельница, которую обслуживали 6 чел.работных муж.п., и производилась размотка шелка силами 59 "баб и девок волных ис поденной платы".³⁹ Кроме того, в списке говорится о двух разных фабриках - вдовы А.Леоновой и Я.Леонова. В нашем же источнике обе они фигурируют как принадлежащие одному Я.Леонову. Причем на первой, насколько можно судить по ведомости, осуществлялся полный производственный цикл /здесь стояло 21 стана/, на второй - только размотка шелка и ткачество /на 6 станах/.⁴⁰ После вычета из списка Чулкова 5 несуществующих заведений, останется 36 шелковых фабрик.

Помимо того, мы исключаем из списка 3 фабрики "под золото и серебро". Дело в том, что они занимались не выработкой готовых изделий, а изготовлением на рынок шелковой пряжи, соответствующим образом окрашенной

"под золото и серебро" (за 1766 г. дошли полугодовые ведомости от владельцев всех четырех существовавших в это время "фабрик" такого рода - И.Клюковкина, С.Хаддарова, И.Дрищева и Н.Иванова.) Нам же здесь будут интересовать только шелкоткацкие предприятия, которых остается, таким образом, в списке Чулкова 33. Из них от 8 владельцев полугодовых ведомостей в 1766 г. не поступило. Остается выяснить, все ли они существовали в этом году и находились ли в действии.

Оказывается, две показанные Чулковым фабрики - А.Антонова и В.Тулинова - в 1766 г. простаивали и возобновили производство не ранее 1768 г., когда были проданы за долги.⁴¹ Не может учитываться и предприятие П.Белавина, отмеченное в списке Чулкова, ибо в 1766 г. оно принадлежало М.Балашеву⁴² и наши источники о нем за этот год сохранились (см.табл.4).

Оставшиеся 5 заведений, от которых нет ведомостей, видимо, все "состояли в работе". В отношении двух из них - А.Ведениктова и И.Полетаева - на этот счет имеются определенные указания в сводной ведомости Мануфактур-коллегии 1773 г.⁴³ Подтверждением существования фабрики А.Лещева в 1766 г. могут служить только хронологически ближайшие полугодовые ведомости 1765 и 1768 гг., поступившие от данного владельца.⁴⁴ В документе за 1768 г. нет никаких намеков на остановку производства в прежние годы. Очевидно, следует считать случайностью и отсутствие за 1766 г. ведомостей о состоянии предприятия С.Фитонова, т.к. они имеются за все остальные 1760-не гг., начиная с 1764 г.,⁴⁵ тем более, что в названной сводной ведомости 1773 г. ничего не говорится о временном прекращении работы.⁴⁶ Наконец, нет никаких сведений о приостановке производства в 1766 г. на фабрике А.Андриянса (до 1767г. она принадлежала К.Щукину и только затем перешла к А.Андреянову, который и указан как ее владелец в списке Чулкова).⁴⁷

Таблица 4

Производственная мощность московских шелкоткацких мануфактур в 1766 г.^х

№ п/п	Владелец предприятия	Количество станков	Объем продукции (в аршинах и штук.)	Стоимость продукции (в руб.)	Количество рабочих				Капитал	
					принудительных		вольнонаемных		в производстве	в обращении
					муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	И. Колосов	160 ^{а)} -155р.и.	54287	54802	216	-	-97	-	60000	107366
2.	Е. Дудышкин	8-9р.и. 35 б) -34п.	1959	19215	12	-	70	-	5000 -18000	5000
3.	Ф. Шелковников и С. Фитонов	22 -19р.и. 3-6п.	7280	8945	-	-	53	150	4000 -5000	5000
4.	И. Демидов	49р.и. 11п.	11771	17220	68 -76	-	-38 -27	-	8000	4962
5.	И. Евреинов	52р.и.	6184	11878	107 -105	-	2	-	20000	30000
6.	М. Евреинов с братьями	39р.и.	5908	11213	85	-	2	-	23000	32000
7.	А. Бабушкин	105р.и.	31125	41228	-105 -137	-	-64 -43	-	20000	13086
8.	Я. Леонов	19 -23р.и.	13944	11201	11	-	27	-	4000 -5000	6800
9.	Т. Суслов	5-1п. 12п.	1525 4350 в)	2872	8	-	-12 -10	-50 -60	3000	2500

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	II
10. И. Мочалов	28р.к. 21-17п.	15300 7800	6552	-45 -41	-	-	8 11	-	6500	2250
11. X. Шефлер	7р.к.	-	1996	-	-	-	8	10	500	500
12. В. Хастатов	-43 -47р.к. 3-п.	8922 390	13175	55	-	-	-	-	35000	30000
13. Д. Жуков и И. Сурозенинов	-47 -46р.к. 10-17п.	28690 5364	17969	31	-	-	79 76	250	9000 10000	8253
14. Милотин	-37 -39р.к. 1- -п.	10418 71	29878	198	-	-	-	-	25000	7700
	90-87л. г/	275425								
15. М. Балашев	-41 -42р.к.	12856	15574	86	-	-	-	-	20000 23000	15000
16. З. Иванов	8 -10р.к. 22-20п.	8125 6852	12427	-	-	-	52	80	6300	8800
17. Я. Коломнитин	11 -14р.к. 9-6п.	5920 3150	10434	-	-	-	40	70	3500	4800
18. О. Ампрасатов	10 -11р.к. 5-4п. д/	2000 1192	4268	-	-	-	23	-	6000	-
19. И. Мильников	8-4р.к. 32-36п.	750 7110	7292	-	-	-	41	-	10000	10500
20. П. Медведев	-10 8р.к. 8-10п.	6770 5105	3928	-	-	-	22	28	1750 1500	1039
21. А. Медведев	3-8р.к. 8-5п.	5180 6025	3519	-	-	-	16 18	20	1500 1000	900

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	II
22. И. Перешивкин	I4 15р.и.	I5400	7722	-	-	45	25	3000	2900	
	I4-20п.	5350				50	35	5000		
23. И. Татарянов и А. Скорняков	9-10р.и. 13-18п.	6229 4418	7546	25 28	-	20	95	8000	11000	
						30	100	9000		
24. А. Богдатов ^{е/} С. Иванов	и 24р.и. 1п.	3380 1350	5134	-	-	68	-	25000	2400	
25. С. Турченинов	35-23р.и. 32-44п.	11857 16003	28058	16	-	93	-	29000	3000	
Всего:		762 814р.и. 237 294 п. 90-87л.	274555		1062 1111	-	835 896	778 803	335400 358500	315756

х Таблица составлена по следующим материалам: ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, оп. 2, л. 661, л. 10 об. - 12; 688, лл. 2-4; 689, лл. 1-3; 660, лл. 3 об. - 6 об.; 691, лл. 1-2; 672, лл. 4 об., 10; 654, лл. 2-2 об., 4, 13; 684, лл. 1-1 об.; 662, лл. 3-4; 924, лл. 77-81 об.; 669, лл. 6-9; 676, лл. 3-5 об.; 659, лл. 5 об. - 6; 693, лл. 1 об. - 2; 697, лл. 1-4 об.; 651, лл. 9 об. - 12; 677, лл. 3 об. - 4; 708, лл. 1 об. - 2 об.; 700, лл. 2-3; 703, лл. 2-3; 658, лл. 6-8 об.; 698, лл. 1 об. - 4; 665, лл. 6 об. - 9; 678, лл. 5 об. - 7; 679, лл. 4 об. - 7; 680, лл. 3-6 об.; 690, лл. 1 об. - 4; 699, л. 1; 705, лл. 1-3; 701, лл. 2-2 об.; 657, лл. 4 об. - 6, 7 об. - 8.

а/ "р.и." - разные изделия; их количество показано в аршинах;

б/ "п" - платочные станы; количество платков показано в штуках;

в/ кроме того, изготовлено 2 пуда 1 фунт шелковой пряжи на 445 руб. 50 коп.;

г/ "л" - ленточные станы; количество лент показано в аршинах. Стдельное обозначение л. станов допущено в виде исключения, т.к. производство лент явно преобладало над другими изделиями;

д/ наряду с платками делались кушаки;

е/ сведения за вторую половину 1766 г.

Итак, насколько нам удалось установить, в 1766 г. действовало 30 московских шелкоткацких мануфактур. От 5 из них полугодовых ведомостей не сохранилось. Поэтому сообщаемые нашими источником данные о численности названной группы предприятий являются соответственно неполными.

Однако они дают широкое представление о производственной деятельности большинства шелкоткацких фабрик, отраженной в таблице 4. Следует сказать о некоторых особенностях показателей, извлеченных из ведомостей группы шелкоткацких заведений. В таблице сведены вместе все станы, производившие "разные изделия", измерявшиеся в аршинах, в том числе и ленты. Такое условное объединение является вынужденным и объясняется очень большой номенклатурой "товаров", каждый из которых указывался в любой ведомости отдельно с обозначением соответствующего количества станов, на котором выпускался, объема производства, продажной цены (за 1 аршин) и суммы. Разумеется, встречаются мануфактуры, специализировавшиеся на изготовлении всего лишь двух-трех видов продукции. Но чаще ассортимент разнообразен: здесь "тафта", "перувиены", "перусены", "камка", "грезети", "штофы", "гарнитур", "бархаты" и пр.

Полугодовые ведомости показывают некоторые отличия организационного устройства шелкоткацких предприятий от суконных: ни в одном из документов не встречается указаний на полное разграничение производственного процесса между московскими и периферийными предприятиями с выполнением одними начальных операций и завершением производственного цикла другими. Зато для шелкоткацких предприятий не в меньшей, а в большей степени, чем для суконных, было характерно рассредоточение производственных помещений одного заведения по разным частям города. Ведомости позволяют установить, что не менее одной трети мануфактур были устроены подобным образом, причем преимущественно крупных - П. Колосова, Ф. Шелковникова и С. Фитонова, И. Демидова, А. Бабушкина, Д. Жукова и И. Суроженникова

и др. Отнести же их и все прочие шелкоткацкие заведения к предприятиям мануфактурного типа можно также на основании сведений об организации производства и вдобавок перечней работников по специальностям.

Подведем некоторые итоги. Данные полугодовых ведомостей не являются исчерпывающими для определения численности текстильных мануфактур Москвы (за исключением тех из них, которые относились к полотняному производству) и поэтому требуют проверки с помощью других источников. Но если учесть, что в тех случаях, когда отсутствуют документы конкретного предприятия за один определенный год (например, за 1766 г., взятый нами в качестве иллюстрации) и они имеются за другие ближайшие годы, то картина становится достаточно полной.

Ценность полугодовых ведомостей как исторического источника повышается за счет их делопроизводственного единообразия, обусловленного наличием единого формуляра, не изменившегося в течение последней трети XVIII в. Благодаря этому все сведения, содержащиеся в документах, однотипны и сопоставимы между собой.

Полугодовые ведомости являются уникальным источником, ибо, как никакой другой, содержат в наиболее полном виде данные об организации производства и оборудовании предприятий, их производственных мощностях, численности и социальном составе работников.

Примечания:

1. Полосин И.И. Промышленная статистика и политика 18 века. - "Архив истории труда в России", 1924, № II-12, с.7-12.
2. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947, с.21.
3. Любомиров П.Г. Указ.соч., с.19.
4. ИПСЗ, т.УП, № 4447.
5. Там же.
6. ИПСЗ, т.ХVI, № 12037.
7. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.169, л.46.
8. Там же, д.452, л.14 об.
9. Мешалин И.В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.-Л., 1950, с.13.

10. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.312, 548, 549, 554, 558, 559, 560, 561, 562, 564, 565, 566, 568, 569, 570, 572, 935, 1843.
11. Полосин И.И. Указ. соч., с.11.
12. Бабурин Д.С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М.1939, с.302.
13. Там же, с.152.
14. Володарская Ч.Г. Социальный состав рабочих людей полотноных посессионных мануфактур в 50-60 гг. XVIII в.- "Научные доклады высшей школы", 1960, № 2, с.135.
15. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.1883.
16. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции, т.У1, кн.Ш, М., 1786, с.708.
17. Мурзанова М. На московско-новгородской парусной фабрике (1696-1772-1829 гг.) - "Архив истории труда", 1921, № 2, с.1.
18. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.1883, л.55.
19. Там же, д.175.
20. Там же, д.1883, л.58.
21. Чулков М. Указ. соч., с.708.
22. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.150, л.36, об.
23. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.164, лл.5-5об.; 163, лл.9-9об.
24. Там же, д.255, л.110.
25. Там же, л.111 об.
26. Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955, с.20.
27. Чулков М. Указ. соч., с.703-704.
28. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.492, лл.1-3 об.
29. Там же, д.1883, л.9, об.
30. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.472, л.3.
31. Там же, д.1826, лл.1-2 об.
32. Там же, д.480, лл.3-4; 664, л.6.
33. Там же, д.664, л.5.
34. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.477, л.5; 475, л.2.
35. Там же, д.493, л.3.
36. Там же, д.495, л.9, об.
37. Чулков М. Указ. соч. с.705-707.
38. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.662, л.1; 624 лл.113-113 об.
39. Там же, д.941, лл.4, 15.
40. Там же, д.669, лл.1, 10.
41. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.1883, лл.36, об., 40 об.
42. Там же, л.35.
43. Там же, лл.39, об., 40.
44. Там же, д.664.
45. ЦГАДА, ф.277, оп.2, д.660, 683, 738.
46. Там же, д.1883, л.38.
47. Там же, л.38 об.

А.В.Аникин

ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА 80-х ГОДОВ
XIX в.

Изучение истории проникновения экономической теории К.Маркса в Россию имеет давнюю традицию. Настоящее сообщение является попыткой раскрыть еще одну страницу в этой истории. Она связана с именем Н.С.Русанова.

Николай Сергеевич Русанов был на рубеже 70-х-80-х г.г. прошлого века еще совсем молодым публицистом, но хорошо известным читающим современникам. Его статьи, регулярно появлявшиеся в журналах "Дело", "Русское богатство", "Отечественные записки" и др., не проходили незамеченными, читались, обсуждались, критиковались.¹ На некоторые статьи Русанова обратили внимание и ученые-экономисты - об этом свидетельствует, например, полемика нашего автора с В.В. (В.П.Воронцовым). Одна из принципиально важных статей Русанова вызвала не только ответ В.П. Воронцова, но и высокую оценку через 20 с лишним лет таким крупным экономистом, как М.Туган-Барановский в его книге "Русская фабрика в прошлом и настоящем". Автор этого исследования считает русановскую критику взглядов В.В. даже "более сильной"², чем возражения Н.К.Михайловского. Надо заметить, что в момент полемики Русанову едва

исполнился 21 год.

Сейчас имя Н.С.Русанова известно лишь узкому кругу историков русского пореформенного общественного движения.

Между тем публицистическое наследие Н.С.Русанова огромно и оно заслуживает стать предметом специального исторического анализа. Даже опубликованные статьи Н.С.Русанова³, взятые вместе, являются ценным и до сих пор не обработанным историческим источником, изучение которого может пролить свет на многие проблемы истории общественного движения и общественной мысли, в частности — развития революционных идей, истории периодической печати и др.

В данном сообщении мы ставим себе целью, основываясь на опубликованных статьях Русанова 1880—1882 гг. проанализировать один из аспектов первого этапа его публицистической деятельности. Это в то же время означает введение в научный оборот прежде разрозненной и неизученной в целом группы важных исторических источников. Хронологический этап, взятый нами, объясняется обстоятельствами жизни и идеинной эволюции самого Н.С.Русанова. Круг проблем, затронутых за два года сотрудничества в русских легальных журналах, вполне определен. Кроме этого — в марте 1882 года Н.С.Русанов покидает Россию почти на четверть века.

Всего за период до марта 1882 года Н.С.Русанов опубликовал 13 больших статей.⁴

Тематически его публицистику этого периода можно разделить на три группы: а) Статьи, посвященные проблеме развития российской экономики и, в первую очередь, ее капиталистических черт.⁵ б) Работы по вопросу о роли экономики и политики в общественной эволюции.⁶ в) Статьи, направленные на защиту и популяризацию экономической теории К.Маркса и критикующие с позиций этой теории различные буржуазные экономико-политические доктрины.⁷

Помимо этого, были напечатаны две статьи Русанова — "Высшее женское образование в России"⁸ и "Задачи воспи-

тания"⁹, которые в обдедемократическом ключе решала конкретные, поставленные в заголовках, вопросы. Мы остановимся лишь на первой группе работ Русанова, посвященных, как уже говорилось проблеме современного экономического развития России. Конечно, наше деление публицистики Н.С.Русанова этого периода на указанные группы весьма условно. Главное, что связывает воедино все русановские статьи 1880—1882 г.г., — это, по собственному его утверждению, их "марксистский дух". Другими словами, в этот период Н.С.Русанов пытался анализировать все поднимаемые в статьях проблемы с позиций экономической теории К.Маркса, как он ее тогда понимал. Даже сам по себе этот факт интересен как еще одно свидетельство распространения идеи Маркса в России рубежа 70-х — 80-х г.г. XIX века.

В этом плане наиболее рельефна и показательна первая из больших русановских статей — "Современные проявления капитализма в России".

Главный вопрос статьи сразу вводит читателя в круг наиболее животрепещущих проблем, дискутируемых тогда как в подполье, так и в легальной печати. Он таков: "Должна ли Россия в сравнительно-недалеком будущем неизбежно сойти на время на окольную проторенную Западной Европой дорогу капиталистического производства, или же прямо выбраться на столбовой путь производства народного..."¹⁰ Вопрос поставлен так, что сразу понятно: автор не сомневается в конечном результате — Россия неминуемо придет к социализму — ибо "народное производство" — это подцензурное название именно социализма. Но как, через капитализм или нет? Проблема, по-видимому, предполагает анализ экономических явлений. Но только ли сугубо научную цель преследует автор, поднимая такой вопрос? Очевидно, нет: "Решить поставленную задачу необходимо, как нам кажется, потому, что от того или иного ответа на нее должны существенно измениться характер и направление деятельности лучшей части русского общества"¹¹. Нетрудно понять, кого наш публицист имеет в виду. Как раз в момент выхода раз-

бираемой статьи (январь 1880 г.) эту "лучшую часть" постигла очень серьезная неудача – в течение десяти дней революционеры потеряли две главные подпольные типографии. В ночь с 17 на 18 января погибла типография в доме № 10 по Саперному переулку, 29 января полиция открыла и арестовала типографию "Черного Передела".

В феврале прекратила существование третья подпольная типография – "Северного Союза Русских Рабочих". Оправиться от этого удара революционеры смогли только через полгода – в начале июня вышел № I "Листка Народной Воли". Временное молчание подпольных публицистов, естественно, повышало роль легальных произведений печати, написанных в радикальном ключе.

Итак, вопрос поставлен, цель намечена. Русанов условно делит всех экономистов на два разряда – признающих *status quo* в материально-производственной сфере человеческих отношений и тех, которые исходят из факта постоянного изменения социально-экономических форм. Применительно к России, вторая группа делится автором, в свою очередь, на две части. Водораздел между ними – отношение к марксовской экономической теории в смысле ее приложения к русским условиям. "Марксистами" называет Русанов считающих безусловной неизбежностью капиталистический этап в России; "народниками" – адептов идеи полного неприложения системы Маркса к русской экономической среде.

Заметим во избежание терминологической путаницы, что у Русанова, как, впрочем, и у многих его современников, противопоставление "марксистов" "народникам" наполнено совсем иным содержанием, нежели сейчас. По современной терминологии и те и другие фигурируют как народники. У Русанова же под "марксистами" подразумевались лавристы (или "впередовцы"), между взглядами которых и взглядами П.Л.Лаврова (и, естественно, К.Маркса) нельзя ставить знак равенства.

Итак, "марксисты" и "народники". Сначала о первых. Русанов считает, что признавать "абсолютную и неизбежную

необходимость развития у нас капиталистического строя на том основании, что эта теория, блистательно подтверждаясь в жизни Западной Европы, не может, мол, как теория всеобщая, не иметь абсолютного приложения и к России"¹², значит совершенно не понять "внутреннего духа и смысла марксовского обобщения"¹³, поскольку "этот изумительный по уму и эрудиции мыслитель ничего столь сильно и резко не оспаривает, как иллюзии ортодоксальных экономистов видеть в законах общественных вообще и народно-хозяйственных, в частности, законы природы, т.е. законы всеобщие и неизменные для всех времен и народов. Видя в теории Маркса выражение всеобщего закона человеческих обществ, наши марксисты, — утверждает далее Русанов, — сами того не подозревая сблизилась отчасти с учением буржуазных экономистов о неизменности социальных и политико-экономических законов, учением, потрясенным вконец анализом самого Маркса"¹⁴.

Конечно, молодой автор достаточно сильно схематизирует взгляды противников и заостряет противоречия для более рельефной прорисовки своей точки зрения. Однако материалом для Русанова при изображении "марксистов" послужили взгляды знакомых нашего автора — А.А.Мурашкинцев и его друзей по кружку лавристов.¹⁵

"Народники" же, по мнению Русанова, впадали в другую крайность. "Желая сбить противников, родственных им по мировоззрению, но расходящихся с ними в частности ("марксистов" — А.А.) с позиции, они стали видеть в русском народе какой-то совсем особый народ на земном шаре, стали всячески идеализировать его, приписывать ему особые специфические добродетели, облекли совокупность этих добродетелей ореолом "величия народной правды". Они стали даже видеть "основные племенные черты" русского народа в таких явлениях, которые на самом деле есть черты не только что общеевропейские, но и общечеловеческие."¹⁶ Подход, как видим, более романтико-патриотический, нежели научный. "...Наша народники, в пылу борьбы, сошли с научной почвы

и своими рассуждениями о мнимых "основных племенных чертах" русского народа воскресили в нашей памяти тени славянофилов..."¹⁷

Надо заметить, что все вопросы статьи, по цензурным условиям, решаются Русановым почти исключительно в теоретическом плане, практическая же сторона проблемы и, в частности, взгляды на практическую деятельность адептов той или иной точки зрения остаются в тени. Такой поворот в изложении существенно не исказил лица "марксистов". "Революцию они, — пишет Русанов в воспоминаниях, — по крайней мере временно, отодвигали на задний план и подготавливали себя к мирной пропагандистской деятельности на многие годы ..."¹⁸

Не то — с "народниками". Отсутствие практической части их взглядов расширяет группу "народников" русановской статьи до пределов, охватывающих все их разновидности — от М.А.Бакунина до В.П.Воронцова включительно.

Это обстоятельство несколько схематизирует положение вещей, поскольку в жизни приверженцев "народнической" — по терминологии Русанова — доктрины было гораздо больше, чем "марксистов" — в статье же они предстают как равновеликие группы.

Самый интересный и показательный, в смысле убеждений самого автора, вопрос статьи — это вопрос об общине. Решается он в статье так: нет обязательного закона разложения общины — "...вероятность" и "необходимость" разложения общины далеко не одно и то же ..."¹⁹, но нет в ее существовании и панацеи от капитализма — "Ясно как божий день, что одно существование общины не гарантирует нас от прелестей капиталистического производства".²⁰

Русанов понимает, что русская община — это не уникальное, чисто русское явление, а институт, типичный для многих народов, ссылаясь в доказательство этого на марксову "Критику политической экономии", и тем не менее, процесс разложения общины, имевший место в большинстве стран, он трактует скорее по-дюрингиански, чем по-марк-

систки, ставя во главу угла идеи о толчке извне, как основном факторе распада общинной организации: "Если в большинстве случаев наша община разлагалась, то из подобных фактов вытекает не то заключение, что разложение общины есть процесс фатальный, а то, что первобытная община окружена массой опасностей, грозящих ей гибелью, что она - очень нежное социальное тело, что она не обладает устойчивым равновесием и, стало быть, при малейшем толчке со стороны распадается (курсив наш - А.А.)"²¹.

Но возникает вопрос - если община столь хрупка, то как же она уцелела в течение с лишком тысячи лет в российских условиях? Русанов, видимо, предвидя такой вопрос, различает в общине два уровня коллективизма - инстинктивный - у первобытных дикарей и сознательный, когда община более крепка, который, надо думать, и имеет место в великорусском "мире".

Итак, решение вопроса о будущем экономическом укладе России зависит, по Русанову, от условий, при которых возникает борьба между общиной, как коллективистским началом, и капитализмом - началом индивидуалистическим. "Ответ на вопрос дается исследованием атмосферы, которая окружает теперь русскую общину и вообще России"²², - справедливо полагает Русанов. Найдем мы в ней западноевропейские экономические черты - капитализм возможен (заметим, что возможен, а не немыслим!), не найдем - стало быть, можно успокоиться - капитализм в России не привьется. Такие черты в экономике России безусловно, есть. Это - пролетаризация крестьян, скупщичество, международная торговля. Подробному анализу этих явлений посвящена вся вторая часть статьи. В результате Русанов приходит к тому выводу, что в России уже существуют серьезные предпосылки для утверждения капитализма.

Следует резюмировать статью:

"Мы стоим у преддверия капитализма. Община при всем своем благотворном влиянии на народ, когда он более или менее обеспечен, не в состоянии спасти его от "свободо-

мыслящей" буржуазии, коль скоро он находится в неблагоприятных экономических условиях. Напротив, она сама разлагается в силу стремления крестьянского населения отделиться от земли, стремления, вынуждаемого этими же самыми неблагоприятными экономическими условиями, - вот что следует, по нашему мнению, из всего вышесказанного. Это понятно: община предотвращает неравномерное распределение у народа земли, но она бессильна бороться против равномерной эксплуатации народа. Что нужно предпринять в таком случае, о том не место говорить в этой статье²³.

Мы так подробно остановились на этой статье Русанова потому, что в ней проблема русского капитализма, как ее понимает автор, решается наиболее полно и подробно. Другие статьи, отнесенные нами к той же группе, лишь дополняют по различным конкретным поводам изложенную позицию. Так, в статье "Общинное землевладение и крестьянские платежи" Русанов, анализируя работу В. Орлова - формы крестьянского землевладения в московской губернии (первый выпуск IV тома "Сборника статистических сведений по Московской губернии") (М., 1879), доказывает, что главная причина частых переделов земли лежит в высоких платежах. Корень зла, следовательно, находится не в сфере самого существа общинного владения, а в политике платежей. Выход из этого Русанов видит в отмене подушной подати и замене ее каким-либо другим налогом.

Орлов же причину частых переделов сводит к немобильности общинной системы распределения земли, при которой измененке "земледельческой способности", зависящей от размеров двора ведет к изменениям в размере владений двора, что, в свою очередь, приводит к частным переделам - "свалке и навалке душ", чересполосице и, в результате, к общим переделам.

Та же защита общины проводится Русановым и в другой его статье - "Штопанье мужицкой сермяги". Непосредственной причиной, побудившей Русанова к написанию этой работы, явился т. н. "Проект устава земского банка мелкого земельного

кредита", разработанный кн. А.И.Васильчиковым, Н.А.Вагановым, А.А.Кауфманом, Н.Ф.Фон-дер-Флитом и В.Н.Хитрово. При оценке проекта Русанов ставит во главу угла отношение его авторов к общине. "Если они (авторы проекта - А.А. не прониклись вполне мыслью о необходимости этой формы быта, - утверждает наш публицист, - если они не имели ее постоянно в виду при составлении каждого из параграфов устава, то можно без всякой ошибки утверждать, что как бы ни был, повидимому, осуществим проект, как бы ни было стройно здание его, все же оно будет зданием, воздвигнутым на песке. Фундаментом проекта улучшения крестьянского быта только и может быть признание общины со всеми ее логическими и жизненными последствиями. Без этого проект такого рода рассыпается".²⁴

Авторы же проекта, по мнению Русанова, на словах признают значение общины, а фактически своими мероприятиями, предусмотренными проектом, будут ее разрушать. Это проявится, в частности, в предпочтении, оказываемом при выдаче денежных ссуд частным лицам, т.е. по преимуществу кулакам.

Предостережение против слишком оптимистического взгляда на слабость и неспособность русского капитализма звучит в уже упоминавшейся нами полемической статье Русанова "Против экономического оптимизма". Исходные позиции в этой статье - те же, что и в "Современных проявлениях капитализма..." Критике Русановым подвергаются один за другим основные аргументы В.В. в пользу мнения о невозможности русского капитализма.²⁵ Так, одним из доказательств невозможности для России успешного развития капитализма В.В. считает кризисы перепроизводства в западноевропейских капиталистических странах. Эти кризисы, по мысли Воронцова, предвещают скорую гибель капитализма, заполняют товарами международный рынок и закрывают для России возможность сбыта товаров за границей. На это Русанов отвечает: "... указание на экономические кризисы Западной Европы не есть еще указание на "хилость"

русского капитализма ... недостаток сбыта продуктов, вытекающий из излишка производства над потреблением, влияет, собственно говоря, более на интенсивность, на обширность и глубину кризиса, чем на совершенное отрезывание производителей дороги на рынок".²⁶

Другим тормозом для крупной промышленности, а следовательно, для капитализма в целом, Воронцов считал избыток и дешевизну в России рабочих рук, что, по его мнению, предполагает незаинтересованность капиталистов в машинном производстве. Его оппонент на это замечает, что пока крупное машинное производство в России еще действительно невозможно, но зато вполне мыслима мануфактурная стадия промышленного развития. "Объединение рабочих-кустарей в мануфактуру - вот естественная форма русского капитализма в ближайшем будущем".²⁷ Не вызывает большого труда для Русанова и развенчание чисто морального аргумента В.В. против русского капитализма: слишком уж безобразной, а следовательно, невозможной будет картина пролетаризации масс в результате развития крупного машинного производства. "Нравственное негодование, - справедливо отвечает Русанов, - обрушивающееся на капитализм, не решает вопроса о капитализме".²⁸ Итог статьи таков: "... нужно работать, нужно бороться против капитализма, этого опасного врага народного благосостояния, нужно выискивать целесообразные средства для борьбы с ним "делом и оловом", а не усаживать себя иллюзиями о том, что русский капитализм хил, что он у нас не разовьется".²⁹

В ответной статье В.Воронцова, озаглавленной "В защиту капиталистического пессимизма"³⁰, автор стоит на своем, продолжая утверждать, что форма, в какую вылилась эксплуатация народного труда на Западе - капиталистическое производство (резрядка авт.), - не получает господства в России...³¹ При этом он оговаривается, что в статьях, критикуемых Русановым, ставил задачей доказать лишь невозможность для России появления и развития крупной промышленности, а не капитализма вообще. В широком же плане

капитализм может, мол, заполнить страну даже при отсутствии крупного капиталистического производства. Такая оговорка, на наш взгляд, означала сдачу части позиций, отстаиваемых им в предыдущих статьях.

Полемика В.П.Воронцова с Н.С.Русановым доказывает наличие некоторых разногласий внутри самой народнической доктрины по вопросу о капитализме. В этой связи интересно отметить, что подпольно-народнические публицисты в это время (около 1880 г.) были по своим взглядам более близки В.В., чем его оппоненту. Всего за год до появления первой русановской статьи, в которой, как мы уладились, автор утверждал, что Россия уже встала на капиталистический путь развития, газета "Земля и воля" в своей передовой статье из № 3³²/написана Г.В.Плехановым/ утверждала: "Общество не может перескочить через естественные фазы "своего развития, когда оно напало на след естественного закона", говорит Маркс (разрядка авт. — А.А.). Значит, пока общество не нападало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна. <...> ... пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса".³³ Более того, даже если община будет насильственно разрушена государством, и в этом случае вопрос не будет решен в пользу капитализма, — полагает Плеханов — земледелец, — поскольку при этом не произойдет изменения народных привычек... коренного изменения народного характера нельзя ожидать тотчас же за падением общины..."³⁴ Такие же "оптимистические" оценки можно найти в выпускавшейся чуть раньше газете "Начало".

На первый взгляд может показаться, что подпольные публицисты конца 70-х г.г., взгляды которых, несомненно, отражали отношения групп и партий, ими представляемых, недооценивают степень развития буржуазных отношений в

современной им России. Но это не так. Народники видели, что капитализм развивается, они умели в пестрой экономической действительности выделять буржуазные черты. (Об этом свидетельствует хотя бы признание "Землей и волей" буржуазного характера реформы 1861 года, верное понимание причин исчезновения кустарной промышленности и пр.³⁵) Они не столько недооценивали фактическое развитие капитализма в России, сколько его силу и самостоятельность. Считалось, что без государственной протекции капитализм не сможет утвердиться сам (в этом вопросе нелегальные публицисты "Начала" и "Земли и воли" солидарны с В.В.), а потому о гибели самодержавия незрелая русская буржуазия не сможет составить серьезной угрозы народно-социалистическому строю.³⁶ В этом смысле позиция Н.С.Русанова была, на наш взгляд, более реалистичной. И уж, тем более, не являлась анахронизмом по сравнению с мнениями революционной печати. Это очень важно, поскольку читатели легальных журналов, а их было, естественно, больше, чем знакомых с подпольной периодикой, могли получать из русановских статей теоретический и информативный материал, вполне отвечающий моменту.

В числе причин, обусловивших именно такой характер позиции Русанова, важную роль сыграли, конечно же, собственные наблюдения Н.С.Русанова, достаточно хорошо знакомого с русской жизнью, с одной стороны, и работами отечественных экономистов — с другой. Но, безусловно, главной, на наш взгляд, причиной этого мы считаем его знание и полное приятие (на том этапе идейной эволюции) экономической теории К.Маркса. Реализм русановской позиции, его успешная полемика с В.П.Воронцовым показывает, какие результаты могла дать в то время попытка (речь в данном случае не идет, естественно, о подлинно марксистском анализе русской экономики) применения знаний, почерпнутых из работ К.Маркса, к российской действительности.

Примечания:

1. Русанов Н.С. На родине. 1859-1882. М., 1931. с.262.
2. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. т.1, изд.2, Спб., 1900, с.550.
3. В архивах СССР существуют два личных фонда Н.С.Русанова - Отдел рукописей ИВ - ф.657 и Рук.Отд.ГБЛ - ф.678 - см.Личные архивные фонды в хранилищах СССР, т.2, М.,1963, с.132; т.3 М., 1980, с.340.
4. ч.П статьи "Кое-что об экономической науке и буржуазной жизни" и статья "Исторический компромисс" - были напечатаны соответственно в 5 и 6 книжках "Дела" за 1882 г., т.е. уже после отъезда Н.С.Русанова за границу.
5. Русанов Н.С. Современные проявления капитализма в России. "Русское богатство", 1880, № 1, отд.1, с.70-108; № 2, отд.1: с.49-88; его же. Общинное землевладение и крестьянские платежи - "Юридический вестник", 1880, № 7, с.428-468; его же. Штопанье мужицкой сермяги. (По поводу проекта устава земского банка мелкого земельного кредита). "Дело", 1880, № 10, отд.2, с.64-96; его же. Против экономического оптимизма. - "Дело", 1880, № 12, отд.2, с.59-82.
6. Русанов Н.С. Из истории русского крестьянства, "Русское богатство", № 4, отд.2, с.21-35; его же. Экономика и политика, "Дело", 1881, № 3, отд.2, с.41-74; его же. Экономический принцип в социологии. "Дело", 1881, № 10, отд.1, с.85-115; № 12, отд.1, с.183-217.
7. Русанов Н.С. Наши катедер-экономисты. "Дело", № 11, отд.2, с.33-64, его же. Преемственность экономических аксиом, "Дело", 1881, № 1, отд.1, с.240-266; его же. Кое-что об экономической науке и буржуазной жизни. "Дело", 1882, № 3, отд.2, с.28-44; № 5, отд.2, с.58-74; его же. Исторический компромисс, "Дело", 1882, № 6, отд.2, с.63-92.
8. "Дело", 1881, № 2, отд.2, с.103-119.
9. "Дело", 1881, № 6, отд.2, с.1-23.
10. "Русское богатство", 1880, № 1, отд.1, с.79.
11. Там же.
12. "Русское богатство", 1880, № 1, отд.1, с.84.
13. Там же.
14. Там же, с.84-85.
15. Вот что писал впоследствии Русанов в своих воспоминаниях: "Эта вера в большую возможность временного пришествия буржуазного царствия быстро росла у Мурашкинцев со времени его приезда в Питер. Я очень боюсь приписать Мурашкинцеву уже в то время, что было ясно сформулировано лишь гораздо позже: через неизбежный капитализм к неизбежному социализму. Но кое-что из таких взглядов, характеризующих русский марксизм в его развитом виде, имелось у Му-

ришкинцева, как имелося оно, и пожалуй в еще усугубленном виде, у его товарищей... Все они сильно подчеркивали необходимость для России хотя некоторых первичных фаз капиталистической эволюции, как это довольно ярко сказалось на спорах между ними и бунтарями, спорах живо занимающих революционную интеллигенцию всю осень и зиму 1877-1878 гг. и перешедших на весну 1878... сами члены этой группы не называли себя официально марксистами, хотя и более других течений занимались Марксом, и почти перестали называть себя лавристами... а предпочитали название социалистов-федералистов".

Русанов Н.С. На родине, с.123.

16. "Русское богатство", 1880, № I, отд. I, с.92.

17. Там же, с.95.

18. Там же, с.123.

19. Там же, с.91.

20. Там же, с.93.

21. Там же, с.91.

22. Там же, с.96.

23. "Русское богатство", 1880, № 2, отд. I, с.87-88.

24. "Дело", 1880, № IC, отд. 2, с.72.

25. Взгляды эти развивались В.П.Воронцовым в статьях: "К вопросу о развитии капитализма в России" - "Отечественные записки", 1880, № 9; "Мысли о будущем помещичьих хозяйств", - "Русское богатство", 1880, № 10, и др., т.е. еще до выхода его знаменитой книги "Судьбы капитализма в России" (1882 г.).

26. "Дело", 1880, № 12, отд. 2, с.63.

27. Там же, с.69.

28. Там же, с.73.

29. Там же, с.82.

30. "Русское богатство", 1881, № 2, отд. 2, с.1-20.

31. Там же, с.1-2.

32. номер датирован 15 января 1879 г.

33. Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Дону, б.г. с.149-150.

34. Там же, с.154.

35. Революционная журналистика ..., с.93.

36. Заметим, что эта точка зрения сильно изменилась в сторону реализма на страницах "Народной воли".

К.Б.Литвак

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО
ХОЗЯЙСТВА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЗЕМСКИХ ПОДВОРНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ 1880-х гг. И 1910 г.)

Изучению аграрного развития России периода капитализма посвятило свою научную деятельность не одно поколение советских историков. И это естественно, ибо лишь на основе глубокого марксистского исследования данной проблематики, начало которому было положено В.И. Лениным, возможны ясные представления о том, как, почему и каким образом произошло к Великой Октябрьской социалистической революции подавляющее большинство населения нашей страны. Достигнутые в этой области исторических исследований успехи породили, в свою очередь, и целый ряд новых проблем, решение которых наталкивается на необходимость расширения круга источников, вводимых в научный оборот. Вместе с тем огромное значение приобретает путь интенсивного освоения ранее известных источников, рассмотрения их под новым углом зрения, применения более совершенных методов их анализа. Уже свыше ста лет экономисты и историки пользуются сведениями земских оценочных сводок, но вплоть до настоящего времени нет ни одной сколько-нибудь крупной работы, в которой материалы пообщинных таблиц земских подворных переписей стали бы основным объектом конк-

ратно-исторического исследования.

Вполне понятно, что при изучении социально-экономической структуры деревни, внутреннего строя крестьянского хозяйства предпочтительнее всего оперировать с данными по отдельным крестьянским дворам. Однако подобный цифровой материал весьма локален и эпизодичен, а его обработка очень затруднена. В то же время существует огромный комплекс опубликованных итоговых поселенных сводок земских переписей, охвативших 35 губерний Европейской России. Всего земствами было обследовано 211 уездов, причем 60 уездов дважды, а Полтавская губерния даже три раза. Если удастся выработать достаточно результативные методы анализа, то трудно будет переоценить значение этого источника для исследования различных сторон аграрной жизни России конца XIX — нач. XX вв. Он позволил бы не только глубже понять суть тех или иных явлений, имевших место в русской деревне, но и проследить за процессами, протекавшими в ней, вскрыть динамику изменений, вызванных развитием капитализма.

Попробуем провести такой анализ на примере Полтавской губернии — района с типичным для средне-черноземного центра страны уровнем развития капитализма. При решении этой задачи желательно было бы, во-первых, охватить всю территорию губерния и, во-вторых, не ограничиваться лишь каким-то одним временным срезом. Поэтому есть прямой смысл исследовать поволостные итоги I-й земской переписи Полтавской губернии, проводившейся в 1880-х гг., сравнив их затем с соответствующими данными III-й переписи за 1910 год¹.

Для анализа социально-экономической структуры деревни прежде всего необходимо выделить различные по зажиточности группы волостей, что требует выбора эффективного критерия группировки. Конечно, наилучшим был бы какой-либо стоимостный показатель. Но учет земскими статистиками, например, доходности пашни — крайне редкое явление. Поэтому придется обратиться к натуральным пока-

зателям, среди которых обеспеченность рабочим скотом (если речь идет о местности о земледельческо-животноводческой специализацией), видимо, наилучшим образом отражает социально-экономический уровень хозяйства. Безусловно, двухкшадного крестьянина отнюдь не каждой губернии можно причислять к середняку, однако по сравнению с прочими признаками данные об обеспеченности скотом имеют наименьший разброс числовых значений, что облегчает работу по выделению определенной социальной группы сельского населения в самых разных и отдаленных друг от друга регионах.

Этим как раз и объясняется выбор критерия группировки волостей Полтавской губернии. Все она были разделены на три категории в зависимости от того, во сколько раз число дворов без и с одной головой крупного скота в каждой из них превосходило количество хозяйств с 7 и более головами.² В полученную таким образом верхнюю группу вошло 48 волостей, среднюю — 97 и нижнюю — 76 вол.³

Проведенная группировка, бесспорно, далека от совершенства. Но при тех показателях, которые присутствуют в сводке переписи 80-х гг. XIX века, она представляет собой оптимальный вариант.

Итак, для каждой из намеченных групп на основе 30 наиболее важных признаков, отобранных из итоговых поволостных таблиц переписи 1882—1889 гг. было введено 46 относительных показателей. И затем на ЭВМ вычислены статистические характеристики этих показателей и их корреляционные взаимосвязи.

Переходя к изучению полученных данных, обратимся в первую очередь к сравнительному анализу уровня крестьянского хозяйства Полтавской губернии 1880 гг.

Таблица I

Средние величины признаков по группам
волостей (1882-1889 гг.)

	Группы волостей		
	I зажиточные	II средние	III бедные
1. Населения на двор	5,87	5,75	5,43
2. Хозяйств с отходом на дальние промыслы в общем числе дворов (%)	5,31	12,85	15,29
3. Своей удоб. земля на двор (в дес.)	7,11	5,74	5,48
4. Хозяйств, арендующих пашню, в общем числе дворов (в %)	44,60	48,82	38,03
5. Арендовано пашни на двор (в дес.)	1,85	1,78	1,43
6. Хозяйств, сдающих всю свою землю, в общем числе дворов (в %)	9,98	10,68	14,59
7. Всех посевов на двор (в дес.)	4,76	4,18	3,60
8. Волон на двор	1,08	0,70	0,65
9. Лошадей на двор	0,60	0,58	0,42
10. Всего кр. скота на двор В общем числе дворов доля хозяйств (в %)	2,58	2,10	1,70
11. Без пашни и без земля	14,54	14,75	25,91
12. С пашней 0,1 - 3 дес.	24,85	26,73	27,26
13. С пашней 9,1 - 15 дес.	9,27	7,34	6,84
14. С пашней св. 15 дес.	7,33	3,95	4,87
15. Без кр. скота	24,28	25,64	35,80
16. С 1 головой кр. скота	12,12	14,36	16,30
17. С 7 и более гол. кр. скота	6,89	2,82	2,05

Соотношение средней обеспеченности хозяйств по изучаемым группам достаточно четко отражает результаты на-

шей группировки. По большинству показателей наблюдается понижение хозяйственной мощи от первой группы волостей к третьей. Приоритет верхней группы волостей проявляется и в размерах удобной земли, и в площади посева как в среднем на двор, так и на душу. Причем разница между первой и третьей группами волостей в землевладении одного двора составляла 1,63 дес., в размерах посева - 1,16 дес., а по аренде пахоты - лишь 0,42 дес. Следовательно, достигалось такое преобладание, в первую очередь за счет покупки земли, реальная возможность которой существовала только у зажиточных. Аренда же, видимо, была развита повсеместно и в той или иной степени практиковалась всеми хозяйствами. Правда, для средних по состоятельности дворов она имела первостепенное значение при расширении производственных площадей. Не случайно во второй группе волостей была сама высокая доля арендаторов, да и арендованная пашня занимала почти 42% от общей площади посевов. Хотя, конечно, по размерам арендуемых участков первенство оставалось за самыми зажиточными.

Сравнение групп по средней обеспеченности скотом дает аналогичную картину. Причем превосходство в численности тяглового скота первой группы над второй было связано прежде всего с преобладанием волов, а не лошадей. Вероятно, покупка волов была делом не только малосостоятельных, но и тех, кто уже имел 4-5 голов скота.

Ухудшение условий для земледелия, естественно, вело к увеличению сдачи земли беднейшими дворами и поиску иных средств существования. Но даже учитывая, что в нижней группе волостей дворы с промыслами составляли 15% (промышленники - 4% населения), а хозяйства без скота 36%, становится ясным, что уже в 80 гг. XIX в. аграрное перенаселение в Полтавской губернии приобрело весьма крупные масштабы. Далеко не все из обедневших способны были продать свою рабочую силу. При общем для всего крестьянства недостатке земли и темпах развития местной промышленности ниже, чем нарастающее высвобождение рабочих рук в дерев-

не, пауперизация крестьянства не могла не преобладать над процессом образования сельского пролетариата.

Таким образом, абсолютные средние свидетельствуют о явном превосходстве уровня крестьянского хозяйства тех волостей, в которых численное преобладание плохо обеспеченных скотом дворов было минимальным. Группировка волостей в зависимости от разной обеспеченности дворов крупным скотом себя оправдала. Но при обращении к соотношению социальных групп деревни (см. табл. I) выясняется, что структуру хозяйства определенной категории волостей вряд ли можно экстраполировать на соответствующий тип крестьянского двора. Ибо уже в нижней группе волостей, где беднейшие составляли св. 50% от общего числа дворов, отклонения должны быть столь значительны, что о модели бедного крестьянского хозяйства в "чистом виде" не может быть и речи. Скорее всего, основываясь на данных по зажиточной и бедной группам волостей, правомерней говорить о тенденциях развития соответствующих типов хозяйств. Средняцкое же хозяйство, изучение которого до сих пор остается на начальной стадии - в первую очередь из-за отсутствия четких критериев его оценки, - нельзя всесторонне исследовать на материале средней группы волостей, где большинство дворов представляли собой поляса деревни. Среднее же крестьянство отнюдь не являлось чем-то вроде среднего арифметического между бедняком и кулаком.

Поэтому при анализе корреляционных взаимосвязей показателей основное внимание было уделено структуре полярных волостей.

Таблица 2

Взаимосвязи основных хозяйственных показателей по группам волостей (1880-е годы)
(Над диагональю - III группа, под диагональю - I гр.)

	Коэффициент корреляции $\rho_{...}$									
	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Населения на двор	X	II	24	20	-16	38	-03	04	05	03

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2. Доля хозяйств с промыслами	-27	X	02	-06	-01	10	05	01	-23	-10
3. Удобной земли на двор.....	57	-30	X	-04	-11	43	53	-08	-05	45
4. Арендовано пашни на двор	36	-23	0	X	-28	65	28	09	-17	22
5. Доля дворов, сдающих всю землю	-32	09	-02	-23	X	-51	-28	-35	02	-45
6. Посева на двор.....	69	-36	53	61	-34	X	51	12	-21	43
7. Волон на двор	35	-15	48	-08	21	31	X	-04	-64	54
8. Коров на двор	-08	05	-21	18	-17	-13	-51	X	14	64
9. Лошадей на двор	26	-25	31	16	-20	23	-37	05	X	13
10. Всего кр. скота на двор	53	-36	62	18	-17	43	22	13	73	X

Как видим, коэффициенты корреляции по объемам группам волостей в целом не высокие. Но и они позволяют с достаточной определенностью судить о явлениях, характерных для того или иного типа волостей.

Так, ясно, что большая семья лучше была обеспечена и землей, и скотом, и посевом. Причем съемка земли для большесемейных хозяйств была предпочтительнее сдачи, и кроме того, если уж такой двор арендовал землю, то сразу довольно крупными участками (это следует из соотношения коэффициентов корреляции населенности двора с арендованной пашней и с долей арендуемых хозяйств, которые в таблице 2 опущены).

Заметим, что в верхней группе волостей зависимость между дворами с промыслами и основными показателями обеспеченности землей и скотом обратная, в то время как в III группе соответствующие коэффициенты в большинстве случаев или положительные или близки к нулю. Это отражает трансформацию хозяйственного строя бедных волостей. Если в I группе чем лучше была средняя обеспеченность

двора, тем меньшее распространение имел отход на дальние промыслы, то здесь, наоборот, общий уровень хозяйства настолько был невысок, что даже увеличение посева в среднем на двор или на душу не влекло изменений в доле промысловых хозяйств. С другой стороны, это показывает, что процесс расслоения крестьянства более бурно протекал в беднейших, а не в зажиточных волостях. Кстати, отказ от своего земледелия далеко не всегда приводил к сдаче земли (во всяком случае, в наших данных линейная связь этих показателей минимальна), да и следовал он, в первую очередь, не из-за отсутствия удобных земельных угодий или продуктивного скота и волов, но, главным образом, из-за безлошадности хозяйства. Наличие лошади становилось решающим признаком земледельческого двора. А распределялись лошади по группам волостей далеко не равномерно. В верхней им принадлежала самая значительная часть в общем объеме крупного скота (см. корреляцию с показателем средней обеспеченности двора скотом), а в нижней группе основную массу составляли уже коровы и волы. Причем и тягловый скот здесь по-преимуществу состоял из волов (взаимосвязь их с крупным скотом хоть и небольшая, но выше, чем у показателя "лошадей на двор").

Итак, отражая определенные структурные изменения экономического строя полярных волостей, корреляционные коэффициенты показывают их потенциальные возможности в хозяйственной обеспеченности рабочей силой, косвенные сведения о которой дает "население на двор", продуктивным и тягловым скотом, землей. Что касается средней группы волостей (таблица не приводится), то взаимосвязи показателей свидетельствуют о ее явно промежуточном положении. Здесь накладываются прямопротивоположные тенденции в социальном развитии деревни. Это, безусловно, затушевывает общую картину хозяйственной структуры, которая все же в целом тяготеет к верхней группе. Вместе с тем обнаруживается и ряд своеобразных черт. Так, корреляция данных по аренде с удобной землей, в отличие от I и III групп,

где связь этих признаков приближалась к нулю, доказывает, что для середняка аренда была средством восполнения недостатка своей земли. Более чем в 30% случаев ухудшение средней обеспеченности землей вызвало возрастание доли арендующих хозяйств ($R = -0,55$). С другой стороны, взаимозависимость удобной земли со сдающими хозяйствами показывает, что во II группе волостей число сдающих нередко увеличивается не по причине обеднения дворов, а благодаря естественным условиям. Чем меньше было удобной земли, тем ниже была доля сдающих, и наоборот. Особенности структуры средней группы проявляются и в соотношении различных видов крупного скота. В этих волостях воли практически не играли сколько-нибудь заметной роли. Основу тяглого и продуктивного скота составляли лошади и коровы.

Относительная малочисленность и недостаточность показателей, вошедших в программу первого земского описания Полтавской губернии, не позволяет всесторонне осветить качественные различия социально-экономических типов крестьянства. Но благодаря корреляционному методу, вскрывающему степень сопряженности ряда признаков о долях много- или малолошадных, много- или малопосевных дворов, удастся рассмотреть особенности как определенных категорий волостей, так и определенных типов хозяйств.

Выясняется, что плачевное положение беспосевных и дворов без крупного скота не следует отождествлять с уровнем жизни всех нижних слоев деревни. Набор вариантов здесь был столь разнообразен, что выделить единую, обобщенную социально-экономическую структуру бедного крестьянского хозяйства крайне трудно. Например, тот, кто владел одной головой крупного скота, по своему положению стоял ближе к дворам с пашней 3-9 десятин (о них $R = -0,53$), нежели к беспашотным и безземельным ($R = -0,59$). Причем такое хозяйство по преимуществу имело лошадей (корреляция с "лошадьми на двор" $0,81$), а не коров ($R = 0,28$) и тем более не волов ($R = -0,67$). Безземельные же, напротив, если уж и обладали каким-либо скотом, то ско-

рее волами ($R = 0,42$), чем лошадьми ($R = -0,48$). Вообще однолошадные сравнительно с другими бедными хозяйствами находились на качественно иной ступени. Хотя в целом их положение нельзя назвать устойчивым, предпринимаемые ими шаги по поддержанию своего земледелия, видимо, были отнюдь небезуспешны. Они отказались от поиска средств существования на стороне (с долей хозяйств с отхожими промыслами пусть и не тесная, но самая высокая среди прочих дворов обратная связь — $R = -0,36$), от сдачи земли (линейная взаимосвязь с долей сдающих дворов отсутствует) и сосредоточили все силы на обработке своих участков. В результате благодаря колоссальным усилиям и лишениям при практическом отсутствии аренды и минимальных размерах производственных площадей (с долей арендуемых хозяйств $R = 0,07$; с удобной на двор землей $R = -0,27$) ими удавалось добиться простого воспроизводства и, следовательно, сохранить свою хозяйственную дееспособность.

Заметно отличаются от беспосевных и безлошадных и дворы с пашней до 3 дес. Их численность была обусловлена общим уровнем обеспеченности землей в том регионе, где они находились. Если доля дворов без посева и без крупного скота прежде всего зависела от социальных факторов, от глубины развития процесса разложения крестьянства, а затем уже от специфических особенностей местности, то для этих хозяйств первостепенное значение приобретают средние на двор размеры удобной земли в волости. Чем меньше ее приходилось в среднем на одно хозяйство, тем выше в общем числе дворов был процент имевших пашню 0,1–3 дес. ($R = -0,71$). И наоборот, обилие улучшения земельной обеспеченности вело к сокращению доли таких дворов. Конечно, возможная иная трактовка взаимосвязи: количество хозяйств с минимальным размером пашни, безусловно, должно было влиять на средние площади участков удобной земли. Однако вряд ли это играло решающую роль, ибо тогда становится неясным, почему иные группы беднейших (беспашотные, безземельные, беспосевные и т.п.) и вовсе не лучше обеспеченных землей дворов подобного вли-

яния не оказывали (коэффициент корреляции удобной земли о ними был близок к нулю).

Таким образом, благодаря применению методов количественного анализа появляется возможность раскрыть в определенной мере структурные особенности полжсов деревни, используя при этом лишь уже суммированные по волостям итоговые материалы земской переписи. Однако не уясненным остается экономический облик середняцких дворов, их роль в хозяйственной жизни села. Связано это с тем, что волости, в которых доминировали бы середняки, становятся в эпоху капитализма редчайшим явлением. Отсюда и сравнительный анализ сведений земской переписи 1880 г. с данными 1910 г. по средней группе волостей теряет всякий смысл. Поэтому обрадаясь к сводкам третьей подворной переписи Полтавской губернии, мы ограничимся изучением только полярных групп волостей.

Не будем подробно останавливаться на вопросе достижения сопоставимости цифровых показателей двух земских переписей. Несмотря на то, что программа описания 1910 года создавалась с учетом предыдущих оценочных обследований, многие значимые признаки (а их в сводных таблицах уже 306) абсолютно не соотносятся с аналогичными показателями за 1880-е годы. Это явилось результатом более глубокой и всесторонней, а значит и более дробной характеристики крестьянского хозяйства, и, с другой стороны, применения совершенно новых интервалов при выделении групп дворов, различавшихся по обеспеченности теми или иными угодьями, скотом, величиной посева и т.д. Поэтому для достижения сопоставимости подобные показатели приходилось пересчитывать. Более того, у некоторых волостей за тридцать лет довольно сильно изменились границы. Понятно, что, если такие изменения затрагивали волости одной из наших групп, это никак не затеняло конечные результаты. При прочих же условиях для достижения "чистоты" данных новые по своей географии волости исключались из анализа. В итоге группу зажиточных (I) составили 47 волостей, бед-

ных (II) - 75.

Рассмотрим средний уровень их развития.

Таблица 3

Средние величины признаков по группам волостей (1910 г.)

	Группы волостей	
	I	II
1. Населения на двор	6,09	5,65
2. Хозяйств с промыслами в общем числе дворов (в %)	21,72	27,75
3. Уходящих на промыслы во всем населении (в %)	6,59	9,41
4. Наемных рабочих во всем населении (в %)	7,04	3,57
5. Удобной земли на двор (в дес.)	9,18	6,70
6. Хозяйств, арендующих пашню, в общем числе дворов (в %)	45,11	38,46
7. Арендовано пашни на двор (в дес.)	1,71	1,30
8. Хозяйств, сдающих землю, в общем числе дворов (в %).....	10,38	10,91
Во всем посеве доля посева (в %):		
9. Ржи	19,33	25,32
10. Яровой пшеницы	32,42	20,93
11. Всех посевов на двор (в дес.).	6,69	4,64
12. Волон на двор	0,53	0,29
13. Лошадей на двор	1,17	0,78
14. Всего крупного скота на двор..	2,51	1,71

Примечательно то, что по сравнению с оценочными данными двадцатипятилетней давности многие средние показатели как по верхней, так и по нижней группам волостей заметно возросли. Увеличились размеры землевладения, землепользования и даже количество душ, приходящихся в среднем на одно хозяйство. Причем в то время как прирост сельского населения равнялся 3-4%, крестьянское земле-

владение выросло на 22-30%. То есть в целом по губернии, судя по средним, повысился земледельческий уровень крестьянства. Больше стало собственной земли, больше ее стало и засеиваться. Вместе с тем если раньше посевные площади в общем объеме своей удобной земли составляли 60-69%, то теперь в бедных волостях - 69,9%, в зажиточных - 73,5%. Следовательно, увеличение посевов шло и по экстенсивному, и по интенсивному пути. Соотношение же в средствах производства между группами волостей оставалось прежним. Все так же приоритет принадлежит I группе.

Правда, здесь можно отметить ряд особенностей. Прежде всего, расширение удобных и распаханых земель практически не было связано с повышением роли аренды. Не изменилась ни численность арендуемых хозяйств, ни размеры арендуемой пашни. Доля же посевов на арендованной земле сократилась почти до одной четверти. Явления застоя в арендных отношениях сказались и на характере сдачи земли. Количество дворов, сдающих всю свою землю, даже в нижней группе волостей несколько уменьшилось, и тем самым участки сдаваемых в аренду земель в противоположных волостях в общем вывелировались. Возрастание же производственных площадей, видимо, шло исключительно за счет покупки земли.

Изменения коснулись не только недвижимой собственности крестьян. Новые тенденции наблюдаются и в обеспеченности жирным инвентарем. Хотя количество крупного скота в среднем на двор осталось на прежнем уровне, в структуре тягловой силы произошел качественный сдвиг. Вдвое сократилось число волов и во столько же раз выросло поголовье лошадей. При этом в бедных дворах волы уже почти полностью отсутствовали: в условиях повышения товарности крестьянского хозяйства и вздорожания землях содержание становилось нерентабельным без достаточных сенокосных угодий и пастбищ.

Широкое проникновение на село товарно-денежных отношений резко меняло хозяйственный уклад крестьянства.

Блестящим проявлением подобных перемен могут служить пропорции высева важнейших культур. В 80-е годы рожь и ячмень повсеместно занимали около 60% площади всех посевов. Теперь же их доля не превышала и 40%. На освободившихся за счет этого площадях стали возделывать в первую очередь яровую пшеницу и овес. При общем увеличении засеваемых земель в I-й группе волостей на 40% клин пшеницы и овса расширился соответственно на 66% и 33%. Во II-й группе волостей размеры всех посевов возросли на 29%, а участки, отведенные под яровую пшеницу и овес, — на 47% и 72%. Рожь, правда, еще оставалась здесь ведущей земледельческой культурой, но ее позиции были сильно подорваны. Интересы рынка нарушили веками складывавшееся соотношение в севе главных хлебов. Крестьяне не расширяли и даже сокращали посевы культур, которые в значительной мере были предназначены для внутреннего потребления, отдавая предпочтение дорогой в товарном отношении пшенице.

Новые черты в облике полтавской деревни теснейшим образом были связаны с процессом ее дифференциации. За два десятилетия социально-экономическая структура крестьянства преобразилась колоссально. Крайне быстро протекало размывание середняцкого слоя (см. табл. 4),

Таблица 4

Процентное соотношение различных по экономическому уровню хозяйств (по полярным группам волостей)⁴

	Группа волостей			
	1880 годы		1910 г.	
	I	II	I	II
В общем числе хозяйств доля дворов (в%):				
1. Без земли и без пашни...	14,54	25,91	16,96	23,21
2. С пашней 0, I-3 дес.....	24,85	27,26	29,36	34,42
3. С пашней 3, I-9 дес.....	41,16	36,67	34,79	29,49
4. С пашней 9, I-15 дес.....	9,27	6,84	10,10	7,06

I	2	3	4	5
5. С пашней свыше 15 део.	7,33	4,87	8,20	5,86
6. Без крупного скота....	24,28	35,80	22,71	32,12
7. С 1 головой кр.скота..	12,12	16,30	31,47	39,44
8. С 2-3 головами рабочего скота	-	-	32,31	22,41
9. С 4 и более головами раб. скота	-	-	12,44	4,77

За счет такого сокращения численно возросли крайние группы хозяйств. Конечно, в основном при этом увеличивались нижние слои крестьянства. Зажиточные же усиливались скорее качественно, а не количественно. Так, если численность дворов без и с одной головой крупного скота повышалась в обеих группах волостей почти в полтора раза, то доля хозяйств с пашней свыше 15 десятин - менее чем на 1%. Поэтому процесс расслоения деревни нельзя понимать прямолинейно. Поляризация крестьянства имела свои особенности. При значительном повышении хозяйственного уровня и экономической мощи зажиточных дворов, число которых осталось в древних границах, казалось бы, должен был возрасти и удельный вес противоположного полюса. Однако практически слои сельского пролетариата и lumpen-пролетариев не только не увеличились, но даже немного уменьшились. Доли хозяйств без земли, без пашни и без крупного скота понизились в среднем приблизительно на 2%. Зато основную часть дворов, вымываемых с развитием капитализма из середняцких групп, поглощало бедное крестьянство. Именно эта категория хозяйств отныне становится центральным звеном всей социальной цепи полтавской деревни. Таким образом, дифференциация крестьян вела не к полному обеднению, а скорее к обеднению их подавляющего большинства.

Итак, в целом в крестьянском хозяйстве Полтавской губ. наблюдался заметный подъем. Прогресс в земледелии был характерен для обеих групп волостей. А при этом в

социальной структуре, наоборот, все более и более доминировали малоимущие слои.

Что же касается внутренней социально-экономической структуры крестьянского хозяйства, которую вскрывает метод корреляционного анализа, то характер взаимосвязей, их направления в основном остались прежними (ср. табл. 5 и табл. 2).

Таблица 5

Корреляционные зависимости основных хозяйственных показателей по группам волостей. 1910 год.

(Наддиагональная часть - II группа, поддиагональная часть - I группа волостей)

	Коэффициент корреляции 0...									
	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Населения на двор.....	X	56	24	-61	03	16	18	05	14	21
2. Удобной земли на двор	40	X	44	-52	58	46	50	37	55	43
3. Арендовано пашни на двор	42	35	X	-30	60	20	43	41	45	31
4. Доля хозяйств, сдающих землю	-07	-15	-24	X	-29	20	-42	-30	-13	-19
5. Посева на двор	56	90	61	-23	X	50	42	53	63	57
6. Волон на двор	28	36	11	-09	40	X	28	-25	48	45
7. Коров на двор	-01	45	20	-14	36	04	X	33	53	41
8. Лошадей на двор	52	76	53	-06	77	-15	38	X	44	27
9. Крупного скота на двор.....	54	90	54	-13	90	30	61	86	X	77
10. Плугон на двор	63	84	51	-20	91	28	41	81	89	X

Несколько слабее становится в верхней группе зависимость между населенностью двора и его обеспеченностью землей, что свидетельствует, во-первых, о все большем нарушении уравнительности наделного землевладения, вызываемого махинациями деревенской верхушки, и, во-вторых, о резком повышении роли купчих земель.

В противоположность этому взаимосвязь числа душ в среднем на двор с арендой усиливается, ибо в первую очередь арендаторами были многосемейные зажиточные хозяйства. Правда, аренда являлась и средством борьбы с растущим малоземельем и к ней в той или иной степени прибегали все земледельческие дворы. Потенциальная связь земельной тесноты с количеством едоков в хозяйстве порождала и увеличение доли арендующих. Другое дело, сколь значительны были арендованные участки. Здесь, как можно заметить, корреляция с населением отнюдь не высокая.

В нижней группе волостей также изменяется характер в теснота взаимосвязей ряда признаков с населением. Но у бедных этот демографический показатель отходит на второй план. Он все менее и менее отражает социально-экономические особенности объекта. То есть социальное звучание этот натуральный показатель приобретает лишь при характеристике зажиточных волостей. В целом же, сравнительно с 80 гг. XIX в., наблюдается намного более тесная взаимосвязь удобной земли во владении, посева, крупного скота (в котором лошади занимают теперь ведущее положение) и, добывим сюда, сельскохозяйственных орудий. Корреляция этих показателей достигла в верхней группе волостей примерно $R \approx 0,8-0,9$ (в 1880 г. - $R \approx 0,5 - 0,55$), в нижней группе - $R \approx 0,58 - 0,62$ (в 1880 г.г. - $R \approx 0,43$). Таким образом, объективное развитие товарно-денежных отношений имело прямым результатом усиление взаимозависимости всех элементов крестьянского хозяйства.

Буржуазные отношения, пустившие заметные корни в деревне, меняли саму сферу аграрной жизни. Крестьянские дворы все более и более рационализировали свою экономику. Одни - ради увеличения прибылей, другие - ради собственного сохранения. Благодаря этому социально-экономический строй крестьянского хозяйства, его внутренняя структура преобразовалась буквально на глазах. Новые условия деятельности крестьян требовали консолидации всех компонентов сельскохозяйственного производства.

В этом отношении показательной является и попытка описать зажиточную и бедную группы волоостей с помощью ряда факторов. Используя метод экстремальной группировки, при котором ЭВМ перебрасывает признаки до тех пор, пока не достигаются максимально тесные связи внутри каждого фактора, были выделены 6 факторов, включающих в себя все отобранные из сводки 1910 г. 69 относительных показателей. Дальнейшее увеличение числа факторов вело, в основном, к их дроблению, в то время как охват информации, например, при переходе к семи факторам возрастал менее чем на 3%. Поэтому было решено остановиться на 6 факторах, тем более, что абсолютное значение их суммарной нагрузки составляло 73-75% от общего числа показателей.

Объем статьи не позволяет привести по обеим группам все признаки, составившие эти 6 факторов, поэтому ограничимся лишь теми, у которых теснота связи со своим фактором была выше 0,7 (табл.6).

Таблица 6

Факторная характеристика социально-экономической структуры нижней группы волоостей

Фактор и его удельный вес в суммарной факторной нагрузке (в %)	Относительные показатели и их факторная нагрузка
1. Размах применения наемного труда (11,9%)	1. Плугов на наемного рабочего (-0,87) 2. Лошадей на наемного рабочего (-0,86) 3. Плугов на десятину посева (-0,76) 4. Наемных рабочих на део. посева (0,75) 5. Сданной пахоты во всей удобной земле (0,71)
2. Специализация земледельческого производства (12,92%)	1. Посев ячменя во всем посеве (в %) (0,87) 2. Коров на десятину посева (-0,81) 3. Крупного скота на дес. посева (-0,72) 4. Посев пшеницы во всем посеве (в %) (0,71)

I	2
3. Арендные отношения (9,13%)	I. Арендовано пахоты на душу (-0,92) 2. -"-" -" к посеву (-0,91) 3. -"-" -" ко всей удобной земле (-0,9) 4. -"-" -" на двор (-0,89)
4. Степень и характер развития буржуазных отношений (13,36%)	I. Сдано земли на сдающее хозяйство (-0,94) 2. -" на двор (-0,92) 3. Наемных рабочих на двор (-0,9) 4. -" на нанимающий двор (-0,9) 5. -" во всем населении (в %) (-0,9) 6. Сдано земли на душу (-0,9) 7. Хозяйств с паровыми молотилками в общем числе дворов (в %) (-0,8)
5. Размеры и уровень хозяйства (38,96%)	I. Крупного скота на двор (0,97) 2. -" на душу (0,95) 3. Доля хозяйств без крупного скота (-0,95) 4. Населения на десятину посева (-0,91) 5. Посева на двор (0,86) 6. Хозяйств, сдающих землю, к арендующим (в %) (-0,85) 7. Доля хозяйств без посева (-0,85) 8. Коров на двор (0,84) 9. Лошадей на двор (0,83) 10. Посева на душу (0,83) 11. Доля хозяйств с 1 головой крупного скота (0,81) 12. Плугов на двор (0,81) 13. Удобной земли на двор (0,8) 14. Коров на душу (0,8) 15. Доля хозяйств с 2-3 головами рабочего скота (0,79) 16. Доля хозяйств с пахотой 3-9 дес. (0,79) 17. -" сдающих свою землю (-0,79) 18. Удобной земли на душу (0,76) 19. Доля хозяйств с пахотой 9-15 дес. (0,76)

I	2
6. Энерговооруженность (13,28%)	1. Доля хозяйств с двумя работниками (0,87) 2. -" с 3 и более работниками (0,85) 3. Населения на двор (0,86) 4. Доля хозяйств с 1 работником (-0,82) 5. -" без своих работников (-0,78)

Последний фактор, конечно, можно было бы назвать иначе, однако подобная его трактовка основывается на наличии в нем таких показатели, как количество волов в среднем на двор (корреляция со своим фактором =0,54), лошадей на плуг (-0,51), волов на десятину посева (0,32). Интересно отметить, что и по первой группе волостей образовались пять сходных факторов:

1. Степень и характер развития буржуазных отношений (16,35%)

2. Арендные отношения (10,07%)

3. Специализация сельскохозяйственного производства (13,07%)

4. Размеры и уровень хозяйства (33,47%)

5. Энерговооруженность (12,04%)

По составу вошедших в них показателей они оказались почти полным повторением соответствующих факторов, приведенных в таблице 6.

Шестой же фактор - "развитие промыслов" (удельный вес 14,14%) - включил в себя следующие признаки:

1. Доля хозяйств с пахотой 0,1-3 дес. (корреляция с фактором $R = 0,82$)

2. -" 9-15 дес. (0,79)

3. Доля хозяйств с промыслами (-0,79)

4. -" , обработавших землю своим скотом (0,72)

5. Доля промышленников во всем населении (-0,76)

Таким образом, подтверждается качественная близость внутренней структуры крестьянского хозяйства полярных групп волостей. Независимо от зажиточности волости ее

хозяйственный механизм определялся примерно одной совокупностью факторов. Причем и в той и в другой группе первостепенное значение, судя по удельному весу факторов, имели уровень и размеры хозяйства, а также степень и характер развития бургуазных отношений.

Итак, проведенный анализ выявил возможность и результативность исследования сводок земских подворных переписей с помощью методов математической статистики. Источник этот позволяет проследить как в целом развитие крестьянского хозяйства за крайне важный предреволюционный период истории России, так в определенной мере и охарактеризовать на основе лишь поволостных сведений хозяйственный строй некоторых типов крестьянских дворов. Решающая роль в получении подобной информации, безусловно, принадлежит корреляционным моделям.

Примечания:

1. Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губернии, тт. I—У, УП—ХУ. Полтава, 1882—1893. Приложение в "Сводному сборнику по статистическому описанию Полтавской губернии". Полтава, 1892. Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 г. Полтава, 1910—1914.
2. Оптимальные границы предложенного коэффициента были установлены эмпирическим путем. К зажиточным причислялись те волости, где соотношение полярных групп дворов не превышало 8, к средним — где оно колебалось в пределах 8—12, а те волости, где этот коэффициент был выше 12, — отнесены к бедным.
3. Указанные 221 вол. охватывает 13 уездов губернии. Материалы переписей 1882—1883 гг., проводившихся в Зеньковском и Полтавском уездах, исключены из анализа в силу неразработанности и несопоставимости их программ с данными обследований всех прочих уездов.
4. В результате ошибок округления, возникающих при счете на ЭВМ, сумма процентных соотношений не всегда равна 100%.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Л.Д.МУРАВЬЕВА. Летописные источники "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина (т. IV-V).....	4
Н.Д.ПУШКАРЕВА. Рядная грамота Федора Онкифовича с Матфеем Ивановичем XV в. (Спорные вопросы герменевтики памятника наследственного права).....	87
Н.М.РОГОЖИН. Посольские книги и другие источники XUI в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613-1618 гг.	51
Б.Н.МОРОЗОВ. Служебные и родословные документы в частных архивах XUI в. (К постановке вопроса).....	70
М.П.ЛУКИЧЕВ. Новые материалы к биографии С.И.Шаховского	99
Л.В.ЛАВРЕНТЬЕВ. Оригинальные сведения о "смутном времени" в Летописном своде 1652 г.	108
А.П.БОГДАНОВ. Редакции Летописца 1619-1691 гг.	124
А.И.КАЗАКЕВИЧ. Следственное дело А.И.Шейна под Воскресенским монастырем	152
И.А.ГИЛЯЗОВ. Описания Симбирской губернии как источник о социально-экономическом развитии народов Среднего Поволжья второй половины XUII в.	170
А.В.КОВАЛЬЧУК. Ведомости московских текстильных мануфактур как исторический источник (последняя треть XUII в.)	179
А.В.АНИКИН. Забытый источник по истории русской экономической мысли начала 80-х гг. XIX в.	208
К.Б.ЛИТВАК. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Полтавской губернии (по материалам земских подворных переписей 1880-х и 1910 г.)....	217

Редактор А.П.БОГДАНОВ

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

**Подп. в печ. 08.02.83 А-00025 Ф-т 60x84/16 11,8 уч.-над.л.
15 п.л. Тираж 300 экз. Цена 75 коп. Заказ № 18**

**Участок оперативной полиграфии Институт истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19**